

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 75
№ 12 (193) 2022
ДЕКАБРЬ

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Актуальные векторы развития
местного самоуправления
в русле ответственного
делегирования власти
народом

К вопросу о формировании
концепции допустимости
представления результатов
оперативно-розыскной
деятельности

О значимых исторических
вехах становления
и развития государственного
контроля (надзора) в его
государственно-правовом
осмыслении

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КСЕНОФОНТОВА Дарья Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЕШЕ-ГОЛОВКО Карин — доктор публичного права (Франция), президент Комитас Генциум Франция–Россия,

приглашенный профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

ИСАЕВ Игорь Андреевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, PTB, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

МОРОЗОВ Андрей Витальевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СТАРИЛОВ Юрий Николаевич — доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной

власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович — кандидат юридических наук, профессор, заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерал-полковник, главный редактор журнала «Наркоконтроль», г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингенский университет

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

ЯРКОВ Владимир Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГРОМОШИНА Наталья Андреевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОМАРОВА Валентина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 75
№ 12 (193)
декабрь 2022

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государ-

ственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru
<https://lexrussica.msal.ru>

САЙТ

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 21.12.2022
Объем 17,78 усл. печ. л. (14,75 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, PTB, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Daria S. KSENOFONTOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Family and Housing Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Karine BECHET-GOLOVKO — Doctor of Public Law (France), President of the Comitatus Gentium France-Russie, Visiting Professor of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Igor A. ISAEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Andrey V. MOROZOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law, Informatics and Mathematics of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Yuriy N. STARILOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Procedural Law of the Voronezh State University, Voronezh, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Aleksandr V. FEDOROV — Cand. Sci. (Law), Professor, Vice-Chairman of the Investigation Committee of the Russian Federation, Colonel General, Editor-in-Chief of the Journal «Drug Enforcement» (Narcocontrol), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS),

University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vladimir V. YARKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Natalia A. GROMOSHINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Valentina V. KOMAROVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Nikita L. LYUTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 75
№ 12 (193)
December 2022

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

21.12.2022
Volume: 17,78 conventional printer’s sheets (14,75 author’s sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich’s, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / JUS PRIVATUM

Скачков Н. Г. Правопонимание управленческих решений
в трансграничной морской перевозке углеводородов: цифровые технологии хеджирования 9

Хамидуллина Ф. И., Газизуллин Р. И. Принципы права и стандарты ESG
в сфере социально ответственного предпринимательства 21

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / JUS PUBLICUM

Головин А. Г. Актуальные векторы развития местного самоуправления
в русле ответственного делегирования власти народом 31

Забелина Е. П. Территориальное устройство муниципальной власти на современном этапе 43

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / JUS CRIMINALE

Маслов В. А. Декларируемые и истинные цели уголовного наказания 52

Семенчук В. В., Ларичев В. Д. К вопросу о формировании концепции
допустимости представления результатов оперативно-розыскной деятельности 63

ИСТОРИЯ ПРАВА / HISTORIA LEX

Галкин И. В. *Ius gentium* и *ius naturale* в западноевропейской политико-правовой мысли XVII столетия 77

Спиридонов А. А. О значимых исторических вехах становления
и развития государственного контроля (надзора) в его государственно-правовом осмыслении 96

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО / JUS GENTIUM

Меркушин В. В. Международные специальные операции: понятие,
проблемы международно-правового сопровождения,
противодействие вызовам и угрозам безопасности государств 112

КИБЕРПРОСТРАНСТВО / CYBERSPACE

Ахмадуллина А. Ф. Гражданско-правовое значение аккаунтов в социальных сетях 130

РЕКОМЕНДУЕМЫЕ КНИГИ И РЕЦЕНЗИИ / INDEX LIBRORUM

Честнов И. Л. Реалистично о правовом реализме:
рецензия на монографию: Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм. СПб. : Алетей, 2022. 464 с. 145

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Skachkov N. G.** Legal Understanding of Management Decisions
in Hydrocarbons Cross-Border Marine Shipping: Digital Hedging Technologies 9
- Khamidullina F. I., Gazizullin R. I.** Principles of Law
and ESG Standards in Socially Responsible Entrepreneurship 21

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Golovin A. G.** Current Vectors of Local Self-Government Development
in Line with the People's Responsible Delegation of Power 31
- Zabelina E. P.** Territorial Structure of Municipal Government at the Present Stage 43

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

- Maslov V. A.** Declared and True Goals of Criminal Punishment 52
- Semenchuk V. V., Larichev V. D.** Formation of the Concept
of Admissibility of Presentation of the Results of Operational Investigative Activities 63

HISTORY OF LAW / HISTORIA LEX

- Galkin I. V.** Ius Gentium and Ius Naturale in Western
European Political and Legal Thought in the 17th Century 77
- Spiridonov A. A.** On Significant Historical Milestones
of Formation and Development of State Control (Supervision) in State Legal Understanding 96

INTERNATIONAL LAW / JUS GENTIUM

- Merkushin V. V.** International Special Operations:
Concept, Problems of International Legal Support,
Countering Challenges and Threats to the Security of States 112

CYBERSPACE / CYBERSPACE

- Akhmadullina A. F.** Civil and Legal Significance of Social Media Accounts 130

RECOMMENDED BOOKS AND REVIEWS / INDEX LIBRORUM

- Chestnov I. L.** On Legal Realism in a Realistic Manner.
Monograph Review. Tonkov EN, Tonkov DE. Legal Realism
(St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2022. 464 p.) 145

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.009-020

Н. Г. Скачков*

Правопонимание управленческих решений в трансграничной морской перевозке углеводородов: цифровые технологии хеджирования

Аннотация. В статье исследуется одно из направлений применения права, методологическим инструментарием которого является индивидуализированный подход к нормам права с последующим их расширительным толкованием применительно к конкретным правовым ситуациям. Подобным образом определяется вектор нормотворческой деятельности в отношении транспортировки сырой нефти и продуктов ее переработки полностью морским путем. В работе не только отражены основные доктрины правовопонимания, но и представлена оценка их правоприменительного потенциала, способности влиять на формирование отраслевых, межотраслевых институтов права. Рассматривается финансовое посредничество и хеджирование, которое выполняет те же дилерские функции, но с гораздо меньшими затратами, чем классические банковские институты. Особый интерес для автора представляет реализация института производного кредитного инструмента в правоприменительной практике. В работе рассмотрено такое явление, как противостояние естественного и позитивного права в контексте предпринимательской деятельности. Перевозка партий нефтепродуктов рассматривается как возмездное пользование имуществом. Позитивистское правовопонимание видится автору не менее важным. В работе выявлено, насколько оно может послужить основанием для принятия управленческих решений по рыночным рискам, рискам изменения портфелей финансовых инструментов, рискам вероятных убытков.

Операции с цифровым активом вполне обоснованно относятся к сфере хеджирования, если сохраняется причинно-следственная связь между видами базисного актива и стратегией хеджирования, с применением цифровых примеров. Коллизионные привязки к закону валюты платежа, срокам и объемам выплат рассматриваются как в русле стратегий хеджирования, так и утилитарно в контексте совершения записи о переходе прав. Автором делается вывод о предназначении коротких и длинных позиций нетто-активов, хеджируемых против лимитов маржинальной торговли, если обеспечение сделки по транспортировке нефти будет признано недостаточным. Коммерсанты получают заемный капитал под залог своего собственного.

Управленческие решения обеспечивают последовательность идентификации всех актуальных рисков, позволяют привлечь для формирования заемного покрытия исключительно лицензированных контрагентов, регулярно пополняя резервы ликвидных средств при проведении операций с виртуальными валютами, иными обезличенными (в персональном отношении) активами. Управленческие решения рассматриваются как одно из мерил стоимости, хеджирование сходно кредитному договору, так как имеет общую с ним цель — добиться обязательности транша для тех производных финансовых инструментов, которые неизменно сохраняют высокий уровень ликвидности и волатильности.

Ключевые слова: концепция правовопонимания; институт права; морская перевозка нефти; управленческие задачи; цифровой актив; виртуальное хеджирование; сетевые технологии; уступка прав; переход

© Скачков Н. Г., 2022

* Скачков Никита Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
skanic@mail.ru

рисков; кредитное предложение; транш; овердрафт; нефтяные трейдеры; опцион; налоговый вычет; чистая прибыль; инвойс.

Для цитирования: Скачков Н. Г. Правопонимание управленческих решений в трансграничной морской перевозке углеводородов: цифровые технологии хеджирования // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 12. — С. 9–20. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.009-020.

Legal Understanding of Management Decisions in Hydrocarbons Cross-Border Marine Shipping: Digital Hedging Technologies

Nikita G. Skachkov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
skanic@mail.ru

Abstract. The paper examines one of the areas of law application that is methodologically based on an individualized approach to the norms of law with their subsequent broad interpretation in relation to specific legal situations. Similarly, the vector of rule-making is determined in relation to the transportation of crude oil and its refined products entirely by sea. The work not only reflects the basic doctrines of legal understanding, but also presents an assessment of their law enforcement potential, the ability to influence the formation of sectoral, intersectoral institutions of law. The author examines financial intermediation and hedging that performs the same dealer functions, but with much lower costs than classical banking institutions. Implementation of the institution of a derivative credit instrument in law enforcement practice is of particular interest to the author. The paper considers such a phenomenon as confrontation between natural and positive law in the context of entrepreneurial activity. Transportation of petroleum products' tenders is considered as a compensated use of property. The positivist legal understanding is seen by the author as no less important. The paper explains to what extent it can serve as a basis for making management decisions concerning market risks, risks of changes in portfolios of financial instruments, risks of probable losses.

Transactions with a digital asset quite reasonably belong to the field of hedging, if there is a causal relationship between the types of the underlying asset and the hedging strategy, using digital examples. Connecting factors to the law of the payment currency, terms and amounts of payments are considered both in line with hedging strategies and utilitarianly in the context of making a record of the rights' transfer. The author draws a conclusion concerning the purpose of short and long positions of net assets hedged against margin trading limits if the security of an oil transportation transaction is found to be insufficient. Merchants receive borrowed capital secured by their own assets.

Management solutions ensure the sequence of identification of all relevant risks, facilitate attracting exclusively licensed counterparties for the formation of loan coverage, regularly replenishing the reserves of liquid funds when conducting transactions with virtual currencies and other impersonal (in personal terms) assets. With management decisions being considered as one of the measures of value, hedging is similar to a loan agreement, since they have a common goal — to gain mandatory tranche for the derivative financial instruments that invariably maintain a high level of liquidity and volatility.

Keywords: concept of legal understanding; institute of law; marine shipping of crude; management tasks; digital asset; virtual hedging; network technologies; assignment of rights; transfer of risks; loan offer; tranche; overdraft; oil traders; option; tax deduction; net profit; invoice.

Cite as: Skachkov NG. Pravoponimanie upravlencheskikh resheniy v transgranichnoy morskoy перевозке углеводородов: tsifrovye tekhnologii khedzhirovaniya [Legal Understanding of Management Decisions in Hydrocarbons Cross-Border Marine Shipping: Digital Hedging Technologies]. *Lex russica*. 2022;75(12):9-20. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.009-020. (In Russ., abstract in Eng.).

Юриспруденция на современном этапе существует в условиях объективных процессов трансформации основных правовых систем. Надо ли говорить, насколько такая метаморфоза сказывается на взаимосвязи локальных и гло-

бальных институциональных форм регламентации правоотношений, служит предпосылкой для кризиса универсализации юридических норм. В сфере морской транспортировки тяжелых углеводородов — сырой нефти, а также

продуктов ее переработки — проблема обобщенности правовых положений ощущается наиболее остро. Бесспорно, доставка, где констатируются и возмездный характер контракта об оказании услуг, и социальная функция перемещения товара как имущественной ценности, обусловлена экономическим содержанием частноправового института организационных договоров. Как представляется, предмет регулирования того или иного экономического института тоже должен обрести в том числе и твердую юридическую составляющую. Она основывается на претворении в жизнь системы норм регулятивной и волевой направленности.

Между тем новый передел рынка углеводородов указывает на отрицательную сторону взаимодействия (данных норм). Преимущественное значение отводится экономически обоснованному распределению долей главных игроков нефтегазовой отрасли. Риски ценообразования добавленной стоимости работ и услуг для хозяйствующих субъектов в этой связи только возрастают: помимо договора перевозки, коммерсанты вынуждены теперь заключать еще и фьючерсный контракт. Подобным образом они подтверждают свою готовность к исполнению обязательств, пока поставка партии нефтепродуктов не произойдет. Риски валютных колебаний создают существенную проблему, в этом ключе стоит сразу упомянуть практику хеджирования, где и определяется, насколько правовые институты управления публичными доходами способны выполнять функцию инструмента управления активами в целом. В то же время трудно обойти вниманием институты рынка, благодаря им формируются риски потребителей, складывается так называемая наличная их позиция. Комбинируя ее с фьючерсной, удастся получить итоговую позицию нетто, в которой изменения цен или уменьшены, или вовсе устранены.

Однако экономическим их обоснованием всё же является динамика операционных расходов к моменту начала загрузки энергетического сырья в отведенное для этого хранилище. Собственно, сквозь призму экономических принципов рассматривается эффективность действий основного оператора для логистической сети, а также системных, которые отвечают за инфраструктуру платежных услуг, применение регулирующих, надзорных функций. Конечно, здесь стоит упомянуть и об операторе обмена данными цифровых активов. Он отвечает на вопрос, звучащий здесь буквально лейтмотивом:

какие операции с вложениями, вытекающими из них утилитарными правами могут именоваться хеджированием. В то время как прибыль от выкупа цифровых активов корректируется за счет применения финансовых инструментов срочных сделок, так же как и баланс доходов, связанный с хеджируемым риском.

Управленческое решение тогда принимается одним из первых, несомненно, оно волевое, преследует цели сузить границы непознаваемого риска, доведя его до уровня относительно допустимого. Правопонимание в этой связи явно дифференцируется от легистского подхода, когда такой критерий установления правомерности, правовой целесообразности, как интуиция рискующего субъекта, подчинен внутренней логике цифрового пространства. Ее внутренняя непротиворечивость фиксируется действующим законом, где обеспечивается взаимосвязь нормативных материалов, их содержательное и смысловое восприятие. Виртуальное хеджирование воспринимается поэтому как сложный комплекс правовых режимов, где регулятивные нормы задают тон всей системе регулирования общественных отношений. Границы правового поведения установлены дуалистично либо как разрешающие, либо как ограничивающие, пресекающие.

Закономерно прослеживается противоречие данного объективно существующего начала с волеустановлением, его атрибутами, такими как нормативно-тарифное предписание, реализация правосубъектности как управленческой задачи через призму длящихся правоотношений. Исход здесь предрешен. Это упрочение антагонизма естественного и позитивного права, наиболее общих их теоретических признаков, с одной стороны, а также реальной юридической прогностики, запланированной на извлечение доходов, соответственно, с другой. Сетевые технологии хеджирования позволяют соотнести показатели чистых балансовых активов с трейдерскими за приобретенную нефть, после того как они воплотились в идентификаторы блокчейна, а также иных сходных с ним программных продуктов.

Хотя, убеждена Р. С. Хак (с коллегами), для цифрового хеджирования гораздо важнее приобретаемая возможность заключать фидуциарные сделки в интересах и по поручению третьих лиц. Запрограммированная буквально достоверность стоимостной оценки обуславливает возмездный характер заключаемых контрактов. Однако действует данное условие для того, кто,

что называется, включен в систему, разделяет предложенный ей порядок проверки истории транзакций¹.

В этой связи предугадываются разноаспектные группы управленческих решений. Определенный их массив принимается онлайн-брокером, он помогает частным инвесторам (оплачивают перевалку LPG — попутного нефтяного газа — на специально подготовленном для этого морском терминале) в организации сетевых торгов. Хеджируются тогда так называемые позиции — нетто против риска изменений в стоимости базового актива, тем самым приобретает возможность приравнять кредитное плечо к разряду управленческих приемов.

Формально они открывают мультивалютные счета. Хотя на деле их предназначение несколько иное: предназначены для погашения рисков оспаривания необеспеченных сделок, свидетельствуют о просчетах конструирования кредитного портфеля, наступающих рисках системного дефолта компании — экспортера нефтепродуктов, которые иной раз слишком велики. Укажем и на изъяны логики при составлении договора инвестиционного займа, изоляцию активов, когда водораздел между финансированием посредством гарантий обеспечения, а также за счет продажи активов, оказывается непреодолимым. Вследствие чего приходится мириться с существенными ограничениями на доступ к финансовой информации.

Однако тому же поручителю непросто возложить на себя ответственность, назначенную должнику, поскольку сначала следует определить место в правоотношениях для субъекта кредитной истории. Можно не рассчитать все ее транши по коэффициентам взвешенных рисков, особенно если сведениями о показателях достаточности капитала то или иное лицо располагает едва ли.

Искомые нормативы между тем установлены, согласно измерениям прибыльности активов, более известным как Стандарты «Базель III» (окончательно вступили в силу с 1 января 2022 г.). Насколько они сопоставимы с виртуальным хеджированием? Некая связь, несомненно, существует, скажем, операционные риски реализуются не только в цифровой

среде, но и в целом типичны для нашей повседневности, окружающей нас юридической действительности, где прямые потери возникают, наверное, много чаще.

Тогда как мотивированные аргументы заемщикам, почему им стоит ограничить потенциальный объем кредитных рисков, способны снискать себе применение как в сфере интернет-банкинга, так и далеко за ее пределами. Вместе с тем хеджирование предшествует идентификации кредитных рисков, необходимо, чтобы действия относительно их объекта и порядка расчета предусматривались в основном договоре (купли-продажи, перевозки партии нефтепродуктов). Там же, собственно, и содержатся такие процедуры, как прием нефти оператором, сдача ее получателю, учет качества «черного золота». По мнению У. Н. Хофельда, данные контракты примечательны в том числе и своей правоприменительной позицией, которая интегрируется в правоотношение, закрепляя сравнительно глубоко правовой статус субъекта обязательства, требования к нему, его обязанности, привилегии, а также отсутствие полномочий².

Вместе с тем выработка управленческих решений больше подчинена созданию стоимости, основывается на двух основных ее критериях — доходности и риска. Как таковое хеджирование предотвращает наступление неблагоприятных внешних факторов, максимально близких к рискам. Прибыль тем не менее продолжает оставаться стабильной, большой доход, конечно, извлекаем, но совокупному размеру заемных средств отвечает едва ли. Предварительно надо передать риски. Одни субъекты хозяйствования хотят от таких рисков полностью избавиться, настолько, что даже готовы за них дополнительно заплатить, другие, напротив, готовы подобные риски принять, но тоже отнюдь не бескорыстно, а за высокое вознаграждение.

Помимо страхования полученных рисков, данным выгодоприобретателям приходится решать и сложную весьма задачу замещения одних условий финансового инструмента другими, например вместо извлечения базового актива целиком добиться всего лишь изменения его цены. Управленческие решения

¹ *Haque R. S., Rodrigo P., Brend P., Nelson R.* Blockchain Development and Fiduciary Duty // Wake Forest University Research Papers Journal. February 2020. Vol. 139. P. 146.

² См.: *Хофельд У. Н.* Некоторые основные юридические понятия в приложении к судебной аргументации // Основные юридические понятия Уэсли Н. Хофельда / сост. и пер. с англ. А. А. Гайдамакина ; под науч. ред. М. В. Антонова. СПб., 2016. С. 59–92.

принимаются с целью структурирования тех финансовых продуктов, которые как минимум позволяют погасить колебания курсов криптовалют. Как максимум определяется порядок «овеществления» цифрового имущества, а точнее — включения его в общую систему регулирования частноправовых институтов.

При этом трудно усомниться: цифровые процессы только соприкасаются с правовой материей, тогда как углеводороды в юридическом смысле материальны — это все вещи, обусловленные родовыми признаками. Правопонимание указывает на существенные условия договора по реализации нефти и нефтепродуктов, неважно, установлены ли они законом или сформулированы в коммерческом соглашении об использовании провозных емкостей. Вместе с тем объект такого договора гражданско-правовых отношений, работ, а также услуг, иные условия такого договора всецело определяются законодателем.

Бесспорно, он заинтересован в надежности компании — перевозчика нефтепродуктов, предоставленной ему возможности сразу после выплаты процентов произвести оплату еще и основного долга, избегая рисков ресурсного обеспечения и прежде всего формирования крайне запутанного клубка встречных обязательств. Хеджирование в этой связи воспринимается как система заключения срочных сделок, дата их исполнения привязана к срокам уплаты основного долга. Казалось бы, самое время предусмотреть, какие из параметров риска относятся к категории наиболее волатильных, для них ключевым нормативом эффективности, стоит заметить, является цена на нефть.

Ее формирование происходит с дисконтом к одному из маркерных сортов, а поэтому всегда будет, наверное, иметь критиков. Во всяком случае, стоимость той партии углеводородов, что была погружена сразу после переработки, учитывается в интересах потребителей по договору купли-продажи, но никак не перевозчиков. Последние вынуждены брать кредиты в надежде на списание части понесенных затрат по расчетному счету. Однако и потребность получателя в заемном финансировании тоже может оказаться высокой. Банки предлагают им продолжить заключать хеджирующие сделки,

но с одной небольшой поправкой — данные контракты включаются в кредитный договор как обязательное условие выдачи транша.

Оттого, стоит подчеркнуть, принятые управленческие решения сразу ориентируются на результат — построение формализованных моделей бюджетного прогнозирования, куда закладывается не механизм управления рисками, а синтез источников угроз, методологическая проработка приемов нейтрализации их критических последствий.

Правопонимание, в свою очередь, стремится установить границы договорной свободы, где, как прокомментировал исследователь Я. Шапп, беспрепятственность заключения контракта определяет широту его содержания³.

В целом похожей точки зрения придерживается и М. Педрам. Как убеждает ученый, «свобода договора тождественна способности к правовому регулированию». Она призвана дополнить всеохватностью субъектный критерий — «картину предстоящих изменений соглашения должника, а также кредитора, не говоря уже о критерии территориальном»⁴.

Цифровизация здесь удобна: несомненно, стоит оценить упрощение формальных требований к сделкам, расширение возможностей для организации, осуществления контрольных процедур исполнения договора, неукоснительность продажи прав требований. Нельзя не упомянуть и о гарантируемой множественности субъектов правоотношений. Сохраняется также определенная степень защиты от влияния третьих лиц, тем самым принцип диспозитивности реализуется практически беспрепятственно. Вместе с тем надо признать, что столь многообещающие технические средства едва ли станут системообразующими элементами видов, а также типов договоров. Базовые принципы, как а fortiori (в части дозволенности выбора контрагента), так и относительно способов заключения договора, осмотрительности при обмене результатами хозяйственной деятельности поколеблены едва ли.

В этом ключе, как сформулировано в томе IV «Нормы по международному частному праву» Гражданского кодекса Аргентины (с учетом изменений, а также дополнений, датированных 2014 г.), не важно, каким именно образом контрагенты определяют материальное содержа-

³ Шапп Я. Система германского гражданского права. М. : Международные отношения, 2006. 357 с.

⁴ Pedram M. Enforcing Prorerty Rights Thorough the Elements of Free Market; A Case for Iran's Bankruptcy law // Baku State University Law Review. 13-30 (2021). P. 18.

ние контрактных условий. В то же время данное намерение будет признано несостоятельным, если оно заставит усомниться в действительности договора. Согласно Вводному закону к Гражданскому кодексу Бразилии (в редакции Закона № 13.555 от 2018 г.), оферта может проявляться и как определенное внешнее обстоятельство, где преобладают сугубо программные, цифровые алгоритмы заключения контракта. Однако если она каким-либо образом высказана, то применяется правопорядок того государства, что в ней зафиксирован.

Публичный порядок видится тогда воплощением императива обеспечения безопасности: контроль рисков, наконец, достигнут, их индикаторы преобразуются в социально-правовой институт. Правопонимание прибегает к системно-отраслевому подходу, опирается на потенциал прикладных юридических конструкций, что позволяет разрешать непростые весьма вопросы правоприменения, а также правореализации.

Заслуживает внимания и такой постулат, как целесообразность затрат для тарифного плана, когда спорных налоговых маневров предпочтительно избегать, минимизируются, исходя из этого, риски асимметричной корректировки затрат. Управленческие решения устанавливают пределы лимитов овердрафта, соотношенные, насколько это реально, с кредитным предложением, ранжированным по платежеспособности заемщика, а также стоимостному объему кредитной истории.

Выскажемся и о рыночных оценках понесенных издержек, особенно тех, что возникают к моменту начала исполнения сделки. Подразумевается исходный для данного случая рамочный договор хранения партии углеводородов в пределах предоставленного пространства — рейдового перегрузочного комплекса. Необходимым условием такого контракта является отсутствие четких границ опосредуемого им правового режима. Дополнительное соглашение о гарантиях головного исполнителя позволяет упорядочить расходы, возложенные на будущего кредитора, стоит ему только проинформировать принципала о начале предоставления обеспечения.

При этом требования последнего признаются состоятельными не с наступлением сроков исполнения всех иных (юридически обязательных) контрактов, а после согласования регуляторных требований к извлекаемой прибыли. Возврат проблемных кредитов производится

на уровне двух связанных между собой групп рисков изменения ее стоимости, а также обеспечения полученных активов. Риски переоценки классов опасности на стадии приобретения нефтепродуктов, а также продажи носят предпринимательский характер, гражданская ответственность лица формируется в пределах вклада: с восполнением дефицита страхового покрытия.

Хеджировать возмещаемые убытки между тем очень непросто, позиция по риску еще только складывается, однако переоценка размера доходов, получается, уже началась. Дериватив, иной производный финансовый инструмент, в этом аспекте много лучше защищен от непременно возникающих ограничений распределения риска. Отнюдь, даже презюмируется обратная им закономерность — при общем падении выручки показатели кредитного транша (RFT), напротив, возрастают. Управленческая проблема зиждется тогда на осуществлении операций с остатками средств, величина их открытых позиций неуклонно снижается.

Однако возрастают риски перевозчика нефтепродуктов как субъекта контрольных функций, когда рассматривается вопрос о правомерности контрактных отношений. В соответствии с п. 2 ст. 2.1.14 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА (редакция 2016 г.), контрагенты-исполнители, очевидно, и впредь склонны взаимодействовать между собой, развивая договорную кооперацию, расширяя границы сопровождающих ее сделок. Для этого положения договора с открытыми условиями изменяются в сторону прозрачности (большей), а также взаимности, эквивалентности встречных предоставлений.

Последний из квалифицирующих признаков между тем оценивается двояко. Так, благодаря ему, компании-агрегаторы нефтепродуктов смело могут заявлять об оказании сервисных услуг либо посреднического, либо примирительного характера. Поэтому даже обезличенные персональные данные (после обработки на соответствующем сервере) не умаляют способности правообладателя дать встречное предоставление потребителю. Выполненное в форме родового имущества, оно несколько отличается от того, что обычно предоставлено грантором и образует собой некую сумму. Получатель партии нефти, продуктов ее переработки, сформулировано в Рекомендациях Совета Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР/ОЕСД) от 24.03.2016 «О юридических

инструментах обеспечения прав потребителя в сфере электронной коммерции», уполномочен распространить свойства защиты прав, которыми встречное предоставление, несомненно, обладает, на любую из так или иначе совершаемых транзакций. Не имеет значения, преследует ли она цели извлечения прибыли или нет⁵.

Вместе с тем встречное предоставление свидетельствует о равноценности услуг: по договору их оказания и в порядке мотивированного ответа потребителя. Взаимность здесь сопряжена с имущественной самостоятельностью контрагентов. На первый план как составная часть обязательства и в качестве поднормативного (управленческого) регулятора, скорее всего, выносятся опционный контракт.

Экономическая его природа понятна. Она неразрывна с многообразием производных инструментов, вытекающей отсюда практикой наделяния основных фондов, обращающихся на вторичном рынке, правомочиями распоряжаться базисными активами третьих лиц. Растущая их концентрация убеждает то или иное лицо в необходимости возложить на себя функции добросовестного приобретателя обременений прав.

Любое обременение содержит в себе две стороны: ретроспективную — наступление мер ответственности, и позитивную — восстановление прав. Правопониманию присуща приоритетность использования механизмов защиты, обозначенное выше возобновление приостановленных правомочий — действенное средство нейтрализации рисков утраты возмещения, невозможности вернуться к состоянию *status quo ante*. При его посредстве очерчивается сфера применения *de lege lata* правовых институтов, существующих в одной стране и за пределами первого из государств.

Правопонимание оттого варьируется: ссылки на вполне определенные юридические факты, благодаря им, значение избранного правопорядка уже не опровергнуть, сочетаются с признанием правоприменительным органом иностранной юрисдикции множественности фактических обстоятельств. Их общность складывается из единиц измерений, таких как ясно установленная гипотеза регулятивных норм, относительно определенная их диспозиция, где закрепляются правовые возможности участников обязательства, наконец, совершенно не-

очевидная на фоне корректировки позитивного права санкция.

Опционные соглашения не лишены тогда ограничений, возможно и неведомых законодателью той страны, где исполняется данный договор. Это, сказано в Законе Китайской Народной Республики «О применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям» (принят 28.10.2010 на 17-м заседании Постоянного комитета 11-го Национального народного конгресса, действует с учетом разъяснений Верховного народного суда КНР от 10.12.2012), та действующая формула прикрепления, которая призывается снизить кредитные риски. Однако правоприменительные органы другого государства могут придерживаться и более взвешенной позиции (на фоне отказа от территориальных привязок к месту выполнения обязательства разрешение коллизионного вопроса производится в пределах волеизъявления сторон).

В первую очередь они устанавливают, внешние либо одни только внутренние признаки кредитного риска указывают на бремя собственника по передаче заемщику еще и рисков неосновательных платежей. Следующим шагом становится платежная оценка рыночной цены кредитного производного инструмента как ценностный ориентир для принятия управленческих решений. Хеджируются тогда дополнительные затраты, связанные с изменением стоимости заемных средств (активы во владении могут и отсутствовать, соглашение об их уплате сродни условному обязательству кредитного характера).

Валютные риски тем не менее растут, особенно сегодня, когда санкционное давление на нефтегазовые доходы беспрецедентно, а с началом распределения бюджетных правил обеспечивается лишь покрытие расходов по базовой цене на нефтепродукты. Восполнить недостающие звенья, выпадающие доходы уготовано, сто́ит предположить, прибыли по другим финансовым операциям. Практика едва ли намерена допустить здесь узость правопонимания. Однако новые источники правосознания, за которыми признается юридическая сила, иной раз ограничены либо в реализации самих прав, либо в обращении к иным формам выражения норм, правовых конструкций, напротив, делающих такое осуществление возможным.

⁵ Consumer Protection in E-commerce: OECD Recommendation (2016). P. 9 // URL: <https://www.oecd.org/sti/consumer/ECCommerce-Recommendation-2016.pdf> (дата обращения: 08.09.2022).

Инструментарий обязательственного права вместе с тем выстроен традиционно, контрагенты вынуждены закладывать в нем дополнительные основания для зачета полученных средств.

К примеру, преимущества от сделки приобретения продуктов переработки нефти имеют юридические последствия, если в договоре сделана предусмотренная тем же Законом Бельгии от 16.07.2004 «О кодексе международного частного права» (последние изменения, а также дополнения датированы 24 июля 2017 г.) оговорка о беспрепятственном определении действительной стоимости вещи.

При этом политически ангажированный потолок цен на нефть сложно причислить к категории справедливой стоимости, фактически это и не цена даже, а единица измерения, величина, установленная оценщиком соответствующего торгового лота. С каким именно остатком сальдируется полученный актив, возможно ли хеджировать риски и одновременно погашать производные обязательства — остается только предполагать. Во всяком случае, можно хеджировать разве что изменения в балансе обязательств или оборотные активы, главное — нейтрализовать группу рисков, твердо связанную с прогнозируемой чистой прибылью. Сложности виртуального хеджирования в этой связи возникают при необходимости прибегнуть к так называемому фрактальному учету.

Само понятие «фрактал» скорее из области высшей математики, между тем явно нашло применение в экономике, даже юриспруденции, относительно системы оценочных показателей чистых активов и пассивов, открытой сервисным контрактам с провайдерами «облачных» хранилищ информации. Структурность договорных отношений проявляется как в пространстве, так и во времени. Разные элементы цепочек контрактов тем не менее обладают похожестью общего, а также частного, чем, собственно, и отражают адаптивность моделей потокового сбора данных ожиданиям респондентов программ первичного статистического наблюдения.

Составители Гражданского кодекса Нидерландов 2011 г. (кн. 10 «Международное частное право»), стоит заметить, допускали всю ту же многоаспектность случайного, когда в противовес предстоящей прогностике предлагается альтернативный сценарный подход. Сформулировано положение, признающее многообразие форм реализации права, но неизменно добровольно для контрагентов. Управленческое ре-

шение вместе с тем принимается *hic et nunc* (лат. — здесь и сейчас), оно рассчитывает на правовую интерпретацию алгоритмов модальности (долженствования) в ходе оказания услуг, когда цена сделки устанавливается в измеримых единицах.

Однако потенциальная их вариативность становится тогда особенно заметной на фоне наличия или отсутствия обеспечительных механизмов возврата выданных средств проблемного кредитного портфеля. Она подводит к утилитаристскому правопониманию, где ключевое место отводится процессу создания дополнительных ценностей, предназначенных правообладателю. Конечно, остается открытым вопрос об их эквивалентности строго определенной стоимости, принято ли в таком случае придерживаться нормативов открытости цифрового кода.

Между тем выгодоприобретателю, тому, кто извлекает прибыль из перевозки нефтепродуктов, гораздо более важно знать, насколько сопряжены возникающие по сделке субъективные права, а цифровое обозначение всё же элемент содержания правоотношения, и объективные обязанности в сфере удостоверения имущественных прав. Для чего, согласно Гражданскому кодексу Мальты (в редакции 2015 г.), такому контрагенту достаточно зарезервировать для себя категорию вещных прав с размещением опциона по стоимости. Тогда как другому лицу, например страховщику, предстоит долгое ожидание. Он вынужден согласовать каждую из стадий отчуждения доли в имуществе, включая внесение в договор существенного условия заплатить потенциальному продавцу сумму продажной цены за вычетом активов модели «пут», чтобы при оплате опциона группы «колл» не возникало проблем с вычетом скидок и формированием чистой прибыли инвойса.

Управленческие инициативы заключены в открытии платежных интерфейсов, чаще всего класса NTP (Networked Trade Platform), которые расширяют границы системы «единого окна», которая вносит в порядок взаимодействия нефтяных трейдеров и их бизнес-партнеров правовые горизонты кредитования P2P. Как утверждает С. Сазерленд, институты P2P и P2B действительно могут стать своего рода панацеей. Вместе с тем грамотный подход к ним основан на существовании по крайней мере законодательного акта о порядке применении технологий Big Data, которые не обремен-

няют субъектов предпринимательства еще и посредническими услугами только потому, что полностью отвечают одному из существующих в мире Общих регламентов защиты баз данных (GDPR)⁶.

Нормативные подходы к процессу получения опционной премии при оплате услуг лица, только собирающего сведения, которые имели бы коммерческий интерес, наоборот, едва ли отличаются определенностью. С точки зрения Р. Израелова (а также его соавтора), эффективность опционных моделей носит поэтому отлагательный характер. Она зависит от проявления рисков *ex post*, монетизации предстоящих сделок, скажем, наконец, о желании держателя доходов реализовать совместно с опционом неограниченные возможности по переводу прибылей⁷.

Принятие управленческих решений, очевидно, нивелирует вопросы потестативности покупной цены. В то же время такая денежная сумма, выплаченная уполномоченному лицу, постоянно меняется, приходится каждый раз снова определять ее числовые значения, сроки индексации, порядок формирования денежных потоков. Исследователи, видимо, считают, что ожидание, когда остатки основной суммы долга начнут хеджироваться по сохранившейся волатильности части производных финансовых инструментов, сродни риску неплатежей.

Сразу тогда возникает вопрос: воспользуется ли правопорождающими фактами непосредственно сам перевозчик либо передаст существующие здесь титулы, кредиторский и на имущество, привлекаемому для исполнения основного договора лицу?

Заметим, что времени на всё это перевозчику отводится мало: пока тот же бенефициар не успеет приобрести по выкупной цене у субъектов транспортного обязательства, понесших расходы на взыскание задолженностей по договору поставки, правомочия отчуждать долговые требования. Стоит ему возвести себя в разряд еще и хранителя партии углеводородов на завершающих стадиях перевозки, как он, помимо всего остального, заключает казуальную сделку-передачу имущества, выгодную хотя бы тем, что ее основу по-прежнему составляет рамочный договор. Конечно, целевой его харак-

тер может рассматриваться правоприменительным органом уже несколько иначе.

Так, обеспечение признается одним из наиболее существенных контрактных условий. Но объективная его сторона затрагивает ту часть заключаемого контракта, где предстоит сформироваться порядку доверительного управления активами. Логика ст. 2011 Французского гражданского кодекса в этом плане безукоризненна. Ссылка на действующий закон той или иной страны между тем предъявляет повышенные требования и к юридической технике, а точнее — такому приему, как буквальное толкование, внутренне понятному. Между тем в данной содержательности и скрывается коллизия, поскольку такое свойство правопонимания, как универсальность, может получить самую широкую интерпретацию в нормах общего договорного права.

Хотя основание любой сделки заявлено прежде всего как категория достаточности доводов, аргументов: нормы парные уступают, наконец, место нормам специальным. Посредствующее звено между конкретикой фактических отношений и зачастую умозрительностью правил юридического поведения в договорных отношениях заполняется определениями правового результата сделки, ссылками на частный характер волеизъявления. Особо прослеживается водораздел между обязательствами, а также иными юридическими фактами. Так и формируется цивилистическая квалификация сделки во всем многообразии бизнес-моделей: либо неукоснительных, либо оспоримых. Технологические приемы, имеющие коммерческую ценность (действительную или потенциальную), тесно связаны с методами принятия управленческих решений, где проверка корректности экономического смысла той или иной трансграничной сделки дополняется отраслевыми критериями разграничения ее и юридического поступка. Вместе с тем сфера IT, когда можно по-особому взглянуть на волевой акт заключения контракта, собственно, соглашение сторон, алгоритмизацию договорной работы, привлечение цифровых денежных средств, считается нормальной данностью для множества правовых систем. Сюда также стоит добавить и такой элемент, как активные дей-

⁶ Sutherland S. A. *Legal Data and Information in Practice; How Data and the Law Interact*. New York : Routledge. 2022. 171 p.

⁷ Israelov R., Kelly B. *Forecasting the Distribution of Option Returns* // The University of Chicago Scientific Papers, Capital Management Magazine. September (7) 2017. P. 4.

ствия субъектов права. Речь тогда пойдет об осознании ими необходимых вопросов применения юридических фактов, когда подводится логическая черта под контурами будущего правопорядка — анализируются все грани его фактической реализации.

Правосознание, а также правопонимание заслуженно занимают первые строчки списка наиважнейших комплексных, общеправовых категорий. Еще Р. Иеринг подчеркивал, что «как таковым формированием понимание права служит практическому проведению принципов справедливости во все жизненные отношения»⁸.

Принимая данное заключение во внимание, правовед Б. Богларка и его коллеги прогнозируют с большей долей вероятности субъективизм локализации финансовых транзакций, цифрового протекционизма, из предпочтительной альтернативы он становится антистимулом. Тогда как технологизация права в контексте нормативизма (воплощает юридическое бытие), появление глобальных систем защиты платежных баз выплат, напротив, предопределены⁹.

Трансграничная морская перевозка нефти, продуктов ее переработки едва ли не подвержена такой особенности юридического мышления, как сугубо нормативистское прочтение отраслевого законодательства той или иной страны. Правопонимание, собственно его применение отождествляются с формальной определенностью юридических норм. Много проще было бы продолжать здесь практику ранжирования, направив их действие, скажем, на администрирование расходов, для чего, согласно принятому акту, и устанавливаются пределы применения материально-правовых предписаний. Одновременно прослеживается нормативная привязка к издержкам в счет еще не оказанных услуг и в силу уже исполненного контракта.

Однако при оценке нематериальных активов перевозки нефтепродуктов на избыточных затратах принято экономить. Прогнозируется стоимость воспроизводства не финансовых ресурсов, а их дополнительных потоков, имеющих ценность. Управомоченному лицу предлагается тогда удовлетвориться сделками, заключаемыми, по сути, вразрез с бизнес-стратегией, где

объект управления, рисковый профиль финансового планирования, вместо текущего состояния портфеля кредитов ориентирован на ожидаемые результаты корректировки показателей дебиторской задолженности.

Как следствие, расходы на приобретение партии углеводов будут определяться согласно тому законодательству, которое покроет разницу между рыночной стоимостью при раскрытии управленческих задач, а также продажной ценой данного товара по заключенному договору и без учета НДС.

Первооснова для приобретения прав на имущество заложена тем не менее твердо, его получатель уже на стадии приемки товарной партии признается добросовестным участником сделки (в соответствии с § 932 Германского гражданского уложения). Вместе с тем, сто́ит обратиться к Гражданскому кодексу Испании (ст. 453, в редакции 2013 г.), как то же управленческое решение сразу воплотится в отлагательную обусловленность стратегической задачи. Хотя лицо и несет бремя содержания имущества, но в положение владельца поставлено разве что *de lege ferenda* — для законодателя определяющим по договору купли-продажи является приобретение, стоящий за ним перенос прав собственности. Отличия от сбытовых сделок тогда минимальны, видимо, поэтому под отчуждением понимают сразу обращение продавца к покупателю, минуя при этом сферу операций товародвижения.

В то время как договоры торгово-распределительного характера изобилуют сведениями, опосредующими их предмет. Подобным образом подтверждается исполнение обязательств получателя перед плательщиком денежных средств, неважно, одним ли документом удостоверяется назначение выплат, или, напротив, формируется длинный перечень позиций, каждая имеет непосредственное отношение к ценным бумагам. Главной целью отраслевых институтов становится повышение действенности защиты объективно существующих гражданских прав. Между тем системообразующие элементы межотраслевых связей дифференцируются много быстрее, чем удается исключить субъективизм правоосознания.

⁸ Иеринг Р. Борьба за право / пер. с нем. Н. Н. Губского. М., 2017. С. 51.

⁹ Boglarka B., Bence A. G., Kilen O. M., Lilla N. K., Mariks H. Summary of the «Dialogue on the Future of Europe: Building a Digital European Union». Conference Organised by the Ministry of Justice and the Ferenc Madl Institute of Comparative Law as Part of the «Conference on the Future of Europe» Series // Central European Journal of Comparative Law. 2021. Vol. II. November. P. 263.

Подводя итог, сто́ит заметить следующее. Правопонимание продолжает оставаться категорией сугубо научной, оно включает в себя познание права как целостно существующего социального явления. Прослеживается в этой связи взаимосвязь собственно правопонимания, а также правоприменения, когда индивидуализированному подходу к юридическим нормам не чуждо и расширительное их толкование в контексте применения правопорядка той или иной страны. Современное состояние правосознания характеризуется тогда отказом от догматизации социальных регуляторов, опорой на ценностные характеристики строго определенного нормотворческого акта, когда все закономерное в нем, по гегелевскому определению, еще и разумное. Сто́ит поэтому особо упомянуть такие процессы, как обновление административных практик, приемов нормотворчества, юридической техники в целом, ревизия позитивистской методологии.

Управленческие решения, бесспорно, многофункциональны. Помимо осуществления той управленческой задачи, ради которой они принимаются к исполнению, можно также выделить выбор права именно как волевой акт, преодоление рисков договорной работы, наконец, построение системы менеджмента качества. Применительно к морской транспортировке углеводородов управленческое решение обладает всеми качествами процессной модели: оно следует определенной проблематике, одновременно конструирует план дальнейших действий, кроме того, ориентировано на определенный результат. Вместе с тем заметен и социально-экономический эффект: заключение договора, получение прибыли.

Рынку перевозок нефтепродуктов сегодня присущ целый ряд рискообразующих особенностей, прежде всего высокая степень политизации. Предпринимателю уже трудно предпринять управленческие действия по возложению риска на свою ответственность. Потери в случае наступления рисковогó события явно несоизмеримы с теми, что были запрограммированы при прогнозировании рисков. Правопонимание воплощено в многообразии титульного обеспечения, с отысканием надежного кредитора.

Вместе с тем данная хозяйственная операция не избавлена от серьезных налоговых рисков. Правоприменительные органы ищут способ истолковать для контрагентов понятие

«осуществление сделки» и этим исключить даже мысль о правовой неопределенности в отношении конкурентных, а также административных норм, чреватой дополнительными предпринимательскими рисками. Хеджирование чаще всего направлено на преодоление риска убытков из-за отрицательного изменения процентных ставок, валютных курсов. Управленческие решения содержат волеизъявление субъекта хозяйствования о порядке фиксации условий купли-продажи биржевого актива в оговоренный к моменту заключения сделки срок. Покупатель фьючерсного контракта ничем не рискует, поскольку изначально получает прибыль, тогда как продавец защищен от рисков падения фактической цены базисного актива.

Но волеизъявление приобретателя партии нефтепродуктов едва ли в состоянии поколебать риски умаления интересов участников торгов. Даже будучи автономным, оно разрешает произвольное ценообразование в отрыве от основных, расчетных фьючерсов. Управленческое решение, с одной стороны, гарантирует продажу актива, а с другой — стремится предотвратить прекращение торгов с отрицательным результатом. Для чего и принято пользоваться производными финансовыми инструментами.

Управление рисками считается эффективным, если удастся провести водораздел между изменчивостью количественных, качественных характеристик (рисков). Постановка управленческой задачи определяется систематизированным множеством результатов, иначе говоря — алгоритмом действия. Юридические модели, в отличие от их логико-математических разновидностей, более прозрачны и не настолько формализованы.

Хеджирование отвечает за ценность цифровых данных, где риски определяются такими показателями, как большой объем, разнообразие, наконец, высокая скорость внесения изменений. Виртуально тогда хеджируются планирование денежных средств, а также инструментарий контроля ликвидности: за поступлениями, предназначенными для компенсации принимаемых страховщиком потенциальных рисков. Тогда сложное сочетание вероятностного наступления рискообразующего события, а также вполне осязаемых последствий, неопровержимо свидетельствует о крайней уязвимости стоимости активов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Иеринг Р.* Борьба за право / пер. с нем. Н. Н. Губского. — М., 2017.
2. *Хофельд У. Н.* Некоторые основные юридические понятия в приложении к судебной аргументации // Основные юридические понятия Уэсли Н. Хофельда / сост. и пер. с англ. А. А. Гайдамакина ; под науч. ред. М. В. Антонова. — СПб., 2016. — С. 59–92.
3. *Шапп Я.* Система германского гражданского права. — М. : Международные отношения, 2006. — 357 с.
4. *Boglarka B., Bence A. G., Kilen O. M., Lilla N. K., Mariks H.* Summary of the «Dialogue on the Future of Europe: Building a Digital European Union». Conference Organised by the Ministry of Justice and the Ferenc Madl Institute of Comparative Law as Part of the «Conference on the Future of Europe» Series // Central European Journal of Comparative Law. — 2021. — Vol. II, November.
5. *Haque R. S., Rodrigo P., Brend P., Nelson R.* Blockchain Development and Fiduciary Duty // Wake Forest University Research Papers Journal. — February 2020. — Vol. 139.
6. *Israelov R., Kelly B.* Forecasting the Distribution of Option Returns // The University of Chicago Scientific Papers, Capital Management Magazine. — September (7). — 2017.
7. *Pedram M.* Enforcing Prorerty Rights Thorough the Elements of Free Market; A Case for Iran's Bankruptcy Law // Baku State University Law Review. — 13–30 (2021).
8. *Sutherland S. A.* Legal Data and Information in Practice; How Data and the Law Interact. — New York : Routledge, 2022. — 171 p.

Материал поступил в редакцию 14 сентября 2022 г.

REFERENCES

1. Jhering R. Borba za pravo [The fight for the right]. Tr. by N.N. Gubskiy. Moscow; 2017. (In Russ.).
2. Hofeld UN. Nekotorye osnovnyye yuridicheskie ponyatiya v prilozhenii k sudebnoy argumentatsii [Some basic legal concepts in addition to judicial argumentation]. In: Antonov MV (ed.). The basic legal concepts of Wesley N. Hofeld. Tr. by A. A. Gaydamakin. St. Petersburg; 2016. (In Russ.).
3. Schapp Ya. Sistema germanskogo grazhdanskogo prava [The system of German civil law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 2006. (In Russ.).
4. Boglarka B, Bence AG, Kilen OM, Lilla NK, Mariks H. Summary of the «Dialogue on the Future of Europe: Building a Digital European Union». Conference Organized by the Ministry of Justice and the Ferenc Mdl Institute of Comparative Law as Part of the «Conference on the Future of Europe» Series. Central European Journal of Comparative Law. 2021. Vol. II. November.
5. Haque RS, Rodrigo P, Brend P, Nelson R. Blockchain Development and Fiduciary Duty. Wake Forest University Research Papers Journal. February 2020;139.
6. Israelov R, Kelly B. Forecasting the Distribution of Option Returns. The University of Chicago Scientific Papers, Capital Management Magazine. 2017;7 September.
7. Pedram M. Enforcing Prorerty Rights Thorough the Elements of Free Market; A Case for Iran's Bankruptcy Law. *Baku State University Law Review*. 2021;13-30.
8. Sutherland SA. Legal Data and Information in Practice; How Data and the Law Interact. New York: Routledge; 2022.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.021-030

Ф. И. Хамидуллина*,
Р. И. Газизуллин**

Принципы права и стандарты ESG в сфере социально ответственного предпринимательства

Аннотация. В статье предложено теоретическое обоснование стандартов ESG в качестве потенциальной модификации принципов права в сфере создания и ведения социально ответственного бизнеса. Рамки традиционных дискуссий о степени участия государства в экономике, а также о государстве как субъекте частноправовых отношений могут быть несколько расширены за счет постановки общетеоретического вопроса практической направленности о том, каковы грани и пределы взаимодействия и взаимовлияния собственно правовых и иных социальных регуляторов и насколько может быть полезен кумулятивный эффект их регулирующего воздействия для целей устойчивого развития, которые на сегодня являются общепризнанной перспективой для всего человечества. Будучи принципами устойчивого развития в преломлении к созданию и ведению бизнеса, стандарты ESG обладают качеством социальной нормативности, но в настоящее время находятся на такой стадии функционирования, когда единообразное понимание ключевой терминологии еще не достигнуто, что обуславливает разные подходы к формированию и урегулированию данной сферы. В статье проведен анализ понятия стандартов ESG, а также их составляющих в аспекте сопоставления с принципами права. Точки соприкосновения стандартов ESG и частноправовых принципов обусловлены их общей природой как базовых мировоззренческих предписаний. Показано, что устойчивость, системообразующий характер и функционал, будучи параметрами стандартов ESG, крайне сближаются с принципами частного права, согласуются с ними, что дает возможность эффективно сочетать различные способы нормативного урегулирования предпринимательской деятельности, отвечающей современным запросам и ожиданиям общества. Эта задача особенно актуальна для России с учетом высокой регуляторной нагрузки на бизнес, а также негативных стереотипов массового сознания в восприятии предпринимательства как такового.

Ключевые слова: принципы права; нормы права; стандарты ESG; частное право; социально ответственное ведение бизнеса; предпринимательская деятельность; социальное предпринимательство; принципы гражданского права; гражданское законодательство.

Для цитирования: Хамидуллина Ф. И., Газизуллин Р. И. Принципы права и стандарты ESG в сфере социально ответственного предпринимательства // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 12. — С. 21–30. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.021-030.

© Хамидуллина Ф. И., Газизуллин Р. И., 2022

* Хамидуллина Фариды Ильдаровны, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
Кремлевская ул., д. 18, г. Казань, Россия, 420008
fihamidullina@kpfu.ru

** Газизуллин Рихат Ильнурович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности и налогообложения Института управления, экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета
Кремлевская ул., д. 18, г. Казань, Россия, 420008
rishat.gazizullin@kpfu.ru

Principles of Law and ESG Standards in Socially Responsible Entrepreneurship

Farida I. Khamidullina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University
ul. Kremlevskaya, d. 18, Kazan, Russia, 420008
fihamidullina@kpfu.ru

Rishat I. Gazizullin, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Department of Economic Security and Taxation, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga Region) Federal University
ul. Kremlevskaya, d. 18, Kazan, Russia, 420008
rishat.gazizullin@kpfu.ru

Abstract. The paper provides a theoretical justification of ESG standards as a potential modification of the principles of law in establishing and running a socially responsible business. The framework of traditional discussions about the degree of state participation in the economy, as well as about the state as a subject of private law relations, can be expanded by posing a general theoretical question of practical implementation about what the boundaries and limits of interaction and mutual influence of legal and other social regulators are and how useful the cumulative effect of their regulatory impact for sustainable development is. These boundaries and limits constitute today a universally recognized prospect for the humanity. Being the principles of sustainable development in relation to the creation and conduct of business, ESG standards have the quality of social normativity, but currently they are at a stage of functioning when a uniform understanding of key terminology has not yet been achieved, which leads to different approaches to the formation and regulation of this area. The paper analyzes the concept of ESG standards, as well as their components in the aspect of comparison with the principles of law. The points of contact between ESG standards and private law principles take place due to their common nature as basic ideological prescriptions. It is shown that stability, system-forming character and functionality, being parameters of ESG standards, are extremely close to the principles of private law, they are consistent with them, which makes it possible to effectively combine various methods of normativer regulation of entrepreneurial activity that meets modern needs and expectations of society. This task is especially relevant for Russia, given the high regulatory burden on business, as well as negative stereotypes of mass consciousness in the perception of entrepreneurship as such.

Keywords: principles of law; rules of law; ESG standards; private law; socially responsible business conduct; entrepreneurial activity; social entrepreneurship; principles of civil law; civil legislation.

Cite as: Khamidullina FI, Gazizullin RI. Printsipy prava i standarty ESG v sfere sotsialno otvetstvennogo predprinimatelstva [Principles of Law and ESG Standards in Socially Responsible Entrepreneurship]. *Lex russica*. 2022;75(12):21-30. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.021-030. (In Russ., abstract in Eng.).

Экология, общество и управление — в современном мире эти категории стали базовыми мировоззренческими предписаниями, которые объединены под названием «стандарты ESG» и во многом определяют как стратегии ведения предпринимательской деятельности, так и перспективные направления развития различных бизнес-моделей.

Стандарты ESG — новейшее понятие, соотносимое с предметными областями экономики, стратегического менеджмента и этики, которое пока не имеет однозначного и общепринятого определения во всем мире. К тому же в России оно вошло в обиход лишь в последнее десятилетие. Как следствие, у рассматриваемого

понятия отмечается множество смысловых оттенков и интерпретаций, на что указывает хотя бы практика перевода исходных понятий environmental, social, governance с английского языка: помимо ESG-стандартов, в сходном смысле используются ESG-факторы, ESG-подход, ESG-повестка, ESG-принципы, ESG-инвестирование, направление ESG, ESG-процессы и т.д., причем этот список остается открытым и может быть продолжен.

Обратимся к значению слов — компонентов рассматриваемой аббревиатуры. Environmental подразумевает экологическую составляющую, social маркирует социальную составляющую, а составляющая governance указывает на кор-

¹ Сидорова Д. Подход ESG: что это такое и зачем компаниям его соблюдать // URL: <https://rb.ru/story/esg-criteria/> (дата обращения: 20.09.2021).

поративное управление. Как показал предпринятый нами анализ перечисленных терминов в их смысловых связях, аббревиатура ESG используется для обозначения по меньшей мере пяти реалий:

- 1) совокупность факторов устойчивого развития (широкий смысл);
- 2) принципы устойчивого развития на национальном уровне (частичная конкретизация с учетом страновой экономической специфики);
- 3) стандарт деятельности, учитываемый при ответственном ведении бизнеса (более конкретизированный смысловой вариант);
- 4) направление в системе оценки рисков инвестирования (конкретизация в узком плане инвестиционной деятельности);
- 5) ответственное инвестирование как таковое, когда инвесторы внимательно следят за тем, как тот или иной предприниматель ведет бизнес, а не сколько он зарабатывает (наиболее часто встречающийся вариант, конкретизация непосредственно по отношению к той или иной практике инвестирования).

Добавим, что в процессе широкого международного применения данных понятий нередко происходят взаимозамены, когда термины «вопросы ESG» и «вопросы устойчивого развития» используют в качестве равнозначных по смыслу.

В современных условиях развития экономики ответственное решение о вложении средств в объекты предпринимательской и/или иной деятельности в целях получения прибыли и/или достижения иного полезного эффекта принимается с учетом результатов специального анализа с точки зрения ESG, где:

- 1) посредством *компонента E*, экологического, оценивается как деятельность компании влияет на окружающий мир, что включает в себя факторы:
 - выбросы парниковых газов, а равно меры по их сокращению;
 - изменение климата (как результат деятельности компании);
 - истощение природных ресурсов, в том числе расход воды, включая питьевую;
 - сокращение площади лесов;
- 2) при помощи *компонента S*, социального, определяется, каким образом предприятие регулирует отношения с сотрудниками, поставщиками, клиентами и сообществами, на основе следующих факторов:
 - гендерный состав компании;

- нормы и условия труда, включая использование детей в качестве рабочей силы;
 - эффективность охраны здоровья на предприятии;
 - безопасность труда;
 - взаимоотношения компании с потребителями и местными сообществами;
 - отношение к поставщикам;
- 3) на основе *компонента G*, управленческого, характеризуется деятельность руководства организацией, что предполагает объединение следующих факторов:
 - состав совета директоров;
 - долгосрочная стратегия компании;
 - аудит и внутренний контроль;
 - налоговая прозрачность;
 - антикоррупционные меры;
 - вознаграждение менеджмента;
 - права акционеров.

При высоких показателях ESG в целом делается вывод, что та или иная компания стандартам ESG соответствует и ведет социально ориентированный бизнес, которому свойственны забота об экологии и качественное управление.

Это напрямую влияет на деловую репутацию компаний, а значит, и на ее прибыль, потому что компании, поддерживающие высокий стандарт ESG, в долгосрочной перспективе получают ряд очевидных преимуществ:

1. Высокая привлекательность для инвесторов. Фонды зеленых инвестиций и социально ответственные инвесторы с большей вероятностью будут вкладываться в бизнес с высокими показателями ESG.

2. Лучшая производительность. Портфели компаний с высокими показателями ESG приносят больше прибыли, чем конкурирующие инвестиции.

3. Более высокие финансовые показатели. Высокий ESG позволяет снизить капитальные издержки, стабилизировать доход и сократить рыночный риск по сравнению с низким ESG.

4. Адаптивность. Развивающиеся бизнес-модели минимизируют последствия нарушений технологий и регулирования.

5. Соответствие нормам. Применение инфраструктуры и технологий возобновляемой энергии, а также инвестирование в ее развитие позволяет сократить выброс углерода и снизить затраты на экологические налоги.

6. Инновации. Технологические достижения, стимулирующие развитие экономики совместного потребления, способствуют внедрению инноваций и повышают эффективность.

7. Позитивный имидж. Предприятия, соблюдающие ESG, получают более высокие показатели удержания и более положительное отношение к бренду со стороны сотрудников и покупателей¹.

С учетом приведенных выше факторов корпоративная социальная ответственность может быть дефинирована как концепция управления, в соответствии с которой компании (корпорации, бизнес) интегрируют социальные и экологические аспекты в свои повседневные бизнес-процессы и во взаимодействие со своими заинтересованными сторонами. Корпоративная социальная ответственность чаще всего понимается как способ достижения баланса экономических, экологических и социальных императивов компании, в то же время учитывающий ожидания акционеров и заинтересованных сторон².

Иллюстрацией может быть политика защиты экологии и прав животных, проводимая в течение нескольких последних лет модными домами Armani, Jimmy Choo, Gucci и Michael Kors, отказавшимися от использования натурального меха в пользу синтетических материалов. К экологическому движению так или иначе присоединился и производитель обуви Nike, частично заменив в изделиях натуральную кожу на переработанную прессованную кожу Fly Leather.

Как оказалось в итоге, фактор E способствовал ведению бизнеса не только этически, в плане репутации, но и в экономическом плане, так как позволил существенно снизить издержки. Дело в том, что выпуск одной шубы из искусственного меха требует в 15 раз меньше энергии, чем тратится при производстве шубы из меха животных, специально выращиваемых на убой в неволе. Искусственные материалы неприхотливы в обработке, и дизайнерам, как правило, гораздо удобнее и проще выбирать цвета, фактуры и их сочетания. Кроме того, ненатуральные материалы не столь требовательны к условиям транспортировки и хранения, а производство обуви из Fly Leather уменьшает затраты воды на 90 %³.

На первый взгляд стандарты ESG могут восприниматься как дань моде, нечто вроде каприза или эпатажа всемирно известных бизнесменов, их заигрывание с определенными стратами потребителей и поставщиков, нарочитый пример бизнес-модели для всех остальных, кто хочет, что называется, быть в тренде. На самом же деле за стандартами ESG усматривается целая философия ведения предпринимательской деятельности, а также традиция экономической мысли и своего рода компромисс между различными трактовками социальной ответственности бизнеса, по существу обозначенный в модели устойчивого развития ООН. Кроме того, стандарты ESG соотносимы и согласуются с принципами права.

Так, *историческим прототипом ESG-подхода можно считать практику этических инвестиций: например, в XVII в. членам общины протестантов-квакеров было запрещено проводить финансовые операции, связанные с рабовладением. То же относится и к мусульманскому инвестиционному этикету: в исламских странах запрещены инвестиции в компании или бизнес-проекты, касающиеся азартных игр и производства алкоголя.*

Еще в начале XX в. русский философ, экономист, религиозный и общественный деятель С. Н. Булгаков высказывал плодотворную идею о том, что «хозяйство, понятое достаточно широко, не есть подъяремная работа скота, но творческая деятельность разумных существ, необходимо осуществляющих в ней свои индивидуальные начала, индивидуальности же присуща свобода». Пользуясь ее безграничностью и даже злоупотребляя ею, в конце концов «человек в хозяйстве побеждает и покоряет природу, но вместе с тем побеждается этой победой и всё больше чувствует себя невольником хозяйства. Вырастают крылья, но и тяжелеют оковы»⁴.

Научное предвидение С. Н. Булгакова в полной мере реализовалось после Второй мировой войны. Как утверждает одна из теорий экономики развития, обоснованная американским ученым с русскими корнями У. Ростоу, общество, пройдя этапы от традиционного к про-

² Международный опыт применения стандартов ESG («environmental, social, governance») и возможности его использования в России : аналитический доклад / Российско-британская рабочая группа по корпоративному управлению. М., 2020. URL: https://mfc-moscow.com/assets/files/analytics/doklad_ESG_june_2020.pdf (дата обращения: 20.09.2021).

³ Три кита. Почему ESG-инвестиции стремительно захватывают мир // URL: <https://journal.tkip.ru/2019/04/10/esg-2/> (дата обращения: 20.09.2021).

⁴ Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М. : Институт русской цивилизации, 2009. С. 364, 369.

мышленному перевороту («take-off» — взлет), силами «нового типа предприимчивых людей» вышло к эре «высокого массового потребления» и, преодолев ее, вступило в новую стадию поисков качества жизни, отдавая безусловный приоритет духовному развитию личности, моральным и этическим ценностям⁵.

Вместе с тем в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. в результате модернизационных процессов при переходе к постиндустриализму человечество оказалось на грани глобального кризиса, спровоцированного перенаселением, перепроизводством, экологической катастрофой, ограниченностью природных ресурсов, и вплотную подошло к так называемому миру VUCA (volatility — нестабильность, uncertainty — неопределенность, complexity — сложность, ambiguity — неоднозначность).

Безотлагательные международные взаимодействия, вызванные «общей озабоченностью человечества» стремительно нарастающими опасностями и актуализирующимися проблемами, привели к выработке стратегии устойчивого развития, что и обусловило появление в дальнейшем стандартов ESG. Было провозглашено, что забота о человеке является центральным звеном в деятельности по обеспечению устойчивого развития. Люди имеют право жить в добром здравии и плодотворно трудиться в гармонии с природой⁶.

По итогам реализации программы «Цели развития тысячелетия», принятой в 2000 г. Организацией Объединенных Наций, в 2015 г. 193 государства утвердили еще один документ ООН — «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в котором получили закрепление цели устойчивого развития, сформулированные ООН как призыв к действию, обращенный ко всем странам — бедным, богатым и среднеразвитым:

1. Ликвидация нищеты.
2. Ликвидация голода.
3. Хорошее здоровье и благополучие.
4. Качественное образование.
5. Гендерное равенство.
6. Чистая вода и санитария.
7. Недорогостоящая и чистая энергия.
8. Достойная работа и экономический рост.

9. Индустриализация, инновации и инфраструктура.

10. Уменьшение неравенства.

11. Устойчивые города и населенные пункты.

12. Ответственное потребление и производство.

13. Борьба с изменением климата.

14. Сохранение морских экосистем.

15. Сохранение экосистем суши.

16. Мир, правосудие и эффективные институты.

17. Партнерства в интересах устойчивого развития.

Стандарты ESG можно рассматривать как реализацию целей устойчивого развития в части, касающейся ведения бизнеса. Актуальность вопросов ESG в полной мере проявила себя в условиях кризиса 2020 г., связанного с пандемией COVID-19, когда именно социальные факторы вышли в первый ряд основных тем, вызывающих всеобщий интерес и общественное беспокойство.

Новая парадигма ведения бизнеса, маркируемая переходом от примата акционерной прибыли к максимальной гармонизации интересов всех стейкхолдеров, заботе о долгосрочном балансе между бизнесом и обществом в целом, находит практическое выражение, в том числе и при оценке инвестиционного климата в стране и инвестиционной привлекательности той или иной компании. Кроме того, требуется решать вопросы соотношения рыночных механизмов и государственного регулирования стандартов ESG.

Следует также отметить и то обстоятельство, что при очевидном теоретическом осознании всех преимуществ стандартов ESG на практике отнюдь не снята, а даже обостряется проблема неочевидности как минимум существенной отложенности во времени получения количественно измеримой, материально ощутимой выгоды. Ее явное отсутствие в настоящем, при условии подчинения стандартам ESG, во имя сравнительно далекого будущего, для которого именно благодаря стандартам ESG создаются все необходимые экологические, социальные и организационно-функциональные условия, — такова альтернатива, принять которую сегодня готовы далеко не все.

⁵ Осипова Е. В. Росто (Rostow) Уолт Уитмен // URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH2f2794d678afbd25ef7e2f> (дата обращения: 20.09.2021).

⁶ Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию : принята 14 июня 1992 г. // Действующее международное право. М., 1996. Т. 3. С. 687–692.

По нашему мнению, здесь есть поле для рационального сочетания стандартов ESG с правовым регулированием, поиска оптимальных правовых средств для стимулирования, продвижения повестки устойчивого развития. Эти задачи актуальны в том числе и для России.

Считаем, что стандарты ESG, будучи далекими от собственно правового регулирования, вместе с тем сопоставимы с принципами права по степени обобщенности и мировоззренческому функционалу. Отсюда усматривается перспектива усилить стандарты ESG путем точечного правового воздействия на области environmental, social, governance, что, по нашему мнению, обеспечит кумулятивный регулирующий эффект, благоприятный для устойчивого развития. Как и в случае со стандартами ESG, по отношению к принципам права на сегодня нельзя констатировать наличие не только единой дефиниции, но даже и позиции по поводу того, являются ли правовые принципы правом вообще либо их следует отнести к неким более абстрактным феноменам общечеловеческой социальности, порождающим мировоззренческие установки.

Разделение принципов права и норм права в том виде, который представляет для нас методологический интерес, было проведено Р. Дворкиным. В этой части его концепция построена на том факте, что в особо сложных случаях, когда конкретное судебное дело не удастся подвести под какую-либо ясную и четкую норму права, установленную заранее тем или иным правовым органом, а проблемы принадлежности юридических прав и обязанностей сторон встают наиболее остро, юристы используют стандарты иного рода, которые не функционируют в качестве норм, а действуют иначе — как принципы. Этот термин употребляется Р. Дворкиным в самом общем смысле, для обозначения всего множества тех стандартов, которые не являются нормами⁷.

По Р. Дворкину, отличительная особенность принципов заключается в том, что они, будучи суждениями «о правах всерьез», приходят в столкновение и взаимодействуют друг с другом таким образом, что каждый принцип, имеющий отношение к конкретной правовой проблеме, дает основание в пользу определенного реше-

ния, но не предписывает его — тогда как установленные правовые нормы строго диктуют в пользу того или иного решения данной правовой проблемы.

В данной ситуации правоприменителю необходимо оценить все конкурирующие и несогласующиеся принципы, имеющие отношение к делу, и на этой основе разрешить конфликт между ними. Если нормы права в конкретном деле применяются исчерпывающим образом, в виде «правил целиком», то принципы могут быть использованы лишь в части, зато с кумулятивным эффектом, который получается за счет взаимодействия принципов в процессе решения важнейшего вопроса о юридических правах и обязанностях, их принадлежности тому или иному субъекту в конкретном случае. Эти процессы Р. Дворкин сравнивал с действиями шахматного арбитра по ходу игры⁸.

Далее, в ретроспективном плане следует отметить, что первые в западноевропейской интеллектуальной традиции философские разработки правовых принципов находим у Аристотеля. Не оперируя современной терминологией, он тем не менее оставил в своем великом наследии идеи, до сих пор продуктивно используемые человечеством. В частности, имеем в виду те положения, где Аристотель описывает рациональный взгляд на окружающий мир и показывает не божественное, а естественное происхождение принципов права как объективных регуляторов общественных отношений на основе справедливости⁹.

По Аристотелю, человеческий разум порождает интуицию, которая, в свою очередь, дает возможность структурировать хаос впечатлений, разложить их на элементы и познать уже в виде аксиом, или, как сказали бы мы сегодня, объективных абстрактных моделей действительности, на основе которых человек может построить дедуктивные рассуждения по поводу неограниченного количества самых разных объектов, так или иначе связанных с конечным количеством исходных аксиом. Истинное знание есть знание аксиом, первопричин, общих начал как своего рода ключа ко всему, что есть и/или может быть в человеческой жизни. Такое знание Аристотель называл эпистемой (от греч. ἐπιστήμη = умение, искусство, опытность).

⁷ Дворкин Р. О правах всерьез. М. : Росспэн, 2004.

⁸ Дворкин Р. Указ. соч.

⁹ Аристотель. Аналитики первая и вторая // URL: <http://simposium.ru/ru/node/9341> (дата обращения: 20.09.2021).

Наиболее общие аксиоматические понятия Аристотель причислял к универсалиям (началам), считая их познание не врожденным, а приобретенным на опыте, по мере развития способности человека к логически безупречным рассуждениям. Таким образом, универсалии «вторичны для нас», но «первичны по природе». Аристотель был первым философом, обосновавшим право как совокупность универсалий, в современной терминологии — абстрактных моделей, то есть принципов, сформировавшихся в результате осмысления людьми общественных отношений¹⁰.

В дальнейшей истории юридической научной мысли идея принципов как основных начал права была поддержана и развивалась, однако вокруг понятия правовых принципов и их природы велись дискуссии, и вплоть до наших дней спорные вопросы не могут считаться исчерпанными.

Так, С. С. Алексеев полагает, что правовой принцип охватывается понятием юридической нормы, хотя выступает как некое специфическое нормативное образование. Принципы права определяются С. С. Алексеевым как исходные нормативно-руководящие начала соответствующей правовой системы, которые отличаются от норм более высокой степенью всеобщности и стабильности, ибо «способны направлять развитие и функционирование всей правовой системы, определять линии судебной и иной юридической практики, способствовать устранению пробелов в праве, отмене устаревших и принятию новых юридических норм». Будучи особыми правовыми стандартами, принципы права выступают в виде норм-принципов¹¹.

Иное мнение обосновывает, в частности, А. А. Ливеровский, усматривая как содержательные, так и инструментальные различия между правовым принципом и правовой нормой. В качестве содержательного отличия названный автор указывает на то, что применение правового принципа вносит такие изменения в экономические, социальные, политические отношения в обществе, которые целенаправленно связывают правовое регулирование с признанными в данном обществе моделями нравственного поведения, с этическими категориями добра (блага) и справедливости.

Кроме того, принцип права отличается от нормы права инструментально, то есть по механизму воздействия на общественные отношения. «Регулирование нормой происходит в полном соответствии с ее содержанием. Норма не может быть применена в некоторой мере. Исполнение властного предписания частично означало бы искажение воли субъекта нормотворчества, то есть неверное применение нормы в целом. Если нормы обладают противоречивым содержанием, то одна из них не может быть действительной нормой. Конкурирующие же правовые принципы могут воздействовать на общественные отношения совместно. Регулирующее воздействие правовых принципов на общественные отношения возможно в некоторой мере действия каждого принципа, определяемой в зависимости от содержательной значимости каждого из них в регулируемой общественной ситуации»¹².

Предлагаемое нами теоретическое обоснование стандартов ESG в качестве потенциальной модификации принципов права в сфере создания и ведения социально ответственного бизнеса требует соблюдения следующих методологических правил:

- 1) различие принципов права и норм права, при допущении, что принципы права, наряду с его нормами, могут иметь законодательное оформление (или могут быть позитивированы);
- 2) ценностный подход, предполагающий, в частности, рассмотрение права как феномена культуры, а с позиции иерархии конституционных ценностей — обращенность всех суждений, оценок, теоретических конструкций и выводов к человеку, направленность на обеспечение таких аспектов его достойной жизни, как свобода экономической деятельности, защита конкуренции, гарантии права собственности;
- 3) контекст принципов права — в нашем случае методологическое понятие, определяющее саму возможность анализировать стандарты ESG в связи с природой, системообразующими свойствами и функциями принципов права.

Принципы права по природе своей суть идеи. Идеи, как писал о них И. Кант в «Критике

¹⁰ Аристотель. Указ. соч.

¹¹ Алексеев С. С. Государство и право: начальный курс. М. : Юридическая литература, 1996. С. 43–44.

¹² Ливеровский А. А. Заметки на правовых полях конституционной экономики // Ежегодник конституционной экономики — 2018. М. : ЛУМ, 2018. С. 140.

чистого разума», существуют только в мысли, представляют собой «необходимое понятие разума, которому не может быть дан в чувствах точно соответствующий ему предмет», однако считать их химерами нельзя: они дают необходимое мерило разуму и обладают практической силой как регулятивные принципы, правила познания. Если применить их к явлениям *in concreto*, получим прообразы для следования рассудочным понятиям или оценки. Идеи содержат в себе некоторую полноту, какой не достигает ни одно возможное эмпирическое знание¹³.

Идея является неизменным атрибутивным признаком правового принципа. Можно сказать, что процесс генерирования идей, направляющих социальное регулирование в догосударственный период развития общества, равно как и в момент возникновения государственной организации, а также в последующие исторические эпохи, то есть возникновение и развитие идей, послуживших принципиальной основой правового регулирования, является объективной закономерностью становления и функционирования любого общества¹⁴.

Суть идеи права составляют основные метафизические начала индивидуальной свободы, справедливости, формального равенства, выраженные в Конституции Российской Федерации именно в качестве надпозитивных правовых ценностей, определяющих смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления. Общие принципы права, в том числе воплощенные в Конституции РФ, обладают высшим авторитетом и являются критерием и мерой оценки правомерности всех нормативных актов, эти принципы обеспечиваются правосудием (ст. 18 Конституции РФ)¹⁵.

Таким образом, принципы права следует рассматривать как феномен общественного сознания, собирательную категорию, вмещающую в себя как позитивный, так и надпозитивный элементы: то, что воплощено в законодательстве на уровне явных либо неявных (описательных, перечневых и др.) легальных дефиниций и то, что уже отрефлектировано общественным сознанием и фактически применяется как регулятор, но по той или иной причине не имеет законодательного закрепления. Классический тому пример — отсутствие определения справедливости, хотя этот важнейший принцип права по факту применяется в соответствии с тем смыслом, который был открыт еще в Древнем Риме: равному за равное и каждому свое¹⁶.

«Где общество, там и право», — говорили древние римляне. «Право является частью цивилизации, — пишет об этом С. Сарбаш, — и вплетено в ткань культуры. Поэтому в принципах права проявляются культурные ценности, которые в данный исторический момент разделяются обществом. Следовательно, жить по праву — это быть культурным человеком и, наоборот, быть культурным человеком — это, в частности, и жить по праву. Если человек разделяет ценности данной культуры, то вряд ли ему придется предпринимать существенные усилия, чтобы соблюдать или уважать принципы права данной страны, так как они и есть часть культуры»¹⁷.

Частью цивилизации и культуры являются также и принципы гражданского права, каталог которых представлен в ст. 1 ГК РФ и включает в себя в общей сложности семь позиций:

- 1) равенство участников регулируемых гражданским законодательством отношений;
- 2) неприкосновенность собственности;

¹³ Кант И. Критика чистого разума // URL: https://iphras.ru/elib/Kant_Chist_raz.html#c42 (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁴ Комиссарова Е. Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002.

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.2004 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Российской Федерации». Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова // СЗ РФ. 2004. № 5. Ст. 403.

¹⁶ Латинские юридические пословицы // URL: <http://греколатини.бГУ.около/.htm-Пословицы/Пословицы-латинский-адвокат-ру.htm> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁷ Латынь. Крылатые фразы на прекрасном латинском языке // URL: <https://quizlet.com/ru/557641393/Латынь-flash-cards/> (дата обращения: 20.09.2021) ; Основные положения гражданского права / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут, 2020. С. 45.

- 3) свобода договора;
- 4) недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела;
- 5) необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав;
- 6) обеспечение восстановления нарушенных прав;
- 7) судебная защита нарушенных прав.

Перечень принципов гражданского права носит открытый характер — так, мы вновь констатируем, что в него не вошла фундаментальная правовая идея (принцип) справедливости.

Тем не менее существующая на сегодня нормативная фиксация принципов гражданского права и судебное применение данной нормы в целом позволяют организовать экономическую жизнь общества, взаимодействие хозяйствующих субъектов, разрешение споров между ними на основе баланса частных и публичных интересов, то есть в соответствии с правовым смыслом справедливости, когда интерес одного субъекта гармонизирован с интересами общества в целом.

По природе своей человек эгоцентричен, то есть стремится в первую очередь удовлетворить свои собственные интересы и продвинуться к достижению своих собственных целей. Конечно, нельзя исключать и альтруистическую мотивацию поведения, однако в любом случае, поскольку человек действует в обществе, то есть в окружении других людей, с которыми он связан множеством взаимозависимостей, на практике получается так, что удовлетворение потребностей одних субъектов экономической жизни приводит к некоторому сужению возможностей других лиц, так как осуществляется за их счет. Обмен благами, и не только материальными, образует то, что мы называем гражданским оборотом. Принципы гражданского права обеспечивают защиту его стабильности и предсказуемости посредством установления надлежащего баланса интересов и ценностей, которыми руководствуются субъекты, вступая в имущественные и личные неимущественные отношения, опосредованные гражданским правом.

Изложенные выше теоретические положения позволяют заключить, что атрибутивным системообразующим свойством принципов гражданского права является комплекс конституционно значимых надпозитивных идей свободы, справедливости и равенства.

Соответственно, принципы гражданского права многофункциональны, а в контексте на-

шего исследовательского интереса наиболее релевантными являются следующие (их перечень составлен в произвольном порядке, ибо с функциональной точки зрения никакой иерархии между принципами гражданского права не существует):

- информационная: в своем правовом содержании принципы гражданского права аккумулируют базовые сведения о способах, свойствах и признаках правового регулирования в сфере имущественных и личных неимущественных отношений;
- интегрирующая: принципы гражданского права, будучи устойчивыми культурно обусловленными идеями, обеспечивают объединение всех цивилистических феноменов под одним «зонтиком», сохраняющим правовой опыт и традиции, а также системообразующие связи с иными социальными регуляторами;
- обеспечительная: способствуют поддержанию надлежащего соотношения статики и динамики цивилистического правового регулирования, состоящей из комбинации мобилизирующих и динамических характеристик гражданского права, то есть определенного набора системных качеств, выступающих на первый план в зависимости от характера данной правоприменительной ситуации.

Теперь мы можем обобщить изложенное в нескольких заключительных тезисах.

Рамки традиционных дискуссий о степени участия государства в экономике, а также о государстве как субъекте частноправовых отношений могут быть несколько расширены за счет постановки общетеоретического вопроса практической направленности — о том, каковы грани и пределы взаимодействия и взаимовлияния собственно правовых и иных социальных регуляторов и насколько может быть полезен кумулятивный эффект их регулирующего воздействия для целей устойчивого развития, которые являются общепризнанной перспективой для всего человечества. Важно подчеркнуть, что успешная реализация этих целей немыслима вне стратегий социально ответственного ведения бизнеса.

Точки соприкосновения стандартов ESG и частноправовых принципов обусловлены их общей природой как базовых мировоззренческих предписаний.

Будучи принципами устойчивого развития в преломлении к созданию и ведению бизнеса, стандарты ESG обладают качеством социальной

нормативности, но в настоящее время находятся на такой стадии функционирования, когда единообразное понимание ключевой терминологии еще не достигнуто, что обуславливает разные подходы к формированию и урегулированию данной сферы. Тем не менее уже достигнут международный консенсус по поводу того, что соблюдение стандартов ESG — сущностная атрибутивная характеристика социально ответственного ведения бизнеса.

Стандарты ESG по ряду своих параметров — таких, как устойчивость, системообразующий характер, функционал, — крайне сближаются с принципами гражданского права, по меньшей

мере согласуются с ними, что дает возможность эффективно сочетать различные способы нормативного урегулирования предпринимательской деятельности, отвечающей современным запросам и ожиданиям общества. Эта задача особенно актуальна для России, с учетом и без того высокой регуляторной нагрузки на бизнес, а также негативных стереотипов массового сознания в восприятии бизнеса как такового.

Стандарты ESG, наряду с правовыми принципами экономической свободы и добросовестности, являются конституирующим центром создания правовой инфраструктуры социально ответственного ведения бизнеса.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. С.* Государство и право : начальный курс. — М. : Юридическая литература, 1996. — 191 с.
2. Аристотель. Аналитики первая и вторая // URL: <http://simposium.ru/ru/node/9341> (дата обращения: 20.09.2021).
3. *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. — М. : Институт русской цивилизации, 2009. — 461 с.
4. *Дворкин Р.* О правах всерьез. — М. : Росспэн, 2004. — 391 с.
5. *Кант И.* Критика чистого разума // URL: https://iphras.ru/elib/Kant_Chist_raz.html#c42 (дата обращения: 20.09.2021).
6. *Комиссарова Е. Г.* Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства : дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2002. — 303 с.
7. *Ливеровский А. А.* Заметки на правовых полях конституционной экономики // Ежегодник конституционной экономики — 2018. — М. : ЛУМ, 2018. — С. 120–147.
8. Основные положения гражданского права / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : Статут, 2020. — 1103 с.

Материал поступил в редакцию 2 ноября 2022 г.

REFERENCES

1. Alekseev SS. Gosudarstvo i pravo: nachalnyy kurs [State and law: the initial course]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1996. (In Russ.).
2. Aristotle. Analitiki pervaya i vtoraya [Analytics first and second]. Available at: <http://simposium.ru/ru/node/9341> (Accessed: 20.09.2021). (In Russ.).
3. Bulgakov SN. Filosofiya khozyaystva [Philosophy of economy]. Moscow: Institute of Russian Civilization Publ.; 2009. (In Russ.).
4. Dvorkin R. O pravakh vserez [About rights seriously]. Moscow: Rosspan Publ.; 2004. (In Russ.).
5. Kant I. Kritika chistogo razuma [Criticism of pure reason]. Available at: https://iphras.ru/elib/Kant_Chist_raz.html#c42 (Accessed: 20.09.2021). (In Russ.).
6. Komissarova EG. Printsipy v prave i osnovnyye nachala grazhdanskogo zakonodatelstva: dis. ... d-ra yurid. nauk [Principles in law and the basic principles of civil legislation: Doctoral Dissertation]. Yekaterinburg; 2002. (In Russ.).
7. Liverovsky AA. Zametki na pravovykh polyakh konstitutsionnoy ekonomiki [Notes on the legal fields of constitutional Economics]. In: *Yearbook of Constitutional Economics*. Moscow: LUM Publ.; 2018. (In Russ.).
8. Karapetov AG (ed.). Osnovnyye polozheniya grazhdanskogo prava [The main provisions of civil law]. Moscow: Statut Publ.; 2020. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.031-042

А. Г. Головин*

Актуальные векторы развития местного самоуправления в русле ответственного делегирования власти народом

Аннотация. В контексте развиваемой автором конституционно-правовой концепции ответственного делегирования власти народом в статье рассматривается ряд теоретических и практических вопросов, значимых для современного этапа развития местного уровня единой системы публичной власти в России. Сформулированы следующие ориентированные на практическую реализацию положения:

1) в ближайшей перспективе возможно рассмотреть вопрос о разработке по инициативе Российской Федерации новых концептуальных документов, содержащих международные стандарты в области организации и осуществления местного самоуправления, основанных на самобытном российском опыте, что может способствовать выходу нашей страны на позиции международного лидерства в сфере установления соответствующих правовых стандартов;

2) своевременным, актуальным и значимым в доктринальной и нормотворческой плоскостях является стратегический поворот от сконцентрированности местного самоуправления преимущественно на вопросах местного значения, задачах локального характера к его органичной встроенности в единый, эффективно работающий механизм достижения национальных целей развития в масштабах всей страны и продвижения национальных интересов;

3) современная стратегия развития местного самоуправления должна включать широкий спектр положений, предполагающих опору на сплочение местных сообществ и консолидацию их усилий для ответственного участия в решении местных и общегосударственных задач; в этом ключе должно развиваться понимание категории «местное сообщество»;

4) особо актуально системное развитие кадрового потенциала муниципальной службы, в том числе создание стимулирующих механизмов, способствующих привлечению на службу в органы местного самоуправления квалифицированных кадров.

Изложен ряд конкретных предложений, соответствующих этим векторам.

Ключевые слова: народовластие; концепция делегирования народом власти; ответственное делегирование власти; местное самоуправление в системе публичной власти; международные стандарты в области местного самоуправления; стратегическое планирование в муниципальных образованиях; кадровый потенциал органов местного самоуправления; местное сообщество.

Для цитирования: Головин А. Г. Актуальные векторы развития местного самоуправления в русле ответственного делегирования власти народом // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 12. — С. 31–42. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.031-042.

© Головин А. Г., 2022

* Головин Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, заместитель руководителя аппарата Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера, государственный советник Российской Федерации 1 класса
ул. Большая Дмитровка, д. 26, г. Москва, Россия, 103426
aggolovin@mail.ru

Current Vectors of Local Self-Government Development in Line with the People's Responsible Delegation of Power

Aleksey G. Golovin, Cand. Sci. (Law), Deputy Chief, Federation Council Committee on Federal Structure, Regional Policy, Local Self-Government and Northern Affairs; 1st Class State Councilor of the Russian Federation

ul. Bolshaya Dmitrovka, d. 26, Moscow, Russia, 103426
aggolovin@mail.ru

Abstract. In the context of the constitutional and legal concept of responsible delegation of power by the people developed by the author, the paper examines a number of theoretical and practical issues relevant to the current stage of development of the local level of the uniform system of public power in Russia. The author highlights the following provisions focused on their practical implementation:

- 1) In the nearest future, it is possible to consider the development of new conceptual documents initiated by the Russian Federation and containing international standards in the field of organization and implementation of local self-government based on the original Russian experience. This can contribute to the entry of our country into the position of international leadership in the field of establishing appropriate legal standards;
- 2) Strategic turn from local self-government focusing mainly on issues of local importance and local tasks to their organic integration into a single, effectively working mechanism implemented to achieve national development goals throughout the country and promoting national interests seems to be timely, relevant and significant in the doctrinal and normative contexts;
- 3) A modern strategy for the development of local self-government should include a wide range of provisions involving reliance on local communities cohesion and consolidation of their efforts for responsible participation in solving local and national tasks; in this vein, an understanding of the category «local community» should develop;
- 4) Systemic development of the personnel potential of the municipal service is particularly relevant, including incentive mechanisms that facilitate recruitment of qualified personnel to local self-government bodies.

The author makes a number of specific proposals corresponding to the vectors under consideration.

Keywords: democracy; concept of delegation of power by the people; responsible delegation of power; local self-government in the system of public power; international standards in the field of local self-government; strategic planning in municipalities; personnel potential of local self-government; local community.

Cite as: Golovin AG. Aktualnye vektory razvitiya mestnogo samoupravleniya v rusle otvetstvennogo delegirovaniya vlasti narodom [Current Vectors of Local Self-Government Development in Line with the People's Responsible Delegation of Power]. *Lex russica*. 2022;75(12):31-42. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.031-042. (In Russ., abstract in Eng.).

Подлинное народовластие и развитое местное самоуправление являются несомненными конституционно значимыми и гарантируемыми ценностями, эффективное функционирование которых составляет важную часть современного российского конституционализма, элемент динамики приближения к воплощению в жизнь конституционных идеалов правового демократического государства.

О. Е. Кутафин писал, что демократизм Российской Федерации «находит выражение прежде всего в народовластии, политическом многообразии, местном самоуправлении и свободе личности»¹. Тем самым академик ставил в

единый ряд реализацию народом принадлежащей ему власти в целом и местное самоуправление как базовый уровень публичной власти в качестве основных характеристик российской демократии.

В. И. Фадеев, в свою очередь, подчеркивал, что «местное самоуправление относится к числу тех основополагающих идей, которые определяют демократическое развитие современного государства и общества», причем «идея местного самоуправления — это прежде всего идея демократизации власти в государстве»². Отмечалось также, что принцип местного самоуправления должен признаваться в конституци-

¹ Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. С. 198.

² Фадеев В. И. Местное самоуправление в России: исторический опыт и современная практика правового регулирования // *Lex russica*. 2014. № 4. С. 396–397.

ях (уставах) субъектов Российской Федерации в качестве «одного из основополагающих начал организации публичной власти» на их территории³.

Ценности подлинного народовластия и развитого местного самоуправления непосредственно смыкаются в рамках **конституционно-правовой концепции делегирования народом власти в Российской Федерации**⁴: реализуя свою функцию как носителя суверенитета и единственного источника власти, народ посредством делегирования властных полномочий учреждает всю систему публичной власти в государстве, включая местное самоуправление как ее уровень, максимально приближенный к населению и самым тесным образом связанный с обеспечением повседневной жизнедеятельности граждан, с решением самых насущных вопросов, во многом определяющих социальное самочувствие людей на всей территории нашей огромной страны.

Принимая Конституцию Российской Федерации в 1993 г., народ отразил в ней принцип *повсеместного* осуществления местного самоуправления⁵, признав тем самым этот уровень публичной власти (которого не существовало в таком статусе в советский период нашего государственно-правового развития) одной из основ конституционного строя, то есть конструктивным элементом современного конституционного государства. Соответствующее право также следует рассматривать в качестве одной из несомненных конституционных ценностей (справедливо, что «содержание конституционных норм напрямую связано с ценностями, существующими в обществе»⁶, и право на осуществление местного самоуправления на

всей территории страны имеет важное аксиологическое измерение).

Право на осуществление местного самоуправления вряд ли можно однозначно считать принадлежащим человеку от рождения (по крайней мере мы, родившиеся в Советском Союзе, едва ли могли претендовать на такое право с рождения), но вот право участвовать в осуществлении местного самоуправления (в интерпретациях — согласно ст. 32 Конституции РФ — в качестве права избирать и быть избранными в органы местного самоуправления, а также участвовать в местном референдуме или же в качестве элемента комплексного права граждан участвовать в управлении делами государства) гарантировано всем нам — *гражданам* России как демократического правового государства с республиканской формой правления.

Концепция делегирования власти народом органично связывает народовластие как правовой принцип и непрерывный процесс с функционированием всей публичной власти вне зависимости от ее конкретного уровня: федерального, регионального или муниципального. Следует согласиться, что «главная цель публичной власти — реализация в полном объеме конституционного принципа народовластия, означающего принадлежность всей государственной власти народу. Власть народа — это прежде всего публичная власть»⁷. Можно лишь добавить, что власть народа изначально выступает как *учредительная*, система же публичной власти в единстве всех ее органов — это власть, *учреждаемая народом*, прежде всего посредством ее конституирования в особом, основном нормативном правовом акте — конституции страны.

³ См.: Постатейный научно-практический комментарий коллектива ученых Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина (МГЮА) под руководством д. ю. н., профессора Е. И. Козловой к Конституции Российской Федерации. Изд. 3-е, доп., перераб. и уточн. М.: Библиотечка «Российской газеты», 2009. С. 50.

⁴ См. подробнее: Головин А. Г. Конституционные начала делегирования народом власти в Российской Федерации: поиск концепции // Государство и право. 2022. № 1. С. 34–45.

⁵ Право народа на осуществление местного самоуправления на *всей* территории Российской Федерации следует из положений ч. 2 ст. 3, ст. 12 и гл. 8 Конституции РФ в их системной взаимосвязи. Незыблемость этого принципа подтвердило и создание федеральной территории (пока одной), в рамках которой, несмотря на ее федеральный статус и все особенности организации публичной власти, *гарантировано* осуществление местного самоуправления (ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»» // СЗ РФ. 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8583).

⁶ Таева Н. Е. Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5.

⁷ Лебедев В. А. Органы государственной власти субъектов РФ как элемент единой системы публичной власти современной России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 40–43.

Развивая некоторые свои ранее изложенные мысли⁸, отметим актуальность ряда векторов развития как в нормотворческой муниципально-правовой плоскости, так и в аспекте практических подходов к совершенствованию муниципального управления и повышению потенциала муниципальных образований.

Первое. Россия может активно вырабатывать и предлагать для обсуждения на международном уровне новую повестку (и даже обновленную модель — по сравнению с некоторыми давно функционирующими подходами) муниципального развития.

Безусловно признанным и в достаточной степени уважаемым документом является Европейская хартия местного самоуправления (Страсбург, 15.10.1985)⁹, однако в настоящее время взаимоотношения Российской Федерации с Советом Европы переживают не самый простой период, что дает повод задуматься как о дальнейшей судьбе этого по сути своей рамочного документа и его полноценной применимости к обновляемой российской модели местного самоуправления, так и о возможных перспективах выработки новых международных документов в этой сфере. Предвидя критику, оговоримся, что речь не идет об отрицании значимости всех идей, заложенных в названной Хартии, речь идет именно о перспективах развития новых подходов с учетом достаточно богатого самобытного опыта Российской Федерации в области организации местного самоуправления и обеспечения права на осуществление местного самоуправления на всей огромной территории нашей страны.

Нередко велись научные дискуссии о том, первичны ли международные правовые акты в сфере местного самоуправления по отноше-

нию ко всей нашей национальной правовой системе, при этом обращалось внимание, что в ст. 4 «Правовая основа местного самоуправления» действующего Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹⁰ сначала указаны общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, а лишь затем — Конституция РФ, в связи с чем могло сложиться превратное впечатление, что Европейская хартия местного самоуправления и иные международные акты имеют приоритет по отношению к российской Конституции. Однако и ранее авторитетные исследователи в сфере муниципального права довольно однозначно высказывались о том, что наша Конституция имеет не подлежащий сомнению приоритет по отношению к международным правовым актам, включая названную Хартию¹¹, ну а в настоящее время с учетом поправок, внесенных в Конституцию РФ в 2020 г.¹², этот вопрос следует считать полностью исчерпанным и закрытым.

Цель излагаемых здесь соображений не в том, чтобы раскритиковать и отвергнуть как таковую Европейскую хартию местного самоуправления со всеми ее идеями и ценными смыслами, а в том, чтобы *своевременно обратить внимание на благоприятную возможность для нашей страны в определенном смысле перехватить инициативу в выстраивании международных стандартов в области организации и осуществления местного самоуправления.*

Примечательно, что в работах некоторых исследователей фигурирует понятие «международные стандарты местного самоуправле-

⁸ См.: Головин А. Г. Ответственное делегирование народом власти на местном уровне как фактор развития муниципальных образований // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2021. № 3. С. 25–31.

⁹ СЗ РФ. 1998. № 36. Ст. 4466.

¹⁰ СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

¹¹ См., например: Чихладзе Л. Т. К вопросу о международных соглашениях как источниках муниципального права России // Юридическая наука. 2016. № 3. С. 54–59.

В указанной работе названный автор в унисон с собственной точкой зрения приводит также позиции Б. С. Эбзеева, И. В. Гранкина, В. И. Фадеева, подтверждающие тезис о том, что в системе источников муниципального права за Конституцией РФ вполне однозначно должен признаваться приоритет перед международными правовыми актами (Там же. С. 54–55, 57).

¹² В частности, согласно ст. 79 Конституции РФ решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

ния»¹³, которое, безусловно, имеет право на существование по аналогии, например, с давно и широко применяемыми и глубоко проработанными понятиями «международные избирательные стандарты»¹⁴, «стандарты демократических выборов, избирательных прав и свобод»¹⁵. Мы бы предложили вести речь о **международных стандартах в области организации и осуществления местного самоуправления** как более гибком по своему содержанию понятию. В настоящее время уместно ставить на повестку вопрос о том, чтобы продолжить наполнять современное содержание этих стандартов, исходя из самобытного российского опыта местного самоуправления и самостоятельного пути развития демократических институтов и системы публичной власти в нашей стране.

В качестве постановки вопроса для научно-практической дискуссии выскажем мысль о том, что в ближайшей перспективе (но после завершения работы над проектом нового федерального закона об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти¹⁶ и его принятия, а также после принятия основ государственной политики в области развития местного само-

управления¹⁷), возможно, актуальной была бы **разработка новых концептуальных документов** в сфере международных стандартов в области организации и осуществления местного самоуправления, которые учитывали бы российские практики и современные тенденции развития местного самоуправления в нашей стране. При этом Россия как государство, в котором местный уровень публичной власти приобретает новую правовую основу и, соответственно, импульс к существенному совершенствованию, могла бы выступить инициатором (или одним из инициаторов в рамках существующих международных форматов взаимодействия — Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ (МПА СНГ), Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности (ПА ОДКБ) и др.) этого процесса. Вектором развития могло бы стать и соответствующее обновление документов по линии модельного законодательства¹⁸, которое будет логично обусловлено принятием вышеуказанных новых актов в Российской Федерации.

С учетом того, что в России местное самоуправление получило новые ориентиры для

¹³ См., например: *Чихладзе Л. Т.* Указ. соч. С. 57 ; *Василькова Е. А., Яценко О. В.* Понятие международных стандартов местного самоуправления в контексте исторического развития прав человека и гражданина // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2018. № 1 (27). С. 50–54 ; *Пирожкова И. Г., Попов А. М.* Право на самоуправление: международная фиксация дефиниции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3 (91). С. 37–43.

¹⁴ См., например: *Международные избирательные стандарты : сборник документов.* М. : Весь мир, 2004.

¹⁵ См., например: *Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Содружества Независимых Государств : Документы и материалы / отв. ред. В. И. Лысенко.* М. : РЦОИТ, 2008.

¹⁶ Государственной Думой рассматривается проект федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»; принят в первом чтении 25 января 2022 г. (электронная регистрационная карта законопроекта в Системе обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законодательство»: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 07.09.2022)).

¹⁷ Напомним, подготовка проекта такого документа предполагается пунктом 1.1 Перечня поручений по итогам заседания Совета при Президенте РФ по развитию местного самоуправления 30 января 2020 г. (утвержден Президентом РФ — № Пр-354 от 01.03.2020). См.: Официальный интернет-сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62919> (дата обращения: 07.09.2022).

¹⁸ На уровне МПА СНГ приняты, например, модельные законы «О статусе выборного лица местного самоуправления» (приложение к постановлению МПА СНГ от 28.11.2014 № 41-7), «Об общих принципах организации местного самоуправления» (приложение к постановлению МПА СНГ от 27.11.2015 № 43-11), «Об общих принципах организации местных финансов» (приложение к постановлению МПА СНГ от 27.11.2015 № 43-12), «Об общих принципах и порядке наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями» (приложение к постановлению МПА СНГ от 27.11.2015 № 43-13) (см.: официальный интернет-сайт МПА СНГ. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 07.09.2022)).

дальнейшего развития на самом высоком уровне национальной правовой системы — непосредственно в Конституции РФ (при внесении в 2020 г. изменений в нормы гл. 8 «Местное самоуправление»), в известной перспективе постановка и продвижение вопроса о подготовке соответствующих международных документов *может способствовать выходу нашей страны на позиции международного лидерства в сфере установления правовых стандартов в области организации и осуществления местного самоуправления.*

Второе. Современная стратегия развития местного самоуправления в нашей стране (в широком смысле — не как отдельный документ, а как совокупность идей, приоритетов и механизмов, лежащих в основе долгосрочного развития муниципальных образований и органов местного самоуправления) должна вбирать в себя наиболее эффективные подходы: 1) обеспечивающие народовластие на местном уровне в аспекте **активного заинтересованного и ответственного** участия граждан в решении на территориях муниципалитетов как вопросов местного значения, так и задач, соответствующих общегосударственной повестке; 2) задействующие **потенциал консолидации усилий и совместного использования ресурсов**¹⁹ разных публично-правовых образований и их населения, разных уровней публичной власти для наиболее эффективного решения задач в интересах населения и социально-экономического раз-

вития муниципалитетов, субъектов Российской Федерации и страны в целом.

Обновление документов стратегического планирования в области развития местного самоуправления в Российской Федерации должно происходить в соответствии с ключевыми принципами, заложенными в Основах государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации, утвержденных Указом Президента РФ от 08.11.2021 № 633²⁰, лейтмотивом которых является идея *скоординированности* осуществляемой деятельности и принимаемых мер²¹.

Полагаем, что принцип скоординированности, обладающий значительным потенциалом, в целом в конституционно-правовом и муниципально-правовом дискурсах может прийти на смену традиционным рассуждениям о централизации или децентрализации в сфере местного самоуправления, успешно сместив акценты с обособления и некоторой «местечковости» на эффективное решение совместными скоординированными усилиями широкого спектра задач любой важности и сложности в интересах населения и в соответствии с национальными интересами Российской Федерации.

Обратим внимание, что в настоящее время принципиально важно в как можно большей степени «настраивать» стратегию развития местного самоуправления по целям, задачам и приоритетам, отраженным в Стратегии национальной безопасности Российской Федера-

¹⁹ Речь идет не только о финансовых ресурсах, хотя и их совместное задействование зачастую дает весьма ощутимый эффект; имеются в виду также трудовые, интеллектуальные, творческие ресурсы, выражаясь современным языком, креативность местных сообществ, позволяющая ставить амбициозные задачи на уровне конкретных муниципальных образований, агломераций и настойчиво добиваться их решения собственными усилиями населения, консолидированными с усилиями и ресурсами органов местного самоуправления и при необходимости органов государственной власти. Согласимся с сенатором Российской Федерации Н. В. Федоровым, который отметил, что «поскольку именно местное самоуправление ближе всего к людям, оно должно быть средоточием творческого подхода, умения креативно, нешаблонно решать самые сложные задачи, способности распоряжаться имеющимися средствами эффективно, грамотно, рачительно» (см.: Н. Федоров принял участие в заседании Координационного Совета Союза представительных органов муниципальных образований РФ // Официальный интернет-сайт Совета Федерации. 19.08.2022. URL: <http://www.council.gov.ru/events/news/137995/> (дата обращения: 07.09.2022)).

²⁰ СЗ РФ. 2021. № 46. Ст. 7676.

²¹ В положениях названного документа последовательно отражены, в частности, важность координации стратегического управления и мер бюджетной политики; межведомственной координации деятельности по формированию комплекса мер, направленных на достижение целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности; скоординированности действий участников стратегического планирования, направленных на достижение целей государственной политики в сфере стратегического планирования, под руководством Президента РФ.

ции, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400²² (в которой также неоднократно подчеркивается значимость развития взаимодействия институтов гражданского общества и населения с органами публичной власти, концентрации их усилий и ресурсов на общих задачах), а также органично корреспондировать ее с иными документами стратегического планирования.

По нашему мнению, своевременным, актуальным и значимым в доктринальной и нормотворческой плоскостях является **стратегический поворот** от сконцентрированности местного самоуправления преимущественно на вопросах местного значения, задачах локального характера к его органичной встроенности в единый эффективно работающий механизм достижения национальных целей развития в масштабах всей страны и продвижения национальных интересов.

Исследователи довольно давно обращали внимание на обеспечение на муниципальном уровне и местного, и государственного интереса²³. Сделаем следующий шаг и свяжем два крайне важных в исследуемой нами сфере понятия: «интересы населения, проживающего на соответствующей территории» (ч. 3 ст. 132 Конституции РФ) и «национальные интересы Российской Федерации» (пп. 2 п. 5, п. 25 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации). Разрыва между этими двумя понятиями ни в коем случае не должно происходить; единая система публичной власти должна обеспечивать эффективную реализацию и тех и тех интересов, которые, как показывает вдум-

чивый анализ, неразрывно переплетены. Это в полной мере соответствует сути концепции ответственного делегирования власти народом, поскольку выстраивание через учредительную власть народа всех уровней единой системы публичной власти ориентировано как на реализацию повседневных интересов и удовлетворение жизненных потребностей населения, так и одновременно на стратегическое продвижение национальных интересов как объективно значимых потребностей личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии.

С учетом изложенных общих идей должно происходить и дальнейшее развитие механизмов стратегического планирования на уровне муниципальных образований. К примеру, серьезного внимания заслуживает неоднократно высказывавшаяся на мероприятиях Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера идея о том, чтобы предусмотреть принятие *единой стратегии социально-экономического развития агломерации*, совместно разработанной органами местного самоуправления муниципальных образований, входящих в состав этой агломерации, а также единых документов территориального планирования городской агломерации²⁴.

Развития требуют правовые подходы, направленные на обеспечение как можно более гармоничной *взаимной целевой и ресурсной скорреспондированности стратегического и бюджетного планирования* с тем, чтобы на местном уровне все планируемые мероприятия

²² СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

²³ Тимофеев Н. С. Местное самоуправление в России: основы и пределы (конституционно-правовые аспекты) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 12.

²⁴ Эта идея, в частности, отражена в рекомендациях парламентских слушаний на тему «Актуальные вопросы координации социально-экономического развития муниципальных образований в рамках агломераций», состоявшихся в Совете Федерации 27 мая 2021 г. В названный итоговый документ слушаний также вошли значимые рекомендации Правительству РФ проработать вопрос о закреплении правовой возможности совместной разработки органами местного самоуправления муниципальных образований, входящих в состав городской агломерации, единой стратегии социально-экономического развития городской агломерации, а также комплексного плана развития двух и более муниципальных образований и иных совместных документов стратегического планирования в рамках городской агломерации; механизмов взаимоувязки стратегии социально-экономического развития городской агломерации с документами стратегического планирования регионального и федерального уровней, а также с документами градостроительного развития; механизмов координации выработки решений органов местного самоуправления по вопросам, затрагивающим социально-экономическое развитие агломерации (см.: Официальный интернет-сайт Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера. URL: <http://region.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/127220/> (дата обращения: 07.09.2022)).

в сфере пространственного и социально-экономического развития были в должной мере обеспечены необходимыми финансовыми средствами. Например, А. В. Макаров уже довольно давно справедливо обращал внимание на важность объективной картины ресурсообеспеченности и взаимосвязи прогнозов бюджета и социально-экономического развития²⁵.

Значимость развития стратегического планирования в муниципальных образованиях, в том числе в аспекте успешного участия в решении общегосударственных задач, бесспорна. И. В. Бабичев резонно замечает, что «без развития стратегирования на муниципальном уровне эффективность осуществления национальных проектов на местах заведомо подвергается риску»²⁶. Успешное стратегирование на местном уровне должно служить *одним из показателей реальной эффективности* деятельности органов местного самоуправления.

Третье. С точки зрения реального воплощения всех элементов концепции ответственного делегирования власти народом на местном уровне на современном этапе муниципального развития принципиально важно дальнейшее раскрытие потенциала *местного сообщества*.

Понятие местного сообщества давно и весьма подробно проработано в муниципально-правовых и иных исследованиях в различных его аспектах: оно рассматривалось как ячейка

гражданского общества, «естественным образом возникшая общность (коллектив) людей, проживающих в границах определенного населенного места, юридически оформивших общность своих интересов и взаимодействие по вопросам жизнеобеспечения»²⁷, как основа для объединения граждан²⁸, предполагалась «скрытая» презумпция его наличия в муниципальном образовании при отсутствии прямого законодательного закрепления²⁹, с социологических позиций оно рассматривалось через близость к понятию общины как основа местного самоуправления³⁰, предпринимались попытки его осознания как субъекта права муниципальной собственности «в конституционно-правовых и учредительных муниципально-правовых отношениях»³¹, обосновывалось разграничение местных сообществ как субъектов местного самоуправления общей и специальной компетенции³², местное сообщество интерпретировалось как «основа муниципальной демократии»³³ и т.д. Изложенное демонстрирует краеугольное значение этого многогранного феномена для всего «здания» местного самоуправления и обуславливает необходимость развития концепции местного сообщества с учетом системного единства всей публичной власти в стране.

Подчеркнем: насколько важно теоретическое обоснование конкретного содержания

²⁵ По мнению ученого, «оценка эффективности процесса бюджетного планирования предполагает: отражение реальной (объективной) картины ресурсообеспеченности, системы государственных расходов, связь среднесрочного прогноза социально-экономического развития и прогнозов бюджета, принятие обоснованных решений и детальное изложение политики для приоритетного развития секторов экономики, гласность» (Макаров А. В. Цели и задачи бюджетной политики государства // Юрист. 2005. № 10).

²⁶ Бабичев И. В. Размышления и материалы к вопросу о государственной концепции развития местного самоуправления в нашей стране // Местное право. 2019. № 5. С. 8.

²⁷ Мелехина И. И. Местное сообщество: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 16.

²⁸ Курячая М. М. Местное сообщество как основа объединения граждан // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 4. С. 24–29.

²⁹ Сергеев Д. Б. Институт местного сообщества муниципального образования: трудный путь в современное российское право // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 119–124.

³⁰ Новокрещенов А. В. Местное сообщество как основа местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 10. С. 10–14.

³¹ Сергеев Д. Б. Местное сообщество и муниципальное образование как субъекты права муниципальной собственности // Современное право. 2011. № 11. С. 69–71.

³² Бабичев И. В. К вопросу о структуре территориального публичного коллектива (населения) муниципального образования и местных сообществ // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 6. С. 51–58.

³³ Алексеев И. А., Шипулин Н. С. Местное сообщество — основа муниципальной демократии // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2018. № 1. С. 5–9.

понятия местного сообщества, настолько же (а возможно, даже и более) значимо *реальное сплочение местных сообществ для эффективного совместного решения задач*, как отмечалось выше, в интересах местного населения и для продвижения национальных интересов России в целом.

Стратегия развития местного самоуправления должна включать широкий спектр положений, предполагающих и обосновывающих опору на **сплочение местных сообществ и консолидацию их усилий** для активного заинтересованного и ответственного участия в решении *как местных, так и общегосударственных задач*, дающего гражданам и местным сообществам в целом *чувство сопричастности* не только к обустройству (в широком смысле) собственного муниципалитета, но и к общероссийской актуальной повестке.

Здесь мы вновь приходим к пониманию принципиальной значимости **активной, заинтересованной и ответственной вовлеченности** граждан в работающие механизмы консолидации общественных, муниципальных и государственных усилий, которая и характеризует в настоящее время реальный демократизм как гражданского общества, так и публичной власти. Совершенно справедливо В. В. Комарова подчеркивает, что «демократическое общество — это общество, которое по-настоящему активно, которое по-настоящему неравнодушно»³⁴. Это самое неравнодушие, на наш взгляд, понимаемое как стремление к созиданию в рамках конструктивного взаимодействия с публичной властью, должно являться максимой, внутренним императивом современного российского социума. И тем уровнем, на котором это может проявляться наиболее отчетливо, как

раз выступает местное сообщество в каждом нашем муниципалитете.

Четвертое. Принципиально важным в современных условиях, в том числе с учетом постоянного усложнения задач и функций, является **системное развитие кадрового потенциала муниципальной службы**. Должны создаваться и реально работать механизмы, способствующие привлечению на службу в органы местного самоуправления и удержанию на службе (иными словами, предотвращению оттока) квалифицированных кадров, обладающих компетенциями, дающими возможность оперативно и максимально эффективно решать стоящие перед местным уровнем публичной власти разноплановые задачи.

Законодательство о муниципальной службе, на наш взгляд, целесообразно развивать по вектору максимального сближения гарантий, уровня обеспечения, стимулирующих механизмов, реальных карьерных возможностей для кадров органов местного самоуправления с теми, которые предусмотрены для государственных гражданских служащих³⁵, что в целом будет способствовать наращиванию кадрового потенциала единой системы публичной власти.

Кроме того, считаем важным внедрять в органах местного самоуправления муниципальных и городских округов политику *поощрения преподавательской и научной деятельности муниципальных служащих*, осуществление которой параллельно со служебной деятельностью способно существенно расширить горизонты осознания и проработки служащими эффективных подходов к решению текущих и перспективных задач, поднять общий уровень компетентности кадрового состава муниципальных органов.

³⁴ Комарова В. В. Вопросы конституционного развития (в контексте позиций О. Е. Кутафина) // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12.

³⁵ Например, в решении Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации ФС РФ на тему «Актуальные вопросы развития кадрового потенциала органов местного самоуправления», принятом по итогам заседания указанного Совета, состоявшегося в Совете Федерации 17 января 2022 г., содержатся рекомендации Правительству РФ проработать вопросы о целесообразности установления: системы классных чинов муниципальной службы на законодательном уровне, скорреспондированной с системой классных чинов государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации; соотношения классных чинов, присваиваемых государственным гражданским служащим субъектов Российской Федерации, и классных чинов, присваиваемых муниципальным служащим; единых методологических подходов к оценке кандидатов для зачисления в кадровый резерв муниципальной службы, а также к созданию в субъектах Российской Федерации единой базы лиц, включенных в указанный кадровый резерв (см.: Официальный интернет-сайт Совета Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/mOm9tD7GmyuW76XUKmPFULCAQzGuKujy.pdf> (дата обращения: 07.09.2022)).

Внимание должно быть уделено предметной проработке вопроса о *широком внедрении института наставничества на муниципальной службе*. 1 сентября 2022 г. Президент РФ В. В. Путин охарактеризовал наставничество как часть национального культурного кода в нашей стране³⁶. Такого рода взаимодействие представляется весьма гармоничным и плодотворным, соответствующим нашим правосознанию, правовой культуре и ментальности. Персональная и адресная передача практического опыта и наработанных подходов к эффективному решению задач в рамках деятельности органов местного самоуправления от опытных сотрудников новым кадрам способна обеспечить должное сохранение и приумножение важных компетенций, повысить общие позитивные результаты функционирования местного уровня публичной власти.

Справедливо также предложение — в качестве перспективы — о создании «в крупных муниципальных образованиях развитой сети их территориальных органов местного самоуправления»³⁷, что позволит, с одной стороны,

трудоустроить гораздо большее число квалифицированных служащих, способных решать повседневные задачи в интересах населения, с другой стороны, в должной степени приблизить местную власть к гражданам. По мере роста распространенности и значимости муниципальных округов и городских округов как эффективной одноуровневой модели организации местного самоуправления важно будет *обеспечивать максимальную территориальную доступность для граждан местных органов*, в которые они могут непосредственно обращаться с насущными вопросами.

Подчеркнем, что конечным измерением местного сообщества выступает конкретный человек, являющийся его членом и осознающий сопричастность и долю ответственности за происходящее в муниципальном образовании³⁸. Поэтому муниципальное развитие и совершенствование муниципального управления должны быть ориентированы на нужды, потребности и чаяния людей и при этом должны предполагать их личное заинтересованное и ответственное участие.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев И. А., Шипулин Н. С. Местное сообщество — основа муниципальной демократии // Муниципальная служба: правовые вопросы. — 2018. — № 1.
2. Бабичев И. В. К вопросу о структуре территориального публичного коллектива (населения) муниципального образования и местных сообществ // Конституционное и муниципальное право. — 2012. — № 6.
3. Бабичев И. В. Размышления и материалы к вопросу о государственной концепции развития местного самоуправления в нашей стране // Местное право. — 2019. — № 5.
4. Василькова Е. А., Яценко О. В. Понятие международных стандартов местного самоуправления в контексте исторического развития прав человека и гражданина // Вестник Таганрогского института управления и экономики. — 2018. — № 1 (27).
5. Головин А. Г. Ответственное делегирование народом власти на местном уровне как фактор развития муниципальных образований // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. — 2021. — № 3.
6. Головин А. Г. Конституционные начала делегирования народом власти в Российской Федерации: поиск концепции // Государство и право. — 2022. — № 1.
7. Избирательные процессы и практика: актуальный взгляд : монография / кол. авт. ; под общ. ред. Б. С. Эбзеева, И. Б. Гасанова. — М. : РЦОИТ, 2018.

³⁶ См.: Путин назвал наставничество частью национального культурного кода в России // РИА «Новости». 01.09.2022. URL: <https://ria.ru/20220901/nastavnichestvo-1813814497.html> (дата обращения: 07.09.2022).

³⁷ Кокотов А. Н. Государственная власть и местное самоуправление в территориальной организации субъектов Российской Федерации // Государство и право. 2016. № 11. С. 50.

³⁸ По меткому выражению Б. С. Эбзеева, «без обязанностей и ответственности личности, коррелирующих ее свободе и правам, немислима социальная солидарность как баланс интересов как во взаимоотношениях самих сочленов общества и их объединений, так и в их взаимоотношениях с государством» (см.: Избирательные процессы и практика: актуальный взгляд : монография / кол. авт. ; под общ. ред. Б. С. Эбзеева, И. Б. Гасанова. М. : РЦОИТ, 2018. С. 110).

8. Кокотов А. Н. Государственная власть и местное самоуправление в территориальной организации субъектов Российской Федерации // Государство и право. — 2016. — № 11.
9. Комарова В. В. Вопросы конституционного развития (в контексте позиций О. Е. Кутафина) // Конституционное и муниципальное право. — 2016. — № 12.
10. Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Содружества Независимых Государств : документы и материалы / отв. ред. В. И. Лысенко. — М. : РЦИОИТ, 2008.
11. Курячая М. М. Местное сообщество как основа объединения граждан // Конституционное и муниципальное право. — 2007. — № 4.
12. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. — М. : Норма, 2008.
13. Лебедев В. А. Органы государственной власти субъектов РФ как элемент единой системы публичной власти современной России // Конституционное и муниципальное право. — 2021. — № 8.
14. Макаров А. В. Цели и задачи бюджетной политики государства // Юрист. — 2005. — № 10.
15. Международные избирательные стандарты : сборник документов. — М. : Весь мир, 2004.
16. Мелехина И. И. Местное сообщество: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2003.
17. Новокрещенов А. В. Местное сообщество как основа местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. — 2011. — № 10.
18. Пирожкова И. Г., Попов А. М. Право на самоуправление: международная фиксация дефиниции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2021. — № 3 (91).
19. Постатейный научно-практический комментарий коллектива ученых Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина (МГЮА) под руководством д. ю. н., профессора Е. И. Козловой к Конституции Российской Федерации. — Изд. 3-е, доп., перераб. и уточн. — М. : Библиотечка «Российской газеты», 2009.
20. Сергеев Д. Б. Институт местного сообщества муниципального образования: трудный путь в современное российское право // Российский юридический журнал. — 2010. — № 5.
21. Сергеев Д. Б. Местное сообщество и муниципальное образование как субъекты права муниципальной собственности // Современное право. — 2011. — № 11.
22. Таева Н. Е. Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — № 5.
23. Тимофеев Н. С. Местное самоуправление в России: основы и пределы (конституционно-правовые аспекты) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2008.
24. Фадеев В. И. Местное самоуправление в России: исторический опыт и современная практика правового регулирования // Lex russica. — 2014. — № 4.
25. Чихладзе Л. Т. К вопросу о международных соглашениях как источниках муниципального права России // Юридическая наука. — 2016. — № 3.

Материал поступил в редакцию 8 сентября 2022 г.

REFERENCES

1. Alekseev IA, Shipulin NS. Mestnoe soobshchestvo — osnova munitsipalnoy demokratii [Local community — the basis of municipal democracy]. *Municipal Service: Legal Issues*. 2018;1. (In Russ.).
2. Babichev IV. K voprosu o strukture territorialnogo publichnogo kollektiva (naseleniya) munitsipalnogo obrazovaniya i mestnykh soobshchestv [The issue of the structure of the territorial public collective (population) of the municipality and local communities]. *Constitutional and Municipal Law*. 2012;6:51-59. (In Russ.).
3. Babichev IV. Razmyshleniya i materialy k voprosu o gosudarstvennoy kontseptsii razvitiya mestnogo samoupravleniya v nashey strane [Reflections and contributions to the state concept of development of local self-government in our country]. *Mestnoe pravo*. 2019;5:3-16. (In Russ.).
4. Vasilkova EA, Yatsenko OV. Ponyatie mezhdunarodnykh standartov mestnogo samoupravleniya v kontekste istoricheskogo razvitiya prav cheloveka i grazhdanina [The concept of international standards of local self-

- government in the context of the historical development of human and civil rights]. *Bulletin of Taganrog Institute of Management and Economics*. 2018;1(27). (In Russ.).
5. Golovin AG. Otvetstvennoe delegirovanie narodom vlasti na mestnom urovne kak faktor razvitiya munitsipalnykh obrazovaniy [Responsible delegation of power by the people on the local level as a municipal structure development factor]. *Municipal Property: Economics, Law, Management*. 2021;3. (In Russ.).
 6. Golovin AG. Konstitutsionnye nachala delegirovaniya narodom vlasti v Rossiyskoy Federatsii: poisk kontseptsii [Constitutional principles of the delegation of power by the people in the Russian Federation: the search for a concept]. *Gosudarstvo i pravo*. 2022;1. (In Russ.).
 7. Ebzeev BS, Gasanov IB (eds.). Izbiratelnye protsessy i praktika: aktualnyy vzglyad: monografiya [Electoral processes and practice: an up-to-date view]. Moscow: RCOIT Publ.; 2018. (In Russ.).
 8. Kokotov AN. Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie v territorialnoy organizatsii subektov Rossiyskoy Federatsii [State power and local self-government in the territorial organization of constituent entities of the Russian Federation]. *Gosudarstvo i pravo*. 2016;11. (In Russ.).
 9. Komarova VV. Voprosy konstitutsionnogo razvitiya (v kontekste pozitsiy O. E. Kutafina) [Constitutional development issues (in the context of O. E. Kutafin's positions)]. *Constitutional and Municipal Law*. 2016;12. (In Russ.).
 10. Lysenko VI (ed.). Konventsia o standartakh demokraticeskikh vyborov, izbiratelnykh prav i svobod v gosudarstvakh — uchastnikakh Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv: dokumenty i materialy [Convention on Standards of Democratic Elections, Electoral Rights and Freedoms in the member States of the Commonwealth of Independent States: documents and proceedings]. Moscow: RCOIT Publ.; 2008. (In Russ.).
 11. Kuryachaya MM. Mestnoe soobshchestvo kak osnova obedineniya grazhdan [Local community as the basis of citizens' association]. *Constitutional and Municipal Law*. 2007;4. (In Russ.).
 12. Kutafin OE. Rossiyskiy konstitutsionalizm [Russian constitutionalism]. Moscow: Norma Publ.; 2008. (In Russ.).
 13. Lebedev VA. Organy gosudarstvennoy vlasti subektov RF kak element edinoy sistemy publichnoy vlasti sovremennoy Rossii [State Authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation as an element of the unified public government system in modern Russia]. *Constitutional and Municipal Law*. 2021;8. (In Russ.).
 14. Makarov AV. Tseli i zadachi byudzhethnoy politiki gosudarstva [Goals and objectives of the state budget policy]. *Jurist*. 2005;10. (In Russ.).
 15. Mezhdunarodnye izbiratelnye standarty: sbornik dokumentov [International electoral standards: a collection of documents]. Moscow: Ves mir Publ.; 2004. (In Russ.).
 16. Melekhina II. Mestnoe soobshchestvo: teoretiko-pravovoy analiz: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Local community: theoretical and legal analysis: Author's Abstract]. Krasnodar; 2003. (In Russ.).
 17. Novokreschenov AV. Mestnoe soobshchestvo kak osnova mestnogo samoupravleniya [Local community as the basis of local self-government]. *State Power and Local Self-Government*. 2011;10. (In Russ.).
 18. Pirozhkova IG, Popov AM. Pravo na samoupravlenie: mezhdunarodnaya fiksatsiya definitsii [The right to self-government: an international fixation of the definition]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii*. 2021;3(91).
 19. Article-by-article scientific and practical commentary of the team of researchers of Kutafin Moscow State Law Academy (MSAL) under the leadership of Doctor of Law, Professor E. I. Kozlova on the Constitution of the Russian Federation. 3rd ed. Moscow: Library of the «Rossiyskaya Gazeta»; 2009. (In Russ.).
 20. Sergeev DB. Institut mestnogo soobshchestva munitsipalnogo obrazovaniya: trudnyy put v sovremennoe rossiyskoe pravo [Institute of local community of municipal entity: hard way into the modern Russian law]. *Russian Juridical Journal*. 2010;5. (In Russ.).
 21. Sergeev DB. Mestnoe soobshchestvo i munitsipalnoe obrazovanie kak subekty prava munitsipalnoy sobstvennosti [Local community and municipal formation as subjects of municipal property rights]. *Sovremennoe pravo*. 2011;11. (In Russ.).
 22. Taeva NE. Normy Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii kak forma vyrazheniya sotsialnykh tsennostey [Norms of the Constitution of the Russian Federation as a form of expression of social values]. *Constitutional and Municipal Law*. 2009;5. (In Russ.).
 23. Timofeev NS. Mestnoe samoupravlenie v Rossii: osnovy i predely (konstitutsionno-pravovye aspekty): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Local self-government in Russia: fundamentals and limits (constitutional and legal aspects): Author's abstract]. Moscow; 2008. (In Russ.).
 24. Fadeev VI. Mestnoe samoupravlenie v Rossii: istoricheskiy opyt i sovremennaya praktika pravovogo regulirovaniya [Local self-government in Russia: Historical experience and modern practice of legal regulation]. *Lex russica*. 2014;4. (In Russ.).
 25. Chikhladze LT. K voprosu o mezhdunarodnykh soglasheniyakh kak istochnikakh munitsipalnogo prava Rossii [On the issue of international agreements as sources of municipal law in Russia]. *Legal Science*. 2016;3. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.043-051

Е. П. Забелина*

Территориальное устройство муниципальной власти на современном этапе¹

Аннотация. В статье впервые проанализированы федеральные конституционные законы о вхождении в состав Российской Федерации новых ее субъектов — Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей — в части регулирования территориальной организации местного самоуправления. Автором дана оценка предстоящих преобразований, высказаны и обоснованы предложения о необходимости расширения системы муниципальных образований в новых субъектах РФ за счет включения в нее поселений как территорий местного самоуправления. Реализация такого положения будет соответствовать Федеральному закону от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и позволит населению сельских и других населенных пунктов более активно участвовать в местном самоуправлении.

В статье раскрываются принципы территориальной основы местного самоуправления и выясняются возможности их сохранения в условиях осуществляемых преобразований местного самоуправления, обусловленных внесением в 2020 г. поправок в Конституцию РФ. Автор характеризует закрепленные в законодательстве процедуры обеспечения изменения границ муниципальных образований, преобразования и упразднения муниципальных образований, анализирует нормы соответствующих законов субъектов РФ и муниципальных правовых актов, конкретизирующих порядок решения территориальных вопросов местного самоуправления, иллюстрируется процесс укрупнения муниципальных образований на примере Московской области. Отмечается, что в РФ сложилось трехуровневое правовое регулирование муниципально-территориального устройства, включающее федеральное и региональное законодательство и муниципальные правовые акты. Это позволяет максимально полно определить материальные полномочия органов публичной власти в данной сфере местного самоуправления и определить процессуальный порядок их обеспечения. С учетом полученных результатов анализируется проект федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» с целью выявления степени устойчивости сложившейся системы территориальной организации местного самоуправления. Автор резюмирует, что принятие названного законопроекта не повлечет ее существенного изменения, ее принципов и не изменит порядок решения вопросов территориальной организации муниципальной власти.

Ключевые слова: территория муниципального образования; границы муниципального образования; муниципально-территориальное устройство; преобразование муниципальных образований; упразднение муниципальных образований; устав муниципального образования; население муниципальных образований; органы государственной власти субъектов РФ; проект федерального закона № 40361-8.

Для цитирования: Забелина Е. П. Территориальное устройство муниципальной власти на современном этапе // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 12. — С. 43–51. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.043-051.

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Забелина Е. П., 2022

* Забелина Елена Павловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

erzabelina@msal.ru

Territorial Structure of Municipal Government at the Present Stage²

Elena P. Zabelina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
epzabelina@msal.ru

Abstract. The paper analyzes federal constitutional laws concerning the entry into the Russian Federation of its new constituent entities — Donetsk and Lugansk People's Republics, Zaporozhye and Kherson regions — in terms of regulating territorial organization of local self-government. The author analyzes upcoming transformations, makes and justifies proposals regarding the need to expand the system of municipalities in new constituent entities of the Russian Federation by including settlements as its local self-government territories. The implementation of such a provision will comply with Federal Law No. 131-FZ dated 06.10.2003 «On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation» and will allow the population of rural and other settlements to participate more actively in local self-government.

The paper describes the principles of the territorial basis of local self-government and clarifies the possibilities of their preservation in the conditions of the ongoing transformations of local self-government, due to the introduction of amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020. The author characterizes the procedures fixed in the legislation for ensuring changes in the boundaries of municipalities, transformation and abolition of municipalities, analyzes the norms of relevant laws of constituent entities of the Russian Federation and municipal legal acts specifying the procedure for solving territorial issues of local self-government, illustrates the process of consolidation of municipalities on the example of the Moscow region. It is noted that in the Russian Federation there is a three-level legal regulation of the municipal-territorial structure, including federal and regional legislation and municipal legal acts. This makes it possible to determine substantive powers of public authorities in this area of local self-government and establish the procedure for their enforcement. Taking into account the results obtained, draft Federal Law No. 40361-8 «On general principles of organization of local self-government in the unified system of public authority» is analyzed in order to identify the degree of stability of the existing system of territorial organization of local self-government. The author summarizes that adoption of the enactment under consideration will not entail significant changes, its principles and will not change the procedure for resolving issues of territorial organization of municipal power.

Keywords: territory of a municipal entity; borders of a municipal formation; municipal-territorial structure; transformation of municipalities; abolition of municipalities; charter of a municipal formation; population of municipalities; state authorities of subjects of the Russian Federation; draft federal law No. 40361-8.

Cite as: Zabelina EP. Territorialnoe ustroystvo munitsipalnoy vlasti na sovremennom etape [Territorial Structure of Municipal Government at the Present Stage]. *Lex russica*. 2022;75(12):43-51. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.043-051. (In Russ., abstract in Eng.).

Основные правовые ориентиры территориальной структуры местного самоуправления закреплены в Конституции РФ³. В ее статье 131 зафиксированы три конституционных условия создания оптимальной территориальной основы муниципальной власти. В этой статье, во-первых, установлено, что местное самоуправление осуществляется в границах муниципальных образований, во-вторых, указано, что виды муниципальных образований, порядок определения и изменения их границ уста-

навливаются законом на федеральном уровне; в-третьих, закреплено, что территория муниципальных образований определяется с учетом исторических и иных местных традиций.

Эти ключевые условия в полной мере учитываются при формировании и совершенствовании муниципального территориального устройства. В Федеральном законе от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁴ было закреплено как понятие муни-

² The research was carried out within the framework of the strategic academic leadership program «Priority-2030».

³ Конституция Российской Федерации с изменениями, принятыми на общероссийском голосовании 1 июля 2020 г. М. : Эксмо, 2020. 96 с.

⁴ СЗ РФ. 1995. № 35. Ст. 3506.

ципального образования, так и порядок установления (изменения) границ муниципальных образований.

В Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁵ определение муниципального образования раскрывается без указания на его признаки. Аналогичным образом данный Закон определяет понятия конкретных видов (типов) муниципальных образований. Понятие «поселение», к примеру, — это городское или сельское поселение. Это определение явно не позволяет получить какое-либо представление об этих видах территорий. Между тем выделение их особых признаков целесообразно, так как перечень вопросов местного значения дифференцируется в зависимости от вида (типа) муниципальных образований.

В рамках деятельности по совершенствованию местного самоуправления в контексте конституционных новелл 2020 г. Государственной Думой принят в первом чтении проект федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»⁶. Интересно, что проект закона сохраняет закрепленное в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ понятие *местного самоуправления* и провозглашает его осуществление на всей территории государства.

Однако следует отметить, что этот основополагающий принцип территориального обустройства местного самоуправления не в полной мере реализован в нашей стране. Федеральными законами стали выделяться территории, например территория Инновационного центра «Сколково»⁷, где не предусмотрено местное самоуправление, а его органы заменены управленческими государственными структурами, осуществляющими их полномочия⁸. Эта тенденция, на наш взгляд, не соответствует

Конституции РФ и объективным условиям жизни населения на современном этапе.

Законопроекту № 40361-8, подготовленному для рассмотрения Государственной Думой в первом чтении и рассмотренном ею в таком виде, не хватало понятийного аппарата, используемых в нем терминов. Однако он был восстановлен, когда был представлен в палату парламента для второго чтения. Согласно ч. 1 ст. 2 проекта закона, подготовленного для рассмотрения ко второму чтению, муниципальное образование рассматривается как *населенный пункт (несколько населенных пунктов), в том числе с прилегающей территорией, предназначенной для развития социальной, транспортной и иной инфраструктуры муниципального образования, иная населенная территория, с очерченной границей, в пределах которой осуществляется местное самоуправление, имеются муниципальная собственность, местный бюджет и выборные органы местного самоуправления*. Такая формулировка указанного понятия повторяет народную поговорку: новое — хорошо забытое старое, поскольку оно соответствует Закону 1995 г., регулирующему муниципальные правоотношения. При этом его следует признать оптимальным⁹.

Представляется обоснованным и расширение видов муниципальных образований по сравнению с первой версией законопроекта № 40361-8. В нем в качестве таковых названы округа городские и муниципальные, поселения и внутригородские территории городов федерального значения. Первоначально в законопроекте отсутствовали в системе территориальных координат муниципальной власти поселения, что, на наш взгляд, было ошибочным. Поэтому хорошо, что ошибка была исправлена в дальнейшей работе над законопроектом. Ведь городские и сельские поселения являются наиболее массовыми муниципальными обра-

⁵ СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

⁶ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 23.10.2022).

⁷ Территория в публичном праве / С. В. Нарутто [и др.] М., 2013. 320 с.

⁸ См.: Федеральный закон от 28.09.2010 № 244-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) «Об инновационном центре «Сколково» // СЗ РФ. 2010. № 40. Ст. 4970.

⁹ По мнению И. В. Бабичева, населенный пункт как юридическая конструкция состоит из трех элементов: 1) населения; 2) территории, очерченной границами; 3) поселенческообразующего инфраструктурного комплекса. И все нормативные правовые определения населенного пункта и отдельных его видов должны формулироваться исходя именно из такого его юридического конструирования (Бабичев И. В. Муниципальное право: системно-структурный анализ юридических конструкций : монография. М., 2010. С. 69).

зованиями. По состоянию на начало января 2022 г., из 19 675 зарегистрированных Министерством юстиции РФ муниципальных образований сельских поселений — 15 742, городских поселений — 1 307, городских округов — 608, муниципальных округов — 180, муниципальных районов — 1 544¹⁰.

Наиболее приближены к населению поселения, они создают условия для деятельности местного самоуправления максимально большим числом граждан, а также для реализации их прав быть избранными и избирать в органы местного самоуправления. В то же время официальная статистика показывает, что в результате преобразований в некоторых субъектах поселения были ликвидированы. Так, на 1 января 2022 г. в Московской, Магаданской, Калининградской, Сахалинской областях, а также в Ставропольском крае поселений нет¹¹.

Работу поселенческих органов местного самоуправления обеспечивают более 100 тыс. муниципальных служащих. Укрупнение муниципальных образований за счет ликвидации поселений в сложившейся в настоящее время политической и социально-экономической ситуации в нашей стране нецелесообразно. Ведь работу потеряют муниципальные служащие, обеспечивающие их деятельность. Да, и о шаговой доступности населения к органам власти надо будет забыть. Поэтому следует признать обоснованным в перспективе отказ депутатов Государственной Думы поддержать авторов законопроекта № 40361-8 об исключении из территориальной системы организации местного самоуправления поселений.

Согласно действующему Федеральному закону от 06.10.2003 № 131-ФЗ местное самоуправление осуществляется на всей территории Российской Федерации. Границы пространственных пределов муниципальной власти устанавливаются и изменяются законодательными актами субъектов РФ. Территория муниципального образования должна полностью входить в состав территории одного субъекта РФ, в состав муниципальной территории должны входить земельные участки независимо ни от формы их собственности, ни от их целевого назначения. Границы муниципальных территорий должны устанавливаться таким образом, чтобы обеспечивалась транспорт-

ная доступность для жителей всех населенных пунктов до их административных центров и обратно к месту жительства в течение рабочего дня. Весь перечень требований, которые нужно учитывать при установлении (изменении) муниципальных территориальных границ, определен статьей 11 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ.

Варианты изменений территориального устройства местного самоуправления активно используются органами государственной и муниципальной власти. Учитывая заинтересованность населения, вопросы территориальной организации решаются с привлечением жителей соответствующих муниципальных образований. С этой целью были определены процедуры выявления воли населения для учета его мнения при инициировании изменения границ муниципальных образований как самим населением, так и по инициативе муниципалитетов и органов власти регионального уровня.

Согласно ст. 12 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ инициатива населения об изменении территориальных пределов муниципального образования реализуется в порядке, определенном законом на федеральном уровне и принимаемым в соответствии с ним законом субъекта РФ о выдвижении инициативы проведения референдума. Так, Порядком предусматриваются некоторые процедуры, в том числе:

- 1) процедура сбора подписей населения в поддержку инициативы об изменении муниципальных границ;
- 2) процедура подсчета голосов в поддержку местного референдума;
- 3) процедура рассмотрения и принятия муниципальным представительным органом проекта решения о проведении местного референдума;
- 4) процедура проведения самого муниципального референдума;
- 5) процедура внесения этим органом соответствующих документов в законодательный орган власти субъекта Российской Федерации.

Данный Порядок применяется в случаях изменения территориальных границ муниципальных районов при включении территорий некоторых их поселений в территориальный

¹⁰ URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения: 23.10.2022).

¹¹ URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения: 23.10.2022).

состав других территориальных образований. Такие процедуры применяются также в случае инициирования разделения территории на два или более поселения.

Голосование по изменению границ муниципальных территорий (их преобразований), как установлено статьей 24 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ, проводится на всей территории муниципального образования или на его части, оно признается состоявшимся, если в нем приняло участие более половины жителей данной территории. Более того, согласие считается полученным, если большинство из них проголосовало за изменение границ (преобразование) муниципальной территории.

В случаях, закрепленных в ч. 2.1, 2.2, 4, 4.1 ст. 12, а также их преобразований, определенных в ч. 3.1, 3.2, 4, 6.1, 7.2 ст. 13 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ от имени населения право выражать его согласие предоставлено муниципальному представительному органу. С этой целью также используются процедуры обсуждения таких вопросов представительным органом муниципального уровня и принятия решения в соответствии с его регламентом.

В двух случаях территориальные вопросы подлежат рассмотрению на сходах граждан. Сход может быть проведен по вопросу изменения границ только в поселениях¹², в том числе решается вопрос и об упразднении поселения. Процедурный порядок проведения сходов граждан, в том числе по этим вопросам, закреплен в уставах поселений. На сходах решаются и вопросы создания новых образуемых поселений на межселенных территориях, когда их образование иницируется населением этих территорий.

Проект федерального закона № 40361-8 сохраняет процессуальный порядок решения вопросов территориального устройства местного самоуправления, включая процедуры обеспечения права населения инициировать

вопросы, связанные с изменением границ муниципальных образований и их преобразованием. Представительные органы сохраняют за собой право выражать согласие населения и процедурный порядок его реализации в установленных в проекте случаях.

После принятия данного проекта закона деятельность по территориальному обустройству местного самоуправления будет по-прежнему основываться на законодательно установленных принципах территориального самоуправления¹³.

Законы субъектов РФ, предметом которых являются вопросы определения и изменения границ территорий муниципальной власти, и соответствующие муниципальные нормативные правовые акты сохраняют свою процессуальную и нормативную правовую силу.

Высокая степень процедурного обеспечения муниципального процесса территориальных преобразований иллюстрируется, к примеру, Законом Курской области от 21.12.2005 № 99-ЗКО «О порядке рассмотрения вопросов преобразования муниципальных образований в Курской области и изменения границ муниципального образования»¹⁴. Этот Закон предусматривает процедуры порядка подготовки и принятия решений муниципальными представительными органами объединяемых поселений, процедуру разработки и согласования аналитической записки, обосновывающей целесообразность объединения двух и более поселений, порядок сбора и обобщения сведений, характеризующих социально-экономическое положение объединяемых поселений, процедуру внесения документов в Курскую областную Думу об объединении поселений.

Аналогичные процедуры используются инициаторами изменения муниципальных территориальных границ и их преобразования в других субъектах Российской Федерации¹⁵. В то же время анализ практики реализации соответствующих региональных законов показывает,

¹² Ст. 25 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ.

¹³ Однако, по мнению профессора Н. Л. Пешина, Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ не содержит принципов территориальной организации местного самоуправления (*Авакьян С. А., Лютцер В. Л., Пешин Н. Л.* Муниципальное право России. 3-е изд. М., 2010. С. 180–181).

¹⁴ Курская правда. 2005. 27 дек.

¹⁵ См., например: Закон Псковской области от 30.03.2015 № 1508-ОЗ «О преобразовании муниципальных образований» // Псковская правда. 2015. 31 марта; Закон Калининградской области от 05.12.2008 № 303 «Об изменении границ муниципальных образований» (с изм. и доп.) // Калининградская правда. 2008. 16 дек.

что повсеместно идет процесс укрупнения муниципальных образований, что позволяет объединять их материальные и финансовые ресурсы и более успешно решать вопросы местного значения. В Московской области, например, преобразование муниципальных районов в городские округа было осуществлено по инициативе объединения сельских и городских поселений представительного органа одного из поселений соответствующего муниципальному району. В Подмоскovie по этой схеме были образованы Коломенский городской округ¹⁶, Орехово-Зуевский городской округ¹⁷, Наро-Фоминский городской округ и др.¹⁸

Нормативная база для регулирования муниципального территориального устройства дополняется муниципальными правовыми актами. Уставы муниципальных образований закрепляют полномочия органов местного самоуправления по вопросам изменения границ их территориального предела и их преобразования¹⁹. На основании Устава муниципального образования «Старицкий район» Тверской области собрание депутатов назначает голосование населения об изменении границ Старицкого района и его преобразования (ст. 30).

В статье 3 этого Устава главе Старицкого района предоставлено право вносить предложения по изменению границ и преобразованию муниципального района на рассмотрение собрания депутатов Старицкого района²⁰.

Статья 19 Устава муниципального образования «Старицкий район» Тверской области определяет порядок получения согласия населения Старицкого района об изменении границ и преобразовании муниципального района. Такие голосования проводятся в соответствии с процедурами, установленными соответствующими федеральными и областными законами о муниципальном референдуме. Когда изменение муниципальных границ (преобразование) инициируется населением, осуществляются процедуры формирования инициативной группы, сбора подписей в поддержку референдума, подведения итогов и представления подписных листов в комиссию референдума, их проверки, рассмотрения инициативы населения представительным органом, принятия решения о проведении местного референдума. Такие мероприятия проводятся открыто и гласно. Результаты голосования и принятия решений участниками голосования подлежат обязательному

¹⁶ См.: Закон Московской области от 06.04.2017 № 36/2017-ОЗ «О преобразовании городского округа Коломна, городского поселения Пески Коломенского муниципального района, сельского поселения Акатьевское Коломенского муниципального района, сельского поселения Биорковское Коломенского муниципального района, сельского поселения Заруденское Коломенского муниципального района, сельского поселения Непецинское Коломенского муниципального района, сельского поселения Пестриковское Коломенского муниципального района, сельского поселения Проводниковское Коломенского муниципального района, сельского поселения Радужное Коломенского муниципального района и сельского поселения Хорошовское Коломенского муниципального района, о статусе и установлении границы вновь образованного муниципального образования» // Ежедневные Новости. Подмоскovie. 2017. 13 апр. № 66.

¹⁷ Законом Московской области от 06.12.2017 № 211/2017-ОЗ «Об организации местного самоуправления на территории Орехово-Зуевского муниципального района» были объединены территории городского поселения Дрезна, городского поселения Куровское, городского поселения Ликино-Дулёво, сельского поселения Белавинское, сельского поселения Горское, сельского поселения Давыдовское, сельского поселения Дороховское, сельского поселения Ильинское, сельского поселения Новинское, сельского поселения Соболевское без изменения границ Орехово-Зуевского муниципального района. Образованное путем вышеуказанного изменения состава территории Орехово-Зуевского муниципального района городское поселение было наделено статусом городского округа (городской округ Ликино-Дулёво).

¹⁸ См.: Баженова О. И. К проблеме реализации конституционного поселенческо-территориального принципа организации местного самоуправления. В защиту поселенческого начала (по результатам анализа практики «преобразования» муниципальных районов в городские округа) // Местное право. 2019. № 4. С. 25–52.

¹⁹ Забелина Е. П. Регулирование процесса преобразования муниципальных образований: состояние, перспективы совершенствования // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 72–76.

²⁰ URL: <http://старицкий-район.рф/dokumenty/> (дата обращения: 23.10.2022).

опубликованию (обнародованию). Подобный порядок решения территориальных вопросов закрепляется и в уставах других муниципальных образований²¹.

Учитывая важность муниципально-территориального процесса, муниципальные представительные органы принимают специальные нормативные правовые акты, в том числе включающие процессуальные нормы, определяющие процедуры инициирования вопросов изменения границ муниципального образования и устанавливающие порядок его продвижения путем внесения проектов законодательных актов и материалов к ним в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ.

Таким образом, в настоящее время сложилось трехуровневое правовое регулирование муниципально-территориального устройства, а именно путем принятия федеральных и региональных законов, а также муниципальных правовых актов. Это позволяет максимально полно определить материальные полномочия публичных органов власти в муниципально-правовой сфере и определить процессуальный порядок их обеспечения. Новый федеральный закон об организации местного самоуправления в Российской Федерации вряд ли повлечет за собой изменение порядка правового регулирования территориальной организации муниципальной власти в случае его принятия. Это свидетельствует о том, что система муниципальных образований сформирована вполне оптимально и не нуждается в кардинальных изменениях.

Значительные территориальные преобразования в организации местного самоуправления произойдут в четырех новых субъектах Российской Федерации — Луганской и Донецкой Народных Республиках, Запорожской и Херсонской областях. В Федеральных конституционных законах от 04.10.2022 о принятии их в Российскую Федерацию и об образовании в составе Российской Федерации названных субъектов, определяют порядок организации местного самоуправления на их территории²². В то же время установлено, что на территории, например, Донецкой Народной Республики будут созданы городские округа и муниципальные округа. Их образование будет основываться на законах Донецкой Народной Республики,

которые должны быть приняты в течение шести месяцев со дня вступления в силу соответствующего Федерального конституционного закона. Таким днем является 6 октября 2022 г., то есть публикации в «Российской газете» Договора между Россией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и об образовании в ее составе нового субъекта.

В соответствующем законе ДНР необходимо будет установить и границы вновь образованных муниципальных образований. Процесс утверждения территориальной организации местного самоуправления в Донецкой Народной Республике будет иметь следующие особенности. Во-первых, к моменту принятия законов Республик об организации местного самоуправления представительные органы соответствующих муниципальных образований созданы не будут. Согласно ст. 11 Федерального конституционного закона от 04.10.2022 эти органы будут избраны во второе воскресенье сентября 2023 г. И это вполне объяснимо. Ведь до формирования органов местного самоуправления необходимо знать территорию, на которую будет распространяться их юрисдикция. Во-вторых, в течение переходного периода, который продлится почти год, будут функционировать органы и должностные лица, которые были избраны или назначались до того, как Донецкая Народная Республика вошла в состав Российской Федерации. По-видимому, они будут участвовать в определении границ новых городских и муниципальных округов. Хотелось бы, чтобы этот процесс проходил максимально демократично с учетом процессуального порядка, закрепленного в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ. Если он утратит силу в случае принятия проекта федерального закона № 40361-8, то определение границ нужно будет проводить с учетом этого Закона. Это позволит реализовать закрепленные в нем принципы территориальной организации местного самоуправления, о которых говорилось ранее.

Аналогичным образом будет утверждена организация территориального обустройства в Луганской Народной Республике. В Запорожской и Херсонской областях такая деятельность будет осуществляться на основании нормативных правовых актов временно исполняющих

²¹ См., например: ст. 14 Устава внутригородского муниципального образования города федерального значения Санкт-Петербурга город Кронштадт // Кронштадтское время. 2008. 12 ноября.

²² Российская газета. 2022. 6 октября.

обязанности губернаторов. Они также должны принять свои нормативные правовые акты об организации местного самоуправления в новых субъектах Российской Федерации в течение месяца. Это рассматривается как особенность такой деятельности в Запорожской и Херсонской областях. В то же время соответствующие Федеральные конституционные законы устанавливают, что нормативные правовые акты должностных лиц, временно исполняющих обязанности губернаторов, не должны противоречить законодательству Российской Федерации о местном самоуправлении. Это требование позволяет надеяться, что определение границ муниципальных образований будет осуществляться с учетом воли их населения. В противном случае нет смысла реформировать местное самоуправление. Ведь особенность этой политической и социальной деятельности проявляется в установлении первичности воли населения и создании условий для ее реализации.

Следует отметить, что установленная система муниципально-территориальной основы в новых субъектах Российской Федерации не совпадает с системой, действующей на остальной территории РФ. Это проявляется в том, что в новых субъектах Российской Федерации не ожидается образования поселенческих муниципальных образований. Между тем в

Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ и в проекте федерального закона № 40361-8 поселения относятся к видам (типам) муниципальных образований наряду с городскими и муниципальными округами. На наш взгляд, поселения как вид (тип) муниципальных образований должны формироваться в новых субъектах Российской Федерации. И дело не только в том, что их отсутствие будет нарушением действующего муниципального законодательства. Как известно, на территории новых субъектов РФ имеется много сел и поселков, в которых проживают многие тысячи жителей. Следовательно, если эти населенные территории не будут иметь статус муниципальных образований, то проживающим на этих территориях гражданам Российской Федерации будет сложно участвовать в местном самоуправлении из-за отдаленности центров муниципальных округов. Поэтому представляется, что в Федеральные конституционные законы о новых субъектах РФ следовало бы внести изменения, дополнив систему их видов муниципальных образований таким видом муниципальных образований, как поселение. Более того, такое изменение целесообразно внести как можно быстрее, чтобы учесть территориальную организацию местного самоуправления в Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областях.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А., Лютцер В. Л., Пешин Н. Л. [и др.] Муниципальное право России : учебник. — М., 2010.
2. Бабичев И. В. Муниципальное право: системно-структурный анализ юридических конструкций. — М., 2010. — 334 с.
3. Баженова О. И. К проблеме реализации конституционного поселенческо-территориального принципа организации местного самоуправления. В защиту поселенческого начала (по результатам анализа практики «преобразования» муниципальных районов в городские округа) // Местное право. — 2019. — № 4. — С. 25–52.
4. Забелина Е. П. Регулирование процесса преобразования муниципальных образований: состояние, перспективы совершенствования // Конституционное и муниципальное право. — 2016. — № 12. — С. 72–76.
5. Территория в публичном праве / С. В. Нарутто, Е. А. Шугрина, И. А. Исаев, И. А. Алебастрова. — М., 2013. — 320 с.

Материал поступил в редакцию 23 октября 2022 г.

REFERENCES

1. Avakian SA, Lutzer VL, Peshin NL [et al.] *Munitsipalnoe pravo Rossii* [Municipal law of Russia]. Moscow; 2010. (In Russ.).
2. Babichev IV. *Munitsipalnoe pravo: sistemno-strukturnyy analiz yuridicheskikh konstruktsiy* [Municipal law: system-structural analysis of legal constructions]. Moscow; 2010. (In Russ.).
3. Bazhenova OI. K probleme realizatsii konstitutsionnogo poselenchesko-territorialnogo printsipa organizatsii mestnogo samoupravleniya. V zashchitu poselencheskogo nachala (po rezultatam analiza praktiki «preobrazovaniya» munitsipalnykh rayonov v gorodskie okruga) [To the problem of implementation of the constitutional settlement-territorial principle of organization of local self-government. In defence of settlement option]. *Mestnoe pravo*. 2019;4:25-52. (In Russ.).
4. Zabelina EP. Regulirovanie protsessa preobrazovaniya munitsipalnykh obrazovaniy: sostoyanie, perspektivy sovershenstvovaniya [Regulation of the process of transformation of municipalities: state, prospects for improvement]. *Constitutional and Municipal Law*. 2016;12:72-76. (In Russ.).
5. Narutto SV, Shugrina EA, Isaev IA, Alabasterova IA. *Territoriya v publichnom prave* [Territory in public law]. Moscow; 2013. (In Russ.).

Декларируемые и истинные цели уголовного наказания

Аннотация. Цели наказания, закрепленные в ч. 2 ст. 43 УК РФ, фактически должны выступать одним из ключевых ориентиров для правоприменителя при индивидуализации наказания. Вместе с тем существующая конструкция справедливо критикуется как абстрактная и лишенная практического смысла. Цель статьи состоит в выработке рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства в части регламентации ориентированных на практику целей наказания. Для достижения поставленной цели: доказана неуместность причисления норм о целях наказания к декларативным нормам; указано на некорректность указания в качестве целей наказания восстановления социальной справедливости и предупреждения совершения новых преступлений, а также на стабильное невыполнение цели исправления осужденных с учетом показателей рецидивной преступности в России (с 2008 по 2021 г.); аргументирована точка зрения о целесообразности нормативного закрепления двух целей наказания (с учетом требований унификации (корреляции с задачами УК РФ), а также объективных возможностей и ожидаемых результатов): безусловное и полное восстановление нарушенных преступлением прав и исправление осужденного. С учетом специфики существующей системы видов наказаний, фактически делающей недостижимой первую из указанных целей, предложена корректировка норм, регламентирующих отдельные виды наказания (по существу — включение в исключительно фискальный характер существующих наказаний реституционных начал): первоочередное возмещение ущерба, причиненного потерпевшему, и лишь при полной (или максимально возможной в конкретных обстоятельствах) компенсации всех нарушенных прав потерпевшего возмещение в бюджет государства. Отстаивается точка зрения о том, что цель исправления осужденного, несмотря на труднодостижимость (особенно уголовно-правовыми средствами), необходима, поскольку обладает некоторым регулятивным потенциалом.

Ключевые слова: цели наказания; уголовное наказание; социальная справедливость; права потерпевшего; судимость; рецидив; возмещение ущерба; назначение наказания; задачи УК РФ; лишение свободы.

Для цитирования: *Маслов В. А. Декларируемые и истинные цели уголовного наказания // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 12. — С. 52–62. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.052-062.*

Declared and True Goals of Criminal Punishment

Villie A. Maslov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Research and Editorial-Publishing Department, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ul. Korepina, d. 66, Yekaterinburg, Russia, 620057
villi@e1.ru

Abstract. The goals of punishment, enshrined in Part 2 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation, should actually act as one of the key guidelines for the law enforcement officer when individualizing punishment. At the same time, the existing construction is rightly criticized as abstract and devoid of practical meaning. The

© Маслов В. А., 2022

* *Маслов Вилли Андреевич*, кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Уральского юридического института МВД России
ул. Корепина, д. 66, г. Екатеринбург, Россия, 620057
villi@e1.ru

purpose of the paper is to develop recommendations for improving criminal legislation in terms of regulating practice-oriented goals of punishment. To achieve this goal, the author has substantiated inappropriateness of attributing norms on the purposes of punishment to declarative norms, demonstrated incorrectness of specifying restoration of social justice and prevention of new crimes as the goals of punishment, explained stable failure to fulfill the goal of correcting convicts with due regard to indicators in Russia (from 2008 to 2021), highlighted the approach based on the expediency of normative consolidation of two goals of punishment (taking into account the requirements of unification (correlation with the tasks of the Criminal Code of the Russian Federation), and focused on possibilities and expected results), namely, unconditional and complete restoration of the rights violated by the crime and correction of convicts. Taking into account peculiarities of the existing system of types of punishment that actually makes the first of these goals unattainable, the author proposes to adjust norms regulating certain types of punishment (in essence, restorative principles should be referred to as exclusively fiscal in nature as existing punishments): priority compensation for damage caused to the victim, and only with full (or maximum possible in specific circumstances) compensation for all violated rights of the victim compensation to the State budget. The author argues that the goal of correcting a convicted person, despite being difficult to achieve (especially by criminal legal means), is necessary because it has regulatory potential.

Keywords: goals of punishment; criminal punishment; social justice; rights of the victim; criminal record; recidivism; compensation for damages; sentencing; objectives of the Criminal Code of the Russian Federation; deprivation of liberty.

Cite as: Maslov VA. Deklariruemye i istinnye tseli ugovnogo nakazaniya [Declared and True Goals of Criminal Punishment]. *Lex russica*. 2022;75(12):52-62. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.052-062. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Цели наказания выступают предметом исследований на протяжении всей истории существования наказания как феномена действительности. Однако несмотря на самый пристальный взгляд к данной проблеме как со стороны ученых-юристов, так и со стороны широкого круга представителей иных наук, говорить, что данная проблематика исчерпана, не приходится. Очередное тому подтверждение можно обнаружить, исследовав нормативную конструкцию ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации и практику ее применения и придя к выводу о ее терминологическом несовершенстве, практической нереализуемости и неспособности осуществлять возложенные на нее как на норму права функции.

Сказанное предполагает актуальность рассмотрения целей наказания в контексте необходимости отказа от неуместной декларируемости и приоритета надления норм о целях наказания необходимым регулятивным свойством.

Методология

На основе диалектико-материалистического метода познания, с использованием метода статистического анализа исследованы статисти-

ческие данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ относительно общего числа осужденных и числа осужденных, ранее судимых (имеющих неснятую или непогашенную судимость), а также удельный вес ранее судимых осужденных в общей массе осужденных в России в период с 2008 по 2021 г.; относительно структуры наказуемости и прекращения уголовных дел (за примирением сторон; с назначением судебного штрафа; в связи с деятельным раскаянием) по ч. 2 ст. 158, ч. 1–3 ст. 264, ч. 1 ст. 167, ч. 2 ст. 115 УК РФ по итогам 2021 г.

Показатели рецидивной преступности проанализированы на основе статистики осуждения по ч. 2 ст. 115, ст. 116.1, ч. 1 ст. 119, ч. 1, 2 ст. 158, ст. 158.1 УК РФ.

Основные результаты исследования

Осуждение за совершение преступлений в России ежегодно более полумиллиона лиц позволяет утверждать, что именно наказание должно выступать ключевым инструментом обеспечения выполнения закрепленных в ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ или уголовный закон) задач, первая из которых — это охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности.

Вместе с тем говорить о том, что обозначенные законодателем задачи УК РФ в полной мере коррелируют с целями наказания, отмеченными в ч. 2 ст. 43 УК РФ, не приходится.

Огромное количество исследований, посвященных вопросу целей наказания, к сожалению, обошли стороной один из ключевых аспектов — фактического влияния норм, регламентирующих цели наказания, на общественные отношения.

Очевидно, что право как один из регуляторов поведения членов социума ценно постольку, поскольку позволяет совокупностью взаимосвязанных норм, объединяемых в институты права, коим и является институт назначения наказания (справедливо дифференцированный авторами от института понятия и видов наказания¹), оптимально регулировать поведение всех субъектов общественных отношений. Данное обстоятельство исключает возможность (равно как целесообразность или необходимость) существования в законодательстве норм, не влияющих на поведение членов социума.

Безусловно, что в законодательстве достаточное количество декларативных норм, однако ряд обстоятельств позволяют говорить о недопустимости признания норм о целях наказания декларативными ввиду:

- во-первых, специфики уголовного права как охранительной отрасли, имеющей важное значение и непосредственную связь с закрепленными в Конституции Российской Федерации правами и свободами. Сказанное предполагает ряд следствий: неприемлемую в уголовном праве, но допустимую в рамках иных отраслей аналогию (права или закона); минимизацию диспозитивных предписаний и максимальную конкретизацию правоположений внутри одного кодифицированного нормативного акта и т.д.;
- во-вторых, наличия в уголовном законе задач УК РФ, по существу уже содержащих достаточно абстрактный, но необходимый целевой ориентир, не требующий конкретизации подобным образом;
- в-третьих, того обстоятельства, что назначение наказания — исключительная прерогатива суда, и именно на суд фактически возложена обязанность принимать во внимание как заложенные в ст. 2 УК РФ задачи существования уголовного закона, а в ч. 2 ст. 43 УК РФ цели наказания, так и несколько более конкретные, отмеченные в ч. 3 ст. 60 УК РФ обстоятельства, учитываемые при назначении наказания.

Структурно данная обязанность выглядит следующим образом (см. таблицу):

Норма УК РФ	Обстоятельства, подлежащие учету судом при разрешении уголовных дел
Статья 2	Задачи УК РФ: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений
Часть 2 ст. 43	Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений
Часть 3 ст. 60	При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи

Данный перечень норм и обстоятельств, которые необходимо принимать во внимание суду, не претендует на исчерпываемость, однако его можно назвать основой деятельности суда в рамках индивидуализации наказания.

Представляется, что заложенная в ч. 3 ст. 60 УК РФ конкретика, к примеру, относительно необходимости установления обстоятельств

преступления (в том числе обстоятельств, предусмотренных в ст. 61 и 63 УК РФ), личности виновного, условий жизни его семьи вполне обоснованна. Равным образом стоит признать в целом обоснованным достаточно широкий перечень задач УК РФ, обусловленный разнообразием регулируемых уголовным законом общественных отношений. Но вот что касается

¹ Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 16.

«промежуточного» звена (согласно обозначенной таблице) — целей наказания, то здесь видится необходимым обозначение *конкретных² и достижимых³* конечных результатов применения наказания, нежели еще одной своеобразной интерпретации заложенных в ст. 2 УК РФ задач.

Итак, признавая, что цели наказания должны быть однозначным и недвусмысленным ориентиром для суда при выборе вида и размера наказания, мы подходим к нескольким ключевым вопросам:

1. Почему ключевая (постольку, поскольку она первая) цель наказания — восстановление социальной справедливости — изначально сформулирована настолько абстрактно, что не способна быть ориентиром в процессе правоприменения (не обладает регулятивным свойством и, как следствие, не способна оказать воздействие на общественные отношения)?

2. По какой причине, несмотря на то, что первая цель (восстановление социальной справедливости) абстрактна, вторая (исправление осужденного) стабильно не достигается на практике, а достижение третьей цели (предупреждение совершения новых преступлений) во многом совершенно не зависит от практики назначения наказания, положения ч. 2 ст. 43 УК РФ остаются одними из немногих, которые не претерпели законодательных корректировок за период действия уголовного закона?

Декларируемые цели наказания

1. Восстановление социальной справедливости
Формулировка данной цели есть не что иное, как квинтэссенция идеи, обосновывающей право государства наказывать. Данный аспект вполне ожидаемо обходят стороной ученые-юристы, ибо в понимании большинства из них право государства наказывать преступников за их злодеяния есть нечто «само собой разу-

меющееся» и не требующее каких-либо доказательств.

Вместе с тем данный аспект чрезвычайно важен, поскольку ответственность за любое преступление лежит не только на преступнике, но и на государстве, которое «позволило» преступнику действовать; не предотвратило; «не объяснило» вполне доходчиво и недвусмысленно недопустимость подобного поведения; не обеспечило возможность действовать иным образом; в ряде случаев само создало предпосылки и условия для совершения преступления и т.д. Указанный далеко не исчерпывающий перечень должен натолкнуть на мысль, что совершенное преступление должно влечь, говоря цивилистическим языком, солидарную ответственность непосредственного виновного и государства. Однако в действительности мы видим лишь одно лицо на скамье подсудимых.

Признавая виновным лишь преступника, декларируя тем самым отсутствие собственной вины, государство говорит о необходимости восстановления *социальной справедливости*, термина абстрактного настолько, что можно с уверенностью утверждать, что ответ на вопрос, может ли наказание восстановить социальную справедливость, находится совершенно точно за рамками юриспруденции.

Если подходить к *восстановлению* социальной справедливости как к требованию *восстановления* положения, существовавшего до совершения преступления⁴, в том числе с учетом требования компенсировать вред, причиненный потерпевшему преступлением⁵, то можно утверждать, что за самым редчайшим исключением ни одно наказание не способно в полной мере восстановить общественные отношения.

Более того, несмотря на то, что в доктрине уже продолжительное время обсуждается вопрос введения в уголовный закон наказаний реституционного характера⁶, стоит понимать и то, что *нет ни одного* наказания, следствием которого будет восстановление прав потерпевшего

² Серебренникова А. В. Нравственное обоснование системы уголовных наказаний // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 12. С. 43.

³ См., например: Лапшин В. Ф. Истинная цель уголовного наказания и критерии ее достижимости // Журнал российского права. 2018. № 5 (257). С. 77.

⁴ Кузнецов А. П., Курдюков С. И. Цели уголовного наказания: теоретико-прикладное исследование // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 6.

⁵ Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Цели наказания в законе, теории и общественном мнении: реальные и мнимые // Закон. 2021. № 12. С. 180 С. 172–188.

⁶ Фатхутдинов А. И. Цели наказания и правовое регулирование механизма их достижения по УК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 10.

от преступления — просто потому, что наказание само по себе никоим образом не связано с возмещением потерпевшему имущественного ущерба и морального вреда.

Таким образом, *восстановить* социальную справедливость в преступлениях с конкретным потерпевшим посредством наказания ввиду специфики существующих видов наказания априори невозможно.

Смеем предположить, что именно вследствие указанной проблемы «основной функцией наказания в Великобритании и США становится не восстановление справедливости и ресоциализация правонарушителей, а достижение целей общей и частной превенции»⁷.

2. Исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений

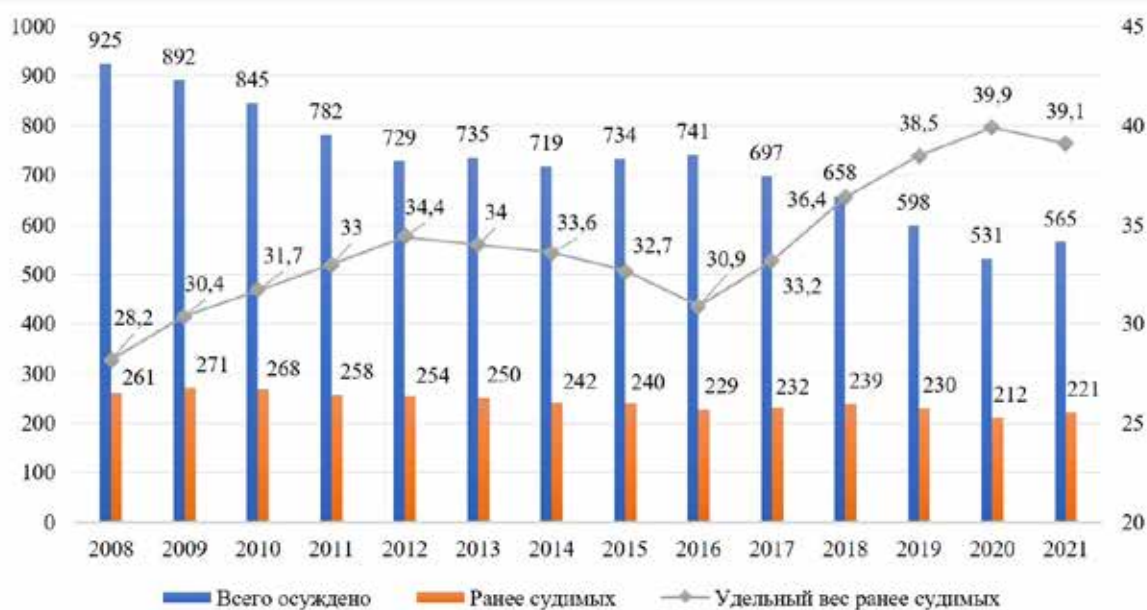
Представляется, что оценить достижение цели исправления осужденных можно, исследовав характеристику осужденных, ранее судимых, имеющих неснятую или непогашенную судимость (рецидивную преступность), по-

скольку, как указывают авторы, именно отказ от совершения новых преступлений является показателем достижения цели исправления⁸, при этом «независимо от мотивов правоуправляемого поведения — осознал ли он свое негативное поведение, раскаялся ли в содеянном, или же боится вновь подвергнуться наказанию»⁹.

Указанные показатели демонстрируют недостижение цели исправления осужденных, поскольку ежегодно более 200 тыс. ранее осужденных привлекаются к уголовной ответственности. При этом если мы наблюдаем динамику снижения общего числа привлекаемых к ответственности на 35,7 % с 2008 г., то удельный вес ранее привлекаемых к уголовной ответственности и осуждаемых повторно лишь растет.

Кроме того, если обратиться к структуре вновь привлекаемых к ответственности ранее судимых, можно заметить, что если в 2008 г. лишь каждый третий (34,1 %) из таких лиц отбыл наказание полностью, то в 2021 г. таковых

Общее число осужденных и число осужденных, ранее судимых (имеющих неснятую или непогашенную судимость), (тыс.) а также удельный вес (%) ранее судимых осужденных в общей массе осужденных в России в период с 2008 по 2021 г.¹⁰

⁷ Гурина А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Калининград, 2018. С. 11.

⁸ См., например: Серебренникова А. В. Указ. соч. С. 43; Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Указ. соч. С. 180.

⁹ Новичков В. Е., Шевелева С. В. Учение о сущности наказания: история и современность // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 6. Ч. 1. С. 193.

¹⁰ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2021 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 11.08.2022).

уже 44,8 %, что наглядно свидетельствует о наличии проблем с исправлением осужденных.

Что касается такой обозначенной в законе цели, как предупреждение совершения новых преступлений, стоит отметить, что динамика снижения числа осужденных (исчисляемая сотнями тысяч) могла бы свидетельствовать о достижении данной цели, если бы не ряд обстоятельств:

1. Во-первых, мы не склонны считать, что между наказанием и снижением показателей преступности есть прямая причинно-следственная связь. Дело в том, что снижение преступности обусловлено не столько адекватностью применяемых к виновным мер уголовной ответственности, сколько в целом «оздоровлением» российского государства, выходом из кризиса начала 2000-х гг., повышением правосознания и правовой культуры населения, снижением бедности и безработицы и т.д.

2. Во-вторых, даже если представить, что существенную роль в снижении преступности сыграла корректность применяемых уголовных наказаний, сказать, что достигается цель предупреждения преступлений, когда осуждается более полумиллиона лиц ежегодно (причем более 160 тысяч из них за тяжкие и особо тяжкие преступления) достаточно спорно.

Итак, продемонстрировав некорректность избранных законодателем формулировок целей наказания, их фактическую нереализуемость на практике, стоит попытаться ответить на ключевой вопрос об истинных целях наказания.

Истинные цели наказания

Признавая аргументированность точки зрения о необходимости исключения целей наказания из ч. 2 ст. 43 УК РФ ввиду противоречивости теоретической конструкции и отсутствия надлежащей практической значимости¹¹, видится возможным предложить все-таки сохранить структуру

ст. 43 УК РФ, но существенно переработав содержание второй части.

Акцентируем внимание на том, что само по себе стремление государства к восстановлению социальной справедливости (что бы под этим ни понималось), исправлению осужденного и предупреждению совершения новых преступлений вполне понятно, оправданно и его всячески стоит поддержать. Однако необходимо понимать, что далеко не всё из указанного достижимо не то что мерами уголовного наказания, но и в принципе средствами уголовно-правовой политики.

Сказанное приводит нас к необходимости поиска «истинных» целей уголовного наказания, под которыми мы понимаем тот конечный желаемый результат, на который государство вправе рассчитывать, привлекая лицо к уголовной ответственности.

Сразу оговоримся, что наша точка зрения состоит в отрицательном отношении к признанию кары как самостоятельной цели наказания¹². Сказанное аргументируем тем, что уголовная ответственность — это вид ответственности юридической, под которой понимается обязанность лица претерпевать различные лишения (негативные последствия) вследствие совершенного им противоправного деяния. Статья 43 УК РФ отмечает, что наказание есть не что иное, как мера государственного принуждения, заключающаяся в лишении или ограничении прав и свобод этого лица. Данные последствия, по существу, и есть кара, понимаемая как «наказание/строгое взыскание»¹³; наказание за проступки, преступления¹⁴; наказание/возмездие¹⁵, сущность которой в том, что она предполагает «...принуждение к страданию, причем к такому, которое по своему характеру и длительности пропорционально соразмерно совершенному злему делу, преступлению»¹⁶.

Признание кары целью наказания, свойственное сторонникам ретрибутивизма (или гегелевского «минимального ретрибутивизма»¹⁷), считаем закономерным следствием попыток

¹¹ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. О целях наказания // Российский следователь. 2022. № 5. С. 48.

¹² См., например: Темиргалиев М. А. Цели уголовного наказания и процесса наказывания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2014. С. 9.

¹³ Даль В. И. Толковый словарь. 1863–1866.

¹⁴ Ушаков Д. Н. Толковый словарь. 1935–1940.

¹⁵ Толковый словарь / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 1949–1992.

¹⁶ Ной И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962. С. 119.

¹⁷ Brooks Th. Is Hegel a Retributivist? // Bulletin of the Hegel Society of Great Britain. 2004. Vol. 49/50. P. 113–126.

ученых познать феномен наказания. Данный посыл был справедливо опровергнут впоследствии сторонниками консеквенциализма, и в настоящее время мы признаем, что необходимо отличать кару, выступающую *сущностью* наказания¹⁸, и *цели* наказания, поскольку очевидно, что желаемый *конечный* результат состоит совсем не в том, чтобы лишить или ограничить виновного в его правах.

С нашей точки зрения, цель наказания должна четко коррелировать с задачами УК РФ и состоять из двух элементов.

1. Безусловное и полное восстановление нарушенных преступлением прав, в том числе возмещение ущерба, причиненного преступлением гражданину, организации или государству. При этом данный термин необходимо толковать, учитывая требование *максимального* восстановления нарушенных прав, к примеру: при наличии конкретного потерпевшего включать в ущерб как имущественный ущерб и моральный вред, так и упущенную выгоду и т.д.

Подчеркнем, что сколь данное требование необходимо с учетом положений Конституции РФ и обозначенных в ст. 2 УК РФ задач, столь же нереализуемо в настоящее время в силу специфики системы видов наказания.

С учетом точки зрения ученых, что «наказание не может полностью восстановить все нарушенные преступлением блага»¹⁹, еще более категорично повторимся, что *нет ни одного* наказания, следствием которого будет восстановление прав потерпевшего от преступления, поскольку все они характеризуются фискальным характером, предполагающим взыскания в доход государства (штраф; исправительные работы (ч. 3 ст. 50 УК РФ); принудительные работы (ч. 5 ст. 53.1 УК РФ)).

Бесспорно, помимо наказания, вопросам восстановления нарушенных преступлением прав (в том числе прав потерпевшего) посвящены ряд иных норм уголовного закона, в своей совокупности обладающих некоторым «стимулирующим» виновного к заглаживанию вреда потенциалом (п. «к» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 62, ч. 1

ст. 75, ст. 76, ч. 2 ст. 76.1, ст. 76.2, ч. 1 ст. 79, ч. 1 ст. 80 УК РФ и т.д.), однако утверждать, что данные нормы позволяют в полной мере реализовать заложенную в ст. 2 УК РФ задачу охраны прав и свобод, не приходится.

Аргументировать сказанное можно следующими статистическими данными. По части 2 ст. 158 УК РФ в 2021 г. было осуждено 60 985 лиц²⁰, при этом преобладающим наказанием было лишение свободы, избираемое в отношении 65,5 % осужденных (при этом с равным соотношением привлекаемых к реальному и условному лишению свободы — более 30 тыс.). В то же время в отношении обвиняемых за квалифицированную кражу было прекращено 27 332 уголовных дела за примирением сторон, в три раза меньше (8 906) — с назначением судебного штрафа, 938 — в связи с деятельным раскаянием.

Статистика прекращения уголовных дел в отношении лиц, нарушивших правила дорожного движения, что повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 264 УК РФ), приблизительно та же (в части сопоставления количества осужденных лиц и прекращенных дел): по итогам 2021 г. при 3 154 осужденных по данной статье 3 894 дела было прекращено ввиду примирения с потерпевшим. Несколько иное соотношение по ч. 2–3 ст. 264 УК РФ, но в среднем на двух-трех осужденных приходится одно прекращенное в рамках ст. 76 УК РФ дело. В чем-то сходная картина наблюдается за умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти деяния повлекли причинение значительного ущерба: при 1 743 осужденных в 2021 г. 1 579 дел прекращены за примирением сторон.

Применительно к условному осуждению показательна и часть 2 ст. 115 УК РФ, по которой в 2021 г. 2 207 лиц были приговорены к условному лишению свободы и 220 — к условному осуждению к иным мерам.

Данные показатели, на наш взгляд, демонстрируют, что конституционная обязанность охраны прав и свобод, дублируемая в качестве

¹⁸ См., например: Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций. Т. 1 : Общая часть. М. : Волтерс Клувер, 2011. С. 339.

¹⁹ Арендаренко А. В. Общеправовой принцип социальной справедливости и его реализация в современном уголовном праве России (теоретико-правовые аспекты) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 16.

²⁰ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 г. : Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 11.08.2022).

задачи УК РФ, не выполняется в достаточном объеме. По меньшей мере нельзя назвать корректной практикой столь частого избрания условных наказаний, вкупе с назначением наказаний в виде штрафа и исправительных работ, при отсутствии возмещения причиненного преступлением имущественного ущерба и морального вреда.

Конечно, существует и некая альтернатива, позволяющая пусть и не столь кардинально, но в значительной степени исправить проблему восстановления нарушенных преступлением прав потерпевшего. Речь идет о введении условия для применения условного осуждения в виде возмещения имущественного ущерба и морального вреда в полном (либо существенном) объеме (что видится обоснованным по крайней мере относительно лиц, совершивших преступления против собственности или здоровья).

Вместе с тем подобные «полумеры» не снимают ключевой проблемы — второстепенности прав потерпевшего в уголовном праве в сравнении с интересами государства.

Ситуацию несколько усложняет наличие ряда невозстанавливаемых прав. Как утверждают авторы, «вред жизни или здоровью, причиненный в результате совершения преступления, компенсировать невозможно в принципе»²¹, следствием чего выступают резонные предложения «отобрать у преступника другое конституционное право... причем ровно настолько, насколько преступник изъял чужое конституционное право»²².

Бесспорно, что невозстанавливаемость ряда прав не должна служить препятствием для выбора восстановления нарушенных прав в качестве цели наказания, поскольку существуют иные компенсационные механизмы, предполагающие соразмерное (насколько это вообще возможно) денежное возмещение.

Разрешение в данном случае возможно параллельным (помимо корректировки цели наказания) изменением наказаний, предусматривающих имущественные лишения, с указанием на первоочередное возмещение ущерба, причиненного потерпевшему, и лишь при полной (или максимально возможной в конкретных обстоятельствах) компенсации всех нарушен-

ных прав потерпевшего возмещение в бюджет государства.

2. Исправление осужденного, понимаемое нами как недопущение совершения им новых преступлений после отбытия наказания.

Уточним, что заслуживает самого пристального внимания точка зрения о невозможности достижения данной цели посредством уголовного наказания, однако данное обстоятельство не является основанием для отказа от подобной целевой установки и именованной ее «фикцией»²³.

Важно понимать, что, во-первых, невозможность достижения данной цели в текущих условиях не означает невозможности ее достижения в принципе (при должном совершенствовании отечественной пенитенциарной системы); и, во-вторых, даже в текущих условиях допустимо говорить о наличии предпосылок для коррекции судебной практики с учетом понимания указанной цели.

В качестве примера можно привести показатели привлечения к ответственности ранее судимых лиц по итогам 2021 г.: каждый второй (52,8 %, или 4 680 из 8 866) осужденный за умышленное причинение легкого вреда здоровью при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 115 УК РФ); каждый второй (52,6 %, или 951 из 1 809) осужденный за нанесение побоев лицом, подвергнутому административному наказанию или имеющим судимость (ст. 116.1 УК РФ); каждый второй (50,9 %, или 8 304 из 16 309) осужденный за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 119 УК РФ); шесть из десяти (61,9 %, или 22 234 из 35 901) осужденных за кражу без отягчающих обстоятельств; чуть меньше (56,2 %, или 34 286 из 60 985) осужденных по ч. 2 ст. 158 УК РФ; восемь из десяти (83 %, или 5 690 из 6 857) осужденных за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутому административному наказанию (ст. 158.1 УК РФ) и т.д.

Представляется, что эти данные вкупе с дифференциацией относительно категории преступления, за которое лицо было ранее осуждено, количества судимостей (две; три и более), факта полного или частичного отбытия наказания могут служить целевым ориентиром

²¹ Лапшин В. Ф. Указ. соч. С. 82.

²² Новичков В. Е., Шевелева С. В. Указ. соч. С. 192.

²³ Алиперов Х. Д. Новые подходы к познанию сущности наказания. Постановка проблемы // Уголовное судопроизводство. 2020. № 2. С. 40.

для суда при разрешении конкретного уголовного дела.

Относительно указания в целях наказания общей превенции, т.е. предупреждения совершения новых преступлений иными лицами (хотя от данного уточнения при формировании УК РФ законодатель отказался, в отличие от ст. 20 УК РСФСР²⁴), мы считаем, что данная установка лишена практического смысла и обоснованность ее указания в качестве цели сомнительна, что позволяет согласиться с точкой зрения авторов о необходимости исключения из УК РФ цели общей превенции²⁵, в том числе с учетом того обстоятельства, что данная цель «не может быть достигнута в результате реализации соответствующих предписаний уголовного закона»²⁶.

Несомненно, что общую превенцию следует считать «генеральной целью всего уголовного законодательства»²⁷. Однако дело в том, что отдельно взятым наказанием невозможно реализовать задачу общей превенции, поскольку предупредительное воздействие на социум связано не с видом и размером наказания, а с его *неотвратимостью* в глазах общества, наличием самих *фактов* привлечения к ответственности и не зависит от «жестокости и суровости наказания»²⁸.

Наверно, можно было бы говорить о некотором влиянии на общество и единичных фактов назначения смертной казни, но по вполне понятным причинам в настоящий момент данный разговор лишен смысла.

Тенденция назначения наказания отечественными судами свидетельствует о стремлении выбирать меры, максимально близкие к нижним границам наказания, предусмотренного или в санкции статьи Особенной части, или в соответствующей норме Общей части УК РФ. Наивно полагать, что даже откровенно негативная динамика конкретного преступления (группы преступлений) способна повлиять на данный подход (хотя, может, это и необходимо).

Много более действенным в данном случае в целях адекватной реакции представляется

законодательная корректировка наказуемости «проблемного» состава в части усиления ответственности. Что будет в полной мере соответствовать требованиям формирования такой системы наказаний, которая «должна способствовать предупреждению совершения преступлений как самим преступником, так и неустойчивыми членами общества»²⁹.

Заключение

1. В целях отказа от неуместной декларативности и придания конкретного практического значения (регулятивного свойства) требуется корректировка целей наказания, что позволит судам скорректировать процесс индивидуализации наказания.

2. С учетом требований унификации (корреляции с задачами УК РФ), а также объективных возможностей и ожидаемых результатов стоит отказаться от указания в качестве целей наказания восстановления социальной справедливости и предупреждения совершения новых преступлений, обозначив такие цели, как безусловное и полное восстановление нарушенных преступлением прав и исправление осужденного.

3. С учетом специфики существующей системы видов наказаний первая цель видится недостижимой посредством уголовных наказаний, что, однако, не свидетельствует об отсутствии целесообразности указания ее в качестве таковой. Обоснованной видится соответствующая корректировка норм, регламентирующих отдельные виды наказания, предусматривающая первоочередное возмещение ущерба, причиненного потерпевшему, и лишь при полной (или максимально возможной в конкретных обстоятельствах) компенсации всех нарушенных прав потерпевшего возмещение в бюджет государства. Равным образом необходимо включение возмещения имущественного ущерба и морального вреда в полном (либо существенном) объеме (что видится обоснованным по крайней

²⁴ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

²⁵ Малышева О. А. Современная уголовная политика Российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2006. 519 с.

²⁶ Лапшин В. Ф. Указ. соч. С. 82.

²⁷ Новичков В. Е., Шевелева С. В. Указ. соч. С. 194.

²⁸ Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Указ. соч. С. 184.

²⁹ Голик Ю. В., Иногамова-Хегай Л. В., Комиссаров В. С., Номоконов В. А. О национальной концепции уголовного права // Уголовное право. 2006. № 2. С. 18.

мере относительно лиц, совершивших преступления против собственности или здоровья) в качестве условия для применения условного осуждения.

4. Труднодостижимая, но необходимая цель — исправление осужденного — необходима, поскольку, во-первых, она обладает

некоторым регулятивным потенциалом (требуется лишь более осознанный подход к ее пониманию) и, во-вторых, отказ от ее указания ввиду несовершенства существующей пенитенциарной системы не оправдан и лишь свидетельствует о необходимости ее приведения в надлежащее состояние.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аликперов Х. Д. Новые подходы к познанию сущности наказания. Постановка проблемы // Уголовное судопроизводство. — 2020. — № 2. — С. 36–42.
2. Арендаренко А. В. Общеправовой принцип социальной справедливости и его реализация в современном уголовном праве России (теоретико-правовые аспекты) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2009. — 46 с.
3. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. О целях наказания // Российский следователь. — 2022. — № 5. — С. 46–50. — DOI: 10.18572/1812-3783-2022-5-46-50.
4. Голик Ю. В., Иногамова-Хегай Л. В., Комиссаров В. С., Номоконов В. А. О национальной концепции уголовного права // Уголовное право. — 2006. — № 2. — С. 18–20.
5. Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Цели наказания в законе, теории и общественном мнении: реальные и мнимые // Закон. — 2021. — № 12. — С. 172–188.
6. Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Калининград, 2018. — 46 с.
7. Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Краснодар, 2013. — 66 с.
8. Кузнецов А. П., Курдюков С. И. Цели уголовного наказания: теоретико-прикладное исследование // Российская юстиция. — 2019. — № 3. — С. 4–7.
9. Лапшин В. Ф. Истинная цель уголовного наказания и критерии ее достижимости // Журнал российского права. — 2018. — № 5 (257). — С. 75–85. — DOI: 10.12737/art_2018_5_8.
10. Малышева О. А. Современная уголовная политика Российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. — Рязань, 2006. — 519 с.
11. Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций. Т. 1 : Общая часть. — М. : Волтерс Клувер, 2011. — 742 с.
12. Новичков В. Е., Шевелева С. В. Учение о сущности наказания: история и современность // Известия Юго-Западного государственного университета. — 2011. — № 6. — Ч. 1. — С. 188–195.
13. Ной И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. — Саратов, 1962. — 156 с.
14. Серебренникова А. В. Нравственное обоснование системы уголовных наказаний // Журнал российского права. — 2021. — Т. 25. — № 12. — С. 41–46. — DOI: 10.12737/jrl.2021.146.
15. Темирханов М. А. Цели уголовного наказания и процесса наказывания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Рязань, 2014. — 22 с.
16. Фатхутдинов А. И. Цели наказания и правовое регулирование механизма их достижения по УК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2003. — 25 с.
17. Brooks Th. Is Hegel a Retributivist? // Bulletin of the Hegel Society of Great Britain. — 2004. — Vol. 49/50. — P. 113–126.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2022 г.

REFERENCES

1. Alikperov HD. Novye podkhody k poznaniyu sushchnosti nakazaniya. Postanovka problemy [New approaches to understanding the essence of punishment. Problem setting]. *Criminal Judicial Proceeding*. 2020;2:36–42. (In Russ.).

2. Arendarenko AV. Obshchepравovoy printsip sotsialnoy spravedlivosti i ego realizatsiya v sovremennom ugolovnom prave Rossii (teoretiko-pravovye aspekty): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [The general legal principle of social justice and its implementation in modern criminal law of Russia (theoretical and legal aspects): Author's Abstract]. Moscow: 2009. (In Russ.).
3. Babaev MM, Pudovochkin YuE. O tselyakh nakazaniya [About the purposes of punishment]. *Russian Investigator*. 2022;5:46-50. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-5-46-50. (In Russ.).
4. Golik YuV, Inogamova-Hegai LV, Komissarov VS, Nomokonov VA. O nacional'noy koncepcii ugolovnoy prava [On the national concept of criminal law]. *Criminal Law*. 2006;2:18-20. (In Russ.).
5. Gracheva YuV, Chuchaev AI. Tseli nakazaniya v zakone, teorii i obshchestvennom mnenii: realnye i mnimye [The purposes of punishment in legislation, theory and public opinion: the real and illusory ones]. *Zakon*. 2021;12:172-188. (In Russ.).
6. Gurinskaya AL. Anglo-amerikanskaya model preduprezhdeniya prestupnosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [The Anglo-American model of crime prevention: Author's Abstract]. Kaliningrad; 2018. (In Russ.).
7. Zhuk MS. Instituty rossiyskogo ugolovnoy prava: ponyatie, sistema i perspektivy razvitiya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Institutes of Russian criminal law: concept, system and prospects of development: Author's Abstract]. Krasnodar; 2013. (In Russ.).
8. Kuznetsov AP, Kurdyukov SI. Tseli ugolovnoy nakazaniya: teoretiko-prikladnoe issledovanie [State of intoxication as an aggravating circumstance and the procedure for its determination]. *Russian Justitia*. 2019;3:4-7 (In Russ.).
9. Lapshin VF. Istinnaya tsel ugolovnoy nakazaniya i kriterii ee dostizhimosti [The true purpose of criminal punishment and the criteria for its attainability]. *Journal of Russian Law*. 2018;5(257):75-85. DOI: 10.12737/art_2018_5_8. (In Russ.).
10. Malysheva OA. Sovremennaya ugolovnaya politika Rossiyskogo gosudarstva i ee realizatsiya na dosudebnykh stadiyakh ugolovnoy sudoproizvodstva: dis. ... d-ra yurid. nauk [Modern criminal policy of the Russian state and its implementation at the pre-trial stages of criminal proceedings: Doctoral Dissertation]. Ryazan; 2006. (In Russ.).
11. Naumov AV. Rossiyskoe ugolovnoe pravo: kurs lektsiy. [Russian criminal law: a course of lectures]. Vol. 1: General part. Moscow: Volters Kluwer; 2011. (In Russ.).
12. Novichkov VE, Sheveleva SV. Uchenie o sushchnosti nakazaniya: istoriya i sovremennost [The doctrine of the essence of punishment: History and modernity]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011;6(1):88-195. (In Russ.).
13. Noah IS. Voprosy teorii nakazaniya v sovetskom ugolovnom prave [Questions of the theory of punishment in Soviet criminal law]. Saratov; 1962. (In Russ.).
14. Serebrennikova AV. Nравstvennoe obosnovanie sistemy ugolovnykh nakazaniy [Ethical justification of the criminal system]. *Journal of Russian Law*. 2021;25(12):41-46. DOI: 10.12737/jrl.2021.146. (In Russ.).
15. Temirkhanov MA. Tseli ugolovnoy nakazaniya i protsessa nakazyvaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The goals of criminal punishment and the process of punishment: Author's Abstract]. Ryazan; 2014. (In Russ.).
16. Fatkhutdinov AI. Tseli nakazaniya i pravovoe regulirovanie mekhanizma ikh dostizheniya po UK RF: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [The goals of punishment and the legal regulation of the mechanism of their achievement under the Criminal Code of the Russian Federation: Author's abstract]. Kazan; 2003. (In Russ.).
17. Brooks Th. Is Hegel a Retributivist? *Bulletin of the Hegel Society of Great Britain*. 2004;49/50:113-126.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.063-076

В. В. Семенчук*,
В. Д. Ларичев**

К вопросу о формировании концепции допустимости представления результатов оперативно-розыскной деятельности

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы законодательной регламентации и правоприменительной практики, возникающие в связи с представлением результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД): расширительное понимание направлений использования результатов ОРД; попытки нормативного обоснования принуждения к представлению результатов ОРД; проблемы в рассекречивании судебных решений о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Отмечается, что для преодоления проблем, возникающих в ходе осуществления данных отношений, и регламентации отношений в этой сфере требуется научное осмысление принципов представления результатов ОРД. С этой целью предложена концепция допустимости представления результатов ОРД, включающая понятие допустимости и основные условия, опосредующие этот процесс. Под допустимостью представления результатов оперативно-розыскной деятельности понимается возможность их передачи, определяемая органом, осуществляющим данную деятельность, на основе оценки их информационного содержания с учетом порядка и направлений использования, а также ограничений, предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Условиями допустимости являются: во-первых, информационная готовность результатов ОРД, оцениваемая с учетом требований ведомственных нормативных актов; во-вторых, представление результатов ОРД с учетом предусмотренных законом направлений; в-третьих, соблюдение порядка представления результатов ОРД, предусмотренного законодательством; в-четвертых, соблюдение запретов и ограничений на распространение информации. С учетом судебной практики и результатов анкетирования рекомендован ряд поправок в законодательство, регламентирующее оперативно-розыскную деятельность. В качестве вывода отмечается, что предложенная авторами концепция допустимости представления результатов ОРД может служить ориентиром для последующих изменений в законодательстве, что позволит упорядочить отношения в сфере представления результатов ОРД.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; уголовный процесс; информационное обеспечение; иные публично-правовые полномочия; концепция допустимости; представление результатов; допустимость представления; условия представления; защита сведений; принуждение к представлению; направления представления; информационный продукт.

Для цитирования: Семенчук В. В., Ларичев В. Д. К вопросу о формировании концепции допустимости представления результатов оперативно-розыскной деятельности // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 12. — С. 63–76. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.063-076.

© Семенчук В. В., Ларичев В. Д., 2022

* Семенчук Василий Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России
пер. Казарменный, д. 15, г. Хабаровск, Россия, 680020
semenchuk_ord@mail.ru

** Ларичев Василий Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник НИЦ № 3 ВНИИ МВД России
ул. Поварская, д. 25, стр. 1, г. Москва, Россия, 121069
larichev48@mail.ru

Formation of the Concept of Admissibility of Presentation of the Results of Operational Investigative Activities

Vasiliy V. Semenchuk, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Deputy Head, Department of Operational Investigative Activities of Internal Affairs Bodies, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
per. Kazarmenny, d. 15, Khabarovsk, Russia, 680020
semenchuk_ord@mail.ru

Vasily D. Larichev, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of SIC No. 3 of the Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ul. Povarskaya, d. 25, str., p. 1, Moscow, Russia, 121069
larichev48@mail.ru

Abstract. The paper deals with the problems of legislative regulation and law enforcement practice arising in connection with the presentation of the results of operational investigative activities (OIA): an expanded understanding of directions of using the results of the OIA; attempts of normative justification of compelling to submit the results of the OIA; problems in declassifying court decisions concerning operational investigative measures. It is noted that in order to overcome the problems that arise during implementation of these relations and regulation of relations in this area, it is required to provide an academic understanding of the principles of presenting the results of the OIA. To this end, the author proposes the concept of admissibility of presentation of the results of the OIA, which includes the concept of admissibility and the main conditions mediating this process. Admissibility of presenting the results of OIA is understood as the possibility of their transfer, determined by the agency carrying out this activity, based on an assessment of their content, taking into account the procedure and directions of use, as well as restrictions provided for by the Federal Law «On Operational Investigative Activities». Conditions of admissibility include: 1) information maturity of the results of the OIA assessed with regard to the requirements of departmental regulations; 2) presentation of the OIA results with due regard to the directions provided for by law; 3) compliance with the procedure for presenting the results of the OIA, provided for by law; 4) compliance with prohibitions and restrictions imposed on information dissemination. Taking into account judicial practice and the results of the study, the authors propose a number of amendments to the legislation regulating OIA. As a conclusion, it is noted that the concept proposed by the authors concerning admissibility of presentation of the OIA results can serve as a guideline for subsequent changes in legislation, which will streamline relations in the field of presentation of the OIA results.

Keywords: operational investigative activity; criminal procedure; information support; other public-legal powers; concept of admissibility; presentation of results; admissibility of presentation; conditions of presentation; protection of information; coercion to presentation; directions of presentation; information product.

Cite as: Semenchuk VV, Larichev VD. K voprosu o formirovanii kontseptsii dopustimosti predstavleniya rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti [Formation of the Concept of Admissibility of Presentation of the Results of Operational Investigative Activities]. *Lex russica*. 2022;75(12):63-76. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.063-076. (In Russ., abstract in Eng.).

В науке при изучении вопросов, связанных с результатами оперативно-розыскной деятельности (ОРД), основное внимание уделяется рассмотрению проблемы их использования в доказывании по уголовным делам. Ввиду того что отношения, связанные с представлением результатов ОРД, регламентированы в ст. 11 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее — ФЗ об ОРД) и ведомственных нор-

мативных актах, необходимость исследования допустимости их представления кажется не столь актуальной. Однако в практической деятельности возникают разного рода проблемные ситуации (расширительное понимание направлений использования результатов ОРД, попытки нормативного обоснования принуждения к представлению результатов ОРД и пр.), что свидетельствует о необходимости совершенствования правовой регламентации

¹ СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

рассматриваемых правоотношений. По этой причине представление результатов ОРД требует более подробного изучения, а выявленные проблемы — нормативного разрешения. При этом предложения законотворческого характера должны учитывать условия, с соблюдением которых осуществляется представление результатов ОРД. С учетом изложенного целесообразно вынести на обсуждение концепцию допустимости представления результатов ОРД, учитывающую основные принципы, определяющие данный процесс.

Для начала необходимо определиться с пониманием допустимости представления результатов ОРД. Ввиду отсутствия подобного определения в теории ОРД раскроем его через семантику русского языка с учетом сравнения с созвучным понятием в уголовном процессе.

Согласно словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой понятие «допустимый» определяется как «возможный, позволительный, разрешенный»². Соответственно, допустимость представления результатов ОРД предполагает возможность их передачи из системы ОРД внешнему потребителю. В связи с этим можно сделать вывод о его противоположности понятию допустимости доказательств, сформированному в уголовно-процессуальном праве и науке уголовного процесса.

Так, по мнению Б. Т. Безлепкина, допустимость доказательств — это пригодность с точки зрения законности источника, методов и приемов получения фактических данных³. Другими учеными допустимость доказательства определяется как юридическое свойство, характеризующее процессуальную доброкачественность, пригодность доказательства с точки зрения законности источника, способов и приемов получения сведений⁴. Несмотря на различия в представленных определениях, их общее свойство заключается в необходимости соблюдения уголовно-процессуальных правил для признания поступающих в уголовное судопроизводство

сведений в качестве доказательств, т.е., проще говоря, происходит фильтрация поступающего информационного потока.

Допустимость представления результатов ОРД обладает иными свойствами, т.е. предполагает соблюдение правил выхода соответствующих сведений из системы ОРД.

Итак, под допустимостью представления результатов ОРД предлагается понимать возможность их передачи, определяемую органом, осуществляющим ОРД, на основе оценки их информационного содержания с учетом порядка и направлений использования, а также ограничений, предусмотренных ФЗ об ОРД.

В определении заложены условия допустимости представления результатов ОРД, без соблюдения которых данный процесс осуществляться не должен. К таковым нами отнесены:

1. *Информационная готовность результатов ОРД*, оцениваемая с учетом требований ведомственных нормативных актов.

Результаты ОРД должны отвечать требованиям к их информационному содержанию, предусмотренным Инструкцией о порядке представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд⁵ (далее — Инструкция).

Представлению результатов ОРД предшествует их оценка на предмет достаточности собранных данных для использования в рамках конкретного направления. Более тщательно эта процедура реализуется в случае использования результатов ОРД в качестве повода и оснований для возбуждения уголовного дела. Ведомственным нормативным актом МВД России с этой целью установлен порядок взаимодействия субъекта познания (оперативного сотрудника), руководителя оперативного подразделения и сотрудников следственных подразделений. Предварительная оценка необходима для исключения необоснованной регистрации материалов в книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, которая привела

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2006. 944 с.

³ Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации : постатейный. 11-е изд., перераб. и доп. М., 2012.

⁴ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации : постатейный / отв. ред. В. М. Лебедев ; рук. авт. кол. В. А. Давыдов. М., 2014.

⁵ Приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27.09.2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Российская газета. 2013. № 282.

бы к раскрытию оперативного интереса к объекту проверки, нарушению принципа конфиденциальности, а при недостаточности собранных данных — к необходимости принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

2. *Представление результатов ОРД с учетом предусмотренных законом направлений*, перечень которых определен в ст. 8.1 и 11 ФЗ об ОРД.

3. *Соблюдение порядка представления результатов ОРД*, предусмотренного ФЗ об ОРД и Инструкцией, предполагающего рассмотрение вопроса о рассекречивании результатов ОРД, вынесение постановления об их представлении и фактическую передачу. С учетом цели использования также подготавливаются рапорт об обнаружении преступления либо сообщение о результатах ОРД.

4. *Соблюдение запретов и ограничений на распространение информации*, предусмотренных статьями 12 ФЗ об ОРД и ведомственными нормативными актами (п. 13 Инструкции).

Приведенные условия основаны на нормах ФЗ об ОРД и ведомственных нормативных актов, но не лишены проблемной составляющей.

В настоящее время наибольшее количество вопросов как в теоретической, так и в практической плоскости возникает в отношении направлений представления результатов ОРД.

Положения ч. 2 ст. 5 ФЗ об ОРД запрещают осуществление ОРД для достижения целей и решения задач, не предусмотренных данным законом. Из этого следует, что направления использования результатов ОРД должны быть согласованы с задачами данной деятельности.

Согласно ст. 11 ФЗ об ОРД результаты ОРД в первую очередь предназначены для решения задачи ОРД по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, а также выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Анализ других направлений использования результатов ОРД и задач ОРД свидетельствует об их некотором рассогласовании, на что указывал В. Г. Бобров⁶.

Так, закон предусматривает некоторые направления использования результатов ОРД, прямо не связанные с решением конкретных задач данной деятельности (например, для принятия решений о достоверности сведений, представленных государственным или муниципальным служащим либо гражданином,

претендующим на должность судьи; для решения вопросов о допуске лиц, перечисленных в п. 1–4, 6 ч. 2 ст. 7 ФЗ об ОРД, к определенным видам деятельности; для использования в деятельности налоговых органов).

В связи с этим является актуальным совершенствование нормативной регламентации задач ОРД с учетом закрепленных в законе направлений использования результатов ОРД. В то же время их полное согласование выглядит не всегда достижимым.

Так, задачи ОРД в правоприменении рассматриваются как нормы прямого действия, обеспеченные средством достижения — возможностью проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) в связи с наличием оснований, коррелирующих задачам. С учетом изложенного идеальный вариант регламентации предполагает выстраивание согласованной цепочки норм: задача ОРД — основание для проведения ОРМ — направления использования результатов ОРД.

Однако такой подход не всегда может быть реализован в праве.

Например, каким образом сформулировать задачу ОРД, в рамках достижения которой могут быть получены результаты ОРД, имеющие значение для налоговых органов? Такого рода информация собирается преимущественно в рамках решения задачи ОРД, связанной с противодействием преступности, по основаниям для проведения ОРМ, предусмотренным в ч. 2 ст. 7 ФЗ об ОРД. В случае закрепления в законе самостоятельной задачи ОРД, связанной с оперативно-розыскным обеспечением деятельности налоговых органов, возникнет потребность в формировании соответствующего основания для проведения ОРМ. В такой ситуации существует риск необоснованного вмешательства ОРД в общественные отношения, изначально не связанные с ней.

Сходным образом выглядит ситуация с использованием информации, имеющей отношение к деятельности других органов власти, возможность представления которой еще не регламентирована в оперативно-розыскном законодательстве. Например, в процессе выявления преступления может стать известной информация о признаках административного правонарушения либо информация, представ-

⁶ Бобров В. Г. О некоторых вопросах законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности // *Полицейское право*. 2005. № 2. С. 78.

ляющая интерес для реализации публично-правовых полномочий органов власти. «Отбракование» данной информации формально будет соответствовать положениям ФЗ об ОРД, но в конечном итоге не позволит реализовать предупредительную функцию ОРД (в особенности с учетом перерастания правонарушений в преступления).

Расширение задач ОРД за счет включения в них противодействия административным правонарушениям привело бы к необоснованному вмешательству в неприкосновенность личной жизни, а также распылению сил и средств ОРД, снижающему ее эффективность. Еще раз повторим⁷, что нельзя согласиться с тем, что для борьбы с административными правонарушениями необходимо применять силы и средства ОРД, как это предлагали некоторые ученые⁸.

Однако минимальным требованием придания допустимости представления и последующего использованию такого «продукта» для реализации публично-правовых полномочий органов власти может быть расширение перечня направлений использования результатов ОРД.

Таким образом, можно прийти к выводу о труднодостижимости полного сочетания задач ОРД и направлений использования ее результатов, чему мешают две противоположные тенденции: расширение сферы ОРД за счет раздувания ее задач и оснований для проведения ОРМ; игнорирование результатов ОРД, не имеющих отношения к ее задачам.

Баланс может быть достигнут за счет закрепления в законе новых направлений использования результатов ОРД и тем самым обеспечения положений ч. 2 ст. 5 ФЗ об ОРД путем соблюдения норм п. 3 ч. 8 ст. 5 и дополнительной регламентации запрета на использование результатов ОРД вне случаев, предусмотренных законом.

В настоящее же время процесс появления новых направлений использования результатов ОРД не всегда идет вместе с их правовой регламентацией (как это было при включении в перечень получателей налоговых органов), а чаще происходит «стихийно», вне правового поля. В последнем случае использование результатов ОРД вызывает ряд вопросов.

Во-первых, статья 50 Конституции России⁹ устанавливает, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Термин «получение» в данном контексте можно толковать в узком и широком смысле. Первый подход предполагает знак равенства между «получением» и собиранием доказательств субъектом, обладающим соответствующими процессуальными полномочиями, например следователем в ходе проведения следственных действий. Второй подход дополнительно к оценке правомерности действий, относящихся к собиранию доказательств, также предполагает необходимость анализа законности передачи сведений, для которых установлен специальный порядок распоряжения ими. В связи с тем, что ФЗ об ОРД устанавливает специальный порядок представления результатов ОРД, его соблюдение необходимо учитывать при оценке допустимости использования результатов ОРД в качестве доказательств.

В уголовном судопроизводстве существует практика, когда нарушение процедурных норм представления результатов ОРД влечет недопустимость их использования в доказывании. По данному поводу судебная коллегия Верховного Суда Республики Калмыкия на вопрос «Следует ли признавать недопустимыми доказательствами результаты ОРД (например, проверочная закупка), послуживших поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, если они представлены следователю без постановления

⁷ Ларичев В. Д., Кулешова А. В. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в системе мер предупреждения преступлений // Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности». Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2020. С. 132–139.

⁸ Козловский А. Ю. Возможные направления осуществления оперативно-розыскной деятельности по обеспечению экономической безопасности России в сфере таможенного дела // Вестник Российской таможенной академии. 2012. № 1. С. 49 ; Сергеева Ю. В. К вопросу о совершенствовании правовой регламентации задач оперативно-розыскной деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 3 (59). С. 184.

⁹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

руководителя органа, осуществляющего ОРД, о представлении результатов ОРД?» ответила, что исходя из смысла ст. 89 УПК РФ¹⁰, ФЗ об ОРД и Инструкции, передача результатов ОРД следователю без постановления о представлении результатов ОРД является незаконной¹¹. Отсутствие постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД, о представлении результатов ОРД становилось основанием для признания их недопустимости для использования в доказывании и в решениях по отдельным уголовным делам¹².

С учетом того, что положения ст. 50 Конституции России имеют общеправовое значение, установленные ФЗ об ОРД порядок и направления представления результатов ОРД должны учитываться в рамках не только уголовно-процессуальных, но и иных процессуальных отношений.

Во-вторых, в п. 3 ч. 8 ст. 5 ФЗ об ОРД органам, осуществляющим ОРД, и их должностным лицам запрещается разглашать сведения, затрагивающие неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан, ставшие известными в процессе проведения ОРМ, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами. Целевые ориентиры, направления и порядок использования результатов ОРД предусмотрены ст. 1, 2 и 11 ФЗ об ОРД.

Учитывая взаимосвязь приведенных положений ФЗ об ОРД, можно сделать вывод, что

использование результатов ОРД возможно по направлениям и в порядке, предусмотренным в законе, то есть в данном случае действует принцип «разрешено только то, что прямо предусмотрено в законе». Нарушение указанного принципа может способствовать признанию недопустимости использованию результатов ОРД по направлениям, не предусмотренным ФЗ об ОРД.

Между тем правоприменительная практика по данному вопросу не столь однозначна.

Существует подход, согласно которому представление результатов ОРД в нарушение установленного порядка и направлений их использования рассматривается как основание для признания их недопустимыми доказательствами. Так, суды отмечали, что результаты ОРД в силу ст. 11 ФЗ об ОРД не могут служить поводом и основанием для возбуждения дела об административном правонарушении¹³, а также использоваться для доказывания при рассмотрении дел об административных правонарушениях¹⁴. В другом случае было указано на недопустимость использования результатов ОРД для привлечения лица к дисциплинарной ответственности, когда данная деятельность осуществлялась с целью установления дисциплинарного проступка вне его связи с преступной деятельностью, то есть не в соответствии с целью и задачами ОРД¹⁵.

Между тем существует и противоположный подход, когда правоприменитель и судебные

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

¹¹ Бюллетень Верховного Суда Республики Калмыкия и Управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в Республике Калмыкия. 2003. № 2.

¹² Апелляционное определение Амурского областного суда от 14.10.2014 по делу № 22-1498/14 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; приговор Ноябрьского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 03.05.2012 по делу № 1-146/2012 // URL: https://noyabrsky--yao.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5366242&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 16.09.2022).

¹³ Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.11.2010 по делу № А56-27216/2010 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8f147b6e-12e2-4a8d-b72f-883594d89e65/0128fa16-bb61-44d8-9bf3-60d36cd1ded4/A56-27216-2010_20101130_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 16.09.2022).

¹⁴ Постановление Курганского областного суда от 11.01.2016 № 4А-2/2016 // URL: https://oblsud-krg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=473212&delo_id=2550001&new=0&text_number=1 (дата обращения: 16.09.2022); решение Арбитражного суда Камчатского края от 21.10.2015 по делу № А24-3203/2015 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c43dad32-6139-4b6d-82ac-66a45837a0ef/b135459f-9ad6-4b12-98ca-a68c0d475833/A24-3203-2015_20151021_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 16.09.2022).

¹⁵ Определение Верховного Суда РФ от 02.10.2017 № 56-КГ17-18 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

органы не учитывают ранее обозначенный принцип представления результатов ОРД. Так, в ряде случаев суды признавали допустимой практику прямого представления результатов ОРД в различных сферах осуществления публично-правовых отношений:

- в качестве повода для возбуждения дел об административных правонарушениях и в рамках доказывания по ним¹⁶. Распространение подобной практики приводит к тому, что алгоритмы реализации результатов ОРД в административно-юрисдикционном производстве без достаточных правовых оснований появляются в науке¹⁷ и разъяснениях органов власти¹⁸;
- с целью применения к иностранным гражданам и лицам без гражданства мер административно-правового принуждения¹⁹;
- для обеспечения реализации полномочий ФАС России²⁰.

О наличии расширительного подхода к направлениям представления результатов ОРД,

не учитывающего положения ст. 5 ФЗ об ОРД, свидетельствуют и результаты проведенного в 2021 г. анкетирования.

Так, на вопрос «Допустимо ли введение дополнительных направлений использования результатов ОРД, не связанных с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений?» в перечне вариантов ответа был предложен следующий: «Статья 11 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности” и так предусматривает только примерные направления использования результатов ОРД, не ограничивая правоприменителя в их использовании по другим направлениям».

Среди респондентов данный вариант выбрали:

- 1) 26 % судей краевых, областных судов и суда автономной области²¹;
- 2) 15,6 % судей районных и городских судов²²;
- 3) 22,6 % сотрудников прокуратуры²³;
- 4) 19,3 % сотрудников оперативных подразделений МВД России²⁴.

¹⁶ Мотрович И. Д., Семенчук В. В., Кулеш Е. А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в административно-юрисдикционном производстве // Административное право и процесс. 2018. № 11. С. 48–55.

¹⁷ Применение результатов оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел при производстве по делам об административных и налоговых правонарушениях: аналитический обзор с предложениями / А. М. Субботин, П. В. Ремизов, Н. М. Макарейко, А. В. Красненкова. Н. Новгород, 2021. 33 с.

¹⁸ Письмо Генпрокуратуры России от 16.02.2015 № 86-242-2014/Нд4167-15 «Об организации взаимодействия контрольно-надзорных органов, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и органов следствия с органами прокуратуры при выявлении признаков правонарушений, предусмотренных статьей 19.28 КоАП РФ, и при расследовании дел об административных правонарушениях указанной категории» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ См., например: кассационное определение второго кассационного суда общей юрисдикции от 26.01.2022 № 88а-1984/2022 ; кассационное определение четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30.07.2020 № 88а-18335/2020 ; кассационное определение третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25.03.2020 № 88а-4355/2020 (доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

²⁰ Семенчук В. В. К вопросу о необходимости включения Федеральной антимонопольной службы России в перечень получателей результатов оперативно-розыскной деятельности // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения : материалы междунар. науч.-практ. конференции, 8 апреля 2022 г. / сост. Н. В. Мячин. СПб. : С.-Петербургский ун-т МВД России, 2022. С. 213–217.

²¹ Проведено анкетирование 77 судей Алтайского, Приморского и Хабаровского краевых судов, Амурского и Сахалинского областных судов, суда Еврейской автономной области.

²² Проведено анкетирование 45 судей Железнодорожного, Ленинского и Октябрьского районного судов г. Барнаула, Фрунзенского районного суда г. Владивостока, Индустриального и Центрального районного судов г. Хабаровска, Южно-Сахалинского городского суда.

²³ Проведено анкетирование 155 сотрудников Дальневосточной транспортной прокуратуры, прокуратуры Алтайского, Камчатского, Приморского и Хабаровского краев, прокуратуры Амурской области.

²⁴ Проведено анкетирование 465 сотрудников оперативных подразделений МВД России (Управление на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу, территориальные ОВД Респуб-

В целом сто́ит подчеркнуть, что, хотя направления использования результатов ОРД не стоят на месте, их расширение должно осуществляться только с учетом законодательной регламентации.

Безусловно, исторически использование результатов ОРД было нацелено на информационное обеспечение уголовного судопроизводства, что остается приоритетным и сейчас. Однако со временем сфера, охватываемая ОРД, стала выходить за пределы обеспечения уголовного процесса, что видно из несовпадения целей и задач ОРД, оснований проведения ОРМ и направлений использования полученных результатов, с одной стороны, и назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ, — с другой.

Процесс появления новых направлений происходит постепенно, когда потребность в использовании результатов ОРД соотносится с практикой взаимодействия ее субъектов с другими органами власти и управления, заинтересованными в их использовании. Так, практика использования результатов ОРД налоговыми органами получила со временем закрепление на уровне закона.

При этом нельзя забывать о том, что ОРД в первую очередь необходима для противодействия преступности и угрозам безопасности государства. В связи с этим оперативно-розыскное обеспечение выполнения властных полномочий другими субъектами возможно, когда существует высокая вероятность получения интересующей их информации в рамках решения основных задач ОРД, то есть когда возможно формирование «побочного» информационного продукта, обладающего познавательной ценностью. Повторимся, что игнорирование таких сведений будет снижать значение ОРД в предупреждении преступлений, являться расточительством в части информационного обеспечения реализации иных публично-правовых полномочий. Между тем использование такой информации вне правового поля создает риск произвола в правоприменении, а также признания ее недопустимым доказательством.

Возникает вопрос: каким образом осуществить правовую регламентацию использования результатов ОРД по новым направлениям, не связанным с уголовным судопроизводством?

Работа может быть проведена в двух вариантах: путем установления общей возможности представления результатов ОРД органам власти для реализации их полномочий либо путем включения в ФЗ об ОРД конкретных получателей и направлений, по которым результаты ОРД могут быть использованы. С позиции юридической техники первый вариант выглядит предпочтительным, т.к. позволит установить общую норму, исключив тем самым необходимость излишней детализации в законе. Однако такой подход имеет отрицательное свойство, связанное с тем, что ОРД становится вовлечена в неопределенный круг общественных отношений, даже в связи с выявлением самых незначительных правонарушений. В свою очередь, избыточность в распространении информации может привести к угрозе раскрытия сил и средств ОРД.

Безусловно, оперативные сотрудники, понимая соответствующий риск, будут стремиться рационально использовать имеющуюся информацию. Вместе с тем не исключено внешнее информационное воздействие на систему ОРД, например, путем направления запросов о предоставлении информации со стороны разных органов власти либо попыток втягивания в судебные тяжбы в качестве третьей стороны, обладающей необходимой информацией. Такое воздействие отвлекло бы оперативных сотрудников от выполнения основных обязанностей.

Считаем целесообразным при расширении направлений использования результатов ОРД дополнять ст. 11 ФЗ об ОРД положениями, включающими получателя результатов ОРД, цель их использования и порядок представления. В дальнейшем отдельные вопросы представления результатов ОРД могут быть урегулированы на уровне межведомственных нормативных актов органов, осуществляющих ОРД, и органов, которым представляются ее результаты.

Подобным образом был реализован вопрос о регламентации представления результатов ОРД налоговым органам. Существуют примеры и в других отраслях права, например в ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»²⁵ — в

лик Бурятия, Саха (Якутия), Алтайского, Камчатского, Красноярского и Хабаровского краев, Иркутской, Магаданской и Сахалинской областей, оперативные сотрудники из числа слушателей, проходивших обучение по программам повышения квалификации в ДВЮИ МВД России).

²⁵ Ведомости СНД РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.

части определения получателей и порядка получения сведений, составляющих банковскую тайну.

На примере использования результатов ОРД в административно-юрисдикционном производстве правовая регламентация может выглядеть следующим образом:

1. Законодательная регламентация возможности представления результатов ОРД с целью решения вопроса о возбуждении дел об административном правонарушении и доказывании по ним.

2. Установление критериев допустимости представления результатов ОРД.

Считаем, что перечень составов административных правонарушений, по которым возможно использование результатов ОРД, должен быть ограничен смежными с преступлениями. Такой подход позволит использовать информацию, полученную в рамках документирования противоправной деятельности, при установлении административного правонарушения, а не преступления. Одновременно с этим будет исключено избыточное вмешательство в общественные отношения в случае обнаружения любого, даже самого незначительного, правонарушения.

В связи с этим интересна категоризация административных правонарушений, предложенная авторами Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях²⁶. Так, предлагается выделить в отдельную категорию «грубые административные правонарушения», которые «представляют повышенную общественную вредность» и по которым административные наказания вправе назначать только суд.

В статье 2.2 проекта КоАП РФ²⁷ содержится закрытый перечень грубых административных правонарушений. Однако хотя все указанные правонарушения могут быть выявлены в рамках ОРД, не все из них связаны с преступной деятельностью.

С учетом данной концепции целесообразно признать допустимым использование результатов ОРД только для противодействия тем грубым административным правонарушениям, совершение которых связано с преступной деятельностью. К числу таковых можно отнести, например, правонарушения в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ,

инструментов и оборудования для их изготовления, а также их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, наркосодержащих растений и их частей либо иных одурманивающих веществ; правонарушения в сфере оборота оружия; административные правонарушения, совершенные юридическими лицами, выражающиеся в действиях (бездействии), за которые физические лица подлежат уголовной ответственности.

С учетом сказанного предлагаем дополнить ст. 11 ФЗ об ОРД нормами следующего содержания:

«Результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить поводом для возбуждения дел об административных правонарушениях, использоваться в доказывании по делам об административных правонарушениях в соответствии с положениями административного законодательства Российской Федерации, когда причастность лица к совершению преступления не была установлена, но в его действиях имеются признаки грубого административного правонарушения.

Результаты оперативно-розыскной деятельности представляются органу административно-юрисдикционного производства на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами».

Принятие данных норм может послужить основанием для более детальной регламентации порядка представления результатов ОРД для противодействия административным правонарушениям на уровне межведомственного нормативного акта органов власти, уполномоченных в сфере ОРД. По аналогии с Инструкцией в данном акте должны быть урегулированы вопросы, касающиеся порядка рассекречивания и непосредственного представления результатов ОРД.

В целом регламентация новых направлений использования результатов ОРД позволит:

1) расширить информационные ресурсы органов власти.

При этом процесс расширения сферы допустимости представления результатов ОРД не должен являться самоцелью. В качестве факторов, детерминирующих появление новых направлений, можно привести следующие:

²⁶ СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ URL: <https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=99059> (дата обращения: 15.09.2022).

- использование результатов ОРД не должно представлять угрозу безопасности системы ОРД;
- существует высокая вероятность получения информации в ходе решения основных задач ОРД и социальная потребность в ее использовании;
- возможность представления результатов ОРД должна быть закреплена в законе;
- представление результатов ОРД определяется необходимостью защиты наиболее важных общественных благ.

Введение каждого нового направления требует отдельного научно-практического обсуждения;

- 2) упорядочить процесс представления результатов ОРД, исключив возможность произвольных действий, тем самым обеспечив защиту интересов физических и юридических лиц.

Гарантией защиты прав человека должен стать запрет на представление результатов ОРД с нарушением направлений и порядка, предусмотренного ФЗ об ОРД. Как видно из результатов анкетирования и материалов судебной практики, положения п. 3 ч. 8 ст. 5 ФЗ об ОРД не всегда учитываются правоприменителем. С учетом изложенного считаем целесообразным дополнить ст. 11 ФЗ об ОРД следующей нормой:

«Запрещается представление результатов ОРД с нарушением порядка и направлений, предусмотренных настоящим федеральным законом».

Отметим, что в некоторых случаях отсутствие возможности представления результатов ОРД влечет негативные последствия и для лиц, в отношении которых была использована содержащаяся в них информация. Так, существует практика использования оперативно-розыскной информации для применения к иностранным гражданам и лицам без гражданства мер административно-правового принуждения (например, аннулирование разрешения на временное пребывание или вида на жительство). В качестве основания для принятия такого рода решений могут быть использованы не сами результаты ОРД, а содержащаяся в них информация, имеющая обобщенный характер

(например, заключения или информационные письма органов ФСБ России). Признавая такого рода документы в качестве достаточного доказательства, суды уходят от рассмотрения фактических данных²⁸, являющихся основанием для их вынесения (направления), мотивируя это, например, тем, что представление результатов ОРД возможно только в соответствии с положениями ст. 11, 12 ФЗ об ОРД, т.е. не в рамках рассмотрения дела в порядке КАС РФ²⁹.

Далее рассмотрим иные проблемные вопросы реализации условий представления результатов ОРД, составляющих предлагаемую нами концепцию допустимости.

А. Принуждение к представлению результатов ОРД как нарушение установленного порядка.

Порядок представления результатов ОРД в числе прочих действий предполагает вынесение постановления руководителем органа, осуществляющего ОРД. Являясь актом применения права, постановление санкционирует выход результатов ОРД из системы их производства и их переход в уголовное судопроизводство либо иную процессуальную сферу использования.

Помимо инициативного порядка представления результатов ОРД (при наличии в них достаточных данных, указывающих на признаки преступления), Инструкция также определяет возможность их представления как реакцию на внешние информационные поводы (поручение дознавателя, органа дознания, следователя, судебное решение о проведении ОРМ по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлениях, находящимся в их производстве; требование суда о предоставлении информации в соответствии с ч. 4 ст. 5 ФЗ об ОРД, а также по уголовным делам, находящимся в его производстве, и в рамках рассмотрения исков, инициированных в соответствии со ст. 8.1 ФЗ об ОРД). Однако и в этих случаях содержание передаваемой информации определяется руководителем, уполномоченным в сфере ОРД, с учетом необходимости соблюдения запретов и ограничений на представление информации.

В свою очередь, ФЗ об ОРД и Инструкция не предполагают возможности осуществления властными субъектами уголовного судопроиз-

²⁸ Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 29.06.2021 № 66а-728/2021 ; апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 14.08.2018 № 33а-11401/2018 (доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

²⁹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

водства (дознанием, органом дознания, следователем, судом) принудительных действий по истребованию результатов ОРД. Такой подход возможен в рамках применения положений уголовно-процессуального законодательства, которое не устанавливает ограничений на получение информации в сфере ОРД (в том числе путем проведения следственных действий с использованием элемента принуждения). Хотя такие механизмы не получили широкого распространения в правоприменительной практике, учеными уже отмечались попытки истребования сведений о лицах, оказывающих конфиденциальное содействие³⁰.

В связи с этим выглядит нелогичным и не отвечающим положениям оперативно-розыскного законодательства то, что алгоритмы принуждения к предоставлению результатов ОРД формировались в ведомственных нормативных правовых актах и информационных материалах Генпрокуратуры России — органа, которого в настоящее время нет в числе субъектов — получателей результатов ОРД. Так, в приказе Генпрокуратуры России от 15.02.2011 № 33³¹ (утратившем силу в 2022 г.) была предусмотрена возможность вынесения постановлений в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ о направлении результатов ОРД, полученных поднадзорным органом, в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании или использования результатов ОРД в качестве повода или основания для возбуждения уголовного дела. Данная позиция в настоящее время приведена в ряде разъяснений Генпрокуратуры России по частным вопросам. В одном из них было указано на необходимость обращать внимание на несвоевременное представление результатов ОРД следователю и дознавателю³². В другом разъяснении данная позиция была распространена

на принуждение к использованию результатов ОРД в рамках административно-юрисдикционного производства³³.

Результаты анкетирования указывают на то, что сотрудники прокуратуры преимущественно согласны с таким подходом. На вопрос «По чьей инициативе может быть принято решение о представлении результатов ОРД?»³⁴ ответ «Прокурора, который может принять решение о направлении результатов ОРД, исходя из положений ст. 37 УПК РФ и приказа Генпрокуратуры России от 15.02.2011 № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности»» выбрали 61,9 % респондентов.

Считаем, что принудительный порядок представления результатов ОРД в уголовном процессе недопустим по ряду причин:

- ФЗ об ОРД, являясь специальным законом по отношению к УПК РФ, предусматривает особый порядок представления результатов ОРД (на основании постановления руководителя субъекта ОРД) в соответствии с ведомственными нормативными актами;
- согласно п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ право прокурора выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства может быть реализовано на стадии досудебного производства по уголовному делу и не имеет отношения к осуществлению ОРД до возбуждения уголовного дела;
- принятие решения о принудительном представлении результатов ОРД будет прямым вмешательством в организацию и тактику ОРД, которые не входят в предмет прокурорского надзора. Сама формулировка

³⁰ Гусев В. А., Луговик В. Ф. Теория оперативно-розыскных процедур : монография. М., 2019. С. 169–170.

³¹ Приказ Генпрокуратуры России от 15.02.2011 № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³² Указание Генпрокуратуры России от 21.09.2018 № 602/27 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов при выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³³ Письмо Генпрокуратуры России от 16.02.2015 № 86-242-2014/Нд4167-15 «Об организации взаимодействия контрольно-надзорных органов, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и органов следствия с органами прокуратуры при выявлении признаков правонарушений, предусмотренных статьей 19.28 КоАП РФ, и при расследовании дел об административных правонарушениях указанной категории» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³⁴ На вопрос было предложено дать несколько вариантов ответа.

«достаточность собранных материалов» носит оценочный характер, а откладывание представления результатов ОРД может быть связано с длительностью разработки, необходимостью установления дополнительных сведений, обеспечения конспирации и т.д. Принятие подобных решений прокуратурой может повлиять на ход документирования противоправного деяния и нарушить принцип конспирации;

- остается неясной процедура реализации данного «правомочия». Например, каким образом результаты ОРД будут изыматься из оперативного подразделения после вынесения постановления прокурором, кем будет выноситься постановление об их рассекречивании?

На наш взгляд, предложенная выше норма о недопустимости использования результатов ОРД, представленных с нарушением установленного законом порядка, стала бы гарантией против такого рода принудительных механизмов.

Мы не исключаем, что в рамках надзора за ОРД возможно обнаружение случаев необоснованного затягивания сроков оперативных проверок (разработок) либо необоснованного прекращения дел оперативного учета при наличии достаточных данных для возбуждения уголовного дела. Но в подобных случаях необходимо применять меры реагирования для побуждения субъекта ОРД к реализации результатов ОРД, в том числе через подключение механизма ведомственного контроля, а не принимать решение за него.

Б. Неопределенность в вопросе рассекречивания постановлений суда о проведении ОРМ.

Процесс рассекречивания результатов ОРД является элементом процедуры представления. Данная процедура раскрыта в Инструкции, но только в части результатов ОРД, а не документов, на основании которых они проводились.

В правоприменительной практике единства по вопросу о порядке рассекречивания судебных постановлений также нет. Предста-

вителями Бирского районного суда Республики Башкортостан отмечалась неопределенность при решении вопроса о том, кто должен рассекречивать судебные решения о проведении ОРМ. Было указано, что, так как субъект ОРД не вправе самостоятельно решить вопрос о рассекречивании документа, автором которого он не является, подобное право принадлежит суду (судья выносит мотивированное постановление о рассекречивании соответствующего постановления суда)³⁵.

По мнению судебного органа, не противоречат действующему законодательству и такие варианты решения вопроса о рассекречивании документа:

- 1) указание в резолютивной части постановления суда решения о том, что в случае изменения объективных обстоятельств, вследствие которых дальнейшая защита сведений, составляющих государственную тайну, станет нецелесообразной, то есть в случае принятия решения о рассекречивании факта проведения и результатов ОРМ, постановление суда будет рассекречено (автоматически);
- 2) делегирование руководителю субъекта ОРД в резолютивной части постановления полномочия по рассекречиванию постановления суда в случае принятия решения о рассекречивании факта проведения ОРМ.

Иного подхода придерживаются в Сладковском районном суде Тюменской области: решение о рассекречивании постановления о проведении ОРМ должно оформляться отдельным постановлением суда о рассекречивании носителя сведений, составляющих государственную тайну. Порядок вынесения такого постановления при этом будет таким же, как и при вынесении постановления о разрешении проведения ОРМ, то есть необходимо обращение с ходатайством к суду. При этом субъект ОРД должен обосновать наличие обстоятельств, вследствие которых дальнейшая защита сведений, составляющих государственную тайну, содержащихся в постановлении суда, будет нецелесообразной³⁶.

³⁵ Справка по результатам изучения судебной практики о рассмотрении Бирским районным судом Республики Башкортостан материалов о проведении оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина // URL: http://birsky.bkr.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=145 (дата обращения: 10.09.2022).

³⁶ Программа изучения судебной практики о рассмотрении судами материалов о проведении оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина Сладковского районного суда Тюменской области // URL: http://sladkovsky.tum.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=224 (дата обращения: 10.09.2022).

В ходе анкетирования на вопрос «Кто должен обладать правом рассекречивания судебных решений о проведении ОРМ?»³⁷ были получены следующие ответы:

1. Только суд по ходатайству руководителя субъекта ОРД — 23,4 % опрошенных судей краевых и областных судов, 28,9 % судей районных и городских судов и 32,8 % оперуполномоченных ОВД.

2. Руководитель субъекта ОРД при рассекречивании результатов ОРМ — 50,6 % опрошенных судей краевых и областных судов, 48,9 % судей районных и городских судов и 40,3 % оперуполномоченных ОВД.

3. В процессе санкционирования ОРМ судья может делегировать подобное право руководителю субъекта ОРД — 31,2 % опрошенных судей краевых и областных судов, 20 % судей районных и городских судов и 24,4 % оперуполномоченных ОВД.

Как видно, превалирует мнение о необходимости наделения соответствующими полномочиями руководителя органа, осуществляющего ОРД. Это логично, т.к. если субъекту ОРД дано право рассекречивать результаты проведенных ОРМ, то должно быть дано право рассекречива-

ния и санкции на их проведение. Считаем, что подобный вопрос должен быть урегулирован в ФЗ об ОРД путем дополнения ч. 4 ст. 11 следующей нормой:

«Руководитель органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, при наличии оснований, предусмотренных статьей 13 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 “О государственной тайне”, осуществляет рассекречивание сведений, составляющих государственную тайну, содержащихся в представляемых результатах оперативно-розыскной деятельности, и их носителей. В случае рассекречивания результатов оперативно-розыскных мероприятий, проведенных на основании судебного решения, руководитель органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, имеет право принять решение о его рассекречивании».

В заключение отметим, что предложенная концепция допустимости представления результатов ОРД может служить ориентиром для последующих изменений в законодательстве. В свою очередь, реализация предложенных авторами изменений позволит упорядочить отношения в сфере представления результатов ОРД.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации : постатейный. — 11-е изд., перераб. и доп. — М., 2012.
2. Бобров В. Г. О некоторых вопросах законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности // Полицейское право. — 2005. — № 2. — С. 75–83.
3. Гусев В. А., Луговик В. Ф. Теория оперативно-розыскных процедур : монография. — М., 2019. — 336 с.
4. Козловский А. Ю. Возможные направления осуществления оперативно-розыскной деятельности по обеспечению экономической безопасности России в сфере таможенного дела // Вестник Российской таможенной академии. — 2012. — № 1. — С. 46–53.
5. Ларичев В. Д., Кулешова А. В. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в системе мер предупреждения преступлений // Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности». — Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2020. — С. 132–139.
6. Мотрович И. Д., Семенчук В. В., Кулеш Е. А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в административно-юрисдикционном производстве // Административное право и процесс. — 2018. — № 11. — С. 48–55.
7. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации : постатейный / отв. ред. В. М. Лебедев ; рук. авт. кол. В. А. Давыдов. — М., 2014.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., доп. — М., 2006. — 944 с.
9. Применение результатов оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел при производстве по делам об административных и налоговых правонарушениях :

³⁷ На вопрос было предложено дать несколько вариантов ответа.

- аналитический обзор с предложениями / А. М. Субботин, П. В. Ремизов, Н. М. Макарейко, А. В. Красненкова. — Н. Новгород, 2021. — 33 с.
10. Семенчук В. В. К вопросу о необходимости включения Федеральной антимонопольной службы России в перечень получателей результатов оперативно-розыскной деятельности // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения : материалы международной научно-практической конференции, 8 апреля 2022 г. / сост. Н. В. Мячин. — СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. — С. 213–217.
 11. Сергеева Ю. В. К вопросу о совершенствовании правовой регламентации задач оперативно-розыскной деятельности // Труды Академии управления МВД России. — 2021. — № 3 (59). — С. 181–186.

Материал поступил в редакцию 19 сентября 2022 г.

REFERENCES

1. Bezlepkin BT. Kommentariy k Ugolovno-protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: postateynnyy [Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: article by article]. 11th ed. Moscow; 2012. (In Russ.).
2. Bobrov VG. O nekotorykh voprosakh zakonodatel'nogo regulirovaniya operativno-rozysknoy deyatel'nosti [On some issues of legislative regulation of operational investigative activities]. *Politseyskoe pravo*. 2005;2:75-83. (In Russ.).
3. Gusev VA, Lugovik VF. Teoriya operativno-rozysknykh protsedur: monografiya [Theory of operational search procedures: monograph]. Moscow; 2019. (In Russ.).
4. Kozlovskiy AYu. Vozmozhnye napravleniya osushchestvleniya operativno-rozysknoy deyatel'nosti po obespecheniyu ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii v sfere tamozhennogo dela [Possible directions implementation search and detective work for securing safety of economic of russia into field of customs business]. *Russian Customs Academy: Science*. 2012;1:46-53. (In Russ.).
5. Larichev VD, Kuleshova AV. Federalnyy zakon «Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti» v sisteme mer preduprezhdeniya prestupleniy [Federal Law «On Operational Investigative Activities» in the system of crime prevention measures]. Proceedings of 8th All-Russian scientific and practical conference «Actual problems of theory and practice of operational investigative activity». Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2020. (In Russ.).
6. Motrovich ID, Semenchuk VV, Kulesh EA. Ispolzovanie rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti v administrativno-yurisdiktsionnom proizvodstve [The use of results of operational search activities in the administrative jurisdiction procedure]. *Administrative Law and Process*. 2018;11:48-55. (In Russ.).
7. Lebedev VM (ed.). Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Ugolovno-protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: postateynnyy [Scientific and practical commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow; 2014. (In Russ.).
8. Ozhegov SI, Shvedova NYu. Tolkovyy slovar russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. 4th ed. Moscow; 2006. (In Russ.).
9. Subbotin AM, Remizov PV, Makareiko NM, Krasnenkova AV. Primenenie rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti operativnykh podrazdeleniy organov vnutrennikh del pri proizvodstve po delam ob administrativnykh i nalogovykh pravonarusheniyakh: analiticheskiy obzor [Application of the results of operational investigative activities of operational units of internal affairs bodies in the proceedings on cases of administrative and tax offenses: an analytical review with proposals]. N. Novgorod; 2021. (In Russ.).
10. Semenchuk VV. K voprosu o neobkhodimosti vklyucheniya Federalnoy antimonopol'noy sluzhby Rossii v perechen poluchateley rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti [On the issue of the need to include the Federal Antimonopoly Service of Russia in the list of recipients of the results of operational investigative Activities]. In: Economic security of the individual, society, state: problems and ways of ensuring: proceedings of the international scientific and practical conference. April 8, 2022. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2022. (In Russ.).
11. Sergeeva YuV. K voprosu o sovershenstvovanii pravovoy reglamentatsii zadach operativno-rozysknoy deyatel'nosti [On the issue of improving the legal regulation of the operational investigative activities tasks]. *Proceedings of the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;3(59):181-186. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.077-095

И. В. Галкин*

Ius gentium и ius naturale в западноевропейской политико-правовой мысли XVII столетия

Аннотация. Статья посвящена проблеме соотношения правовых категорий *ius gentium* и *ius naturale* в контексте политико-правовой мысли Западной Европы XVII в. Богатое историческими событиями XVII столетие, известное в отечественной историографии как «бунташный век», становится переломным моментом не только в истории всей европейской цивилизации, но и в истории философской мысли и политической науки, на пересечении которых складывались учения о государстве и праве. XVII век — время системного кризиса феодальной социально-экономической формации и крепко связанной с ним традиционной религиозной идеологии — дает импульс к развитию капиталистических экономических отношений в Западной Европе, что сопровождалось резким ростом новизны в сфере философской и политической мысли. В XVII в. видными европейскими политическими мыслителями довольно много внимания уделялось теоретическому освещению проблем естественного состояния, общественного договора, а также анализу категорий свободы и справедливости. Происходил постепенный отход от методологии перипатетизма, сопровождавшийся пересмотром интеллектуального наследия античной политико-правовой мысли, хотя в то же время европейские политические мыслители и правоведы продолжали широко использовать терминологию классического римского права, но уже в модифицированном смысловом поле. Одной из важнейших сфер приложения античного правового наследия становится область международных отношений, тесно связанная с дальнейшей интенсификацией международной коммерции, религиозной реформации, а также правовым механизмом объявления войны и заключения мира. В регулировании международных отношений активно применялись те известные с Античности, но сильно трансформировавшиеся к Новому времени правовые системы, которые по давно сложившейся традиции именовались *ius gentium* и *ius naturale*. Таким образом, статья освещает довольно неоднозначную проблему соотношения *ius gentium* и *ius naturale* в западноевропейской политико-правовой мысли XVII столетия.

Ключевые слова: XVII век; государство; естественное состояние; мораль; общественный договор; раннее Новое время; римское право; справедливость; суверенитет; *ius gentium*; *ius naturale*; *salus populi*.

Для цитирования: Галкин И. В. *Ius gentium* и *ius naturale* в западноевропейской политико-правовой мысли XVII столетия // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 12. — С. 77–95. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.077-095.

© Галкин И. В., 2022

* Галкин Иван Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
galckynvanya@rambler.ru

Ius Gentium and *Ius Naturale* in Western European Political and Legal Thought in the 17th Century

Ivan V. Galkin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
galckynvanya@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to the problem of the correlation of the legal categories *ius gentium* and *ius naturale* in the context of the political and the Western European legal thought in the 17th century. The 17th century, rich in historical events, known in the Russian historiography as the «rebellious age», becomes a turning point not only in the history of the entire European civilization, but also in the history of philosophical thought and political science, at the intersection of which the teachings of the state and law were formed. The 17th century — the time of the systemic crisis of the feudal socio-economic formation and the traditional religious ideology strongly associated with it — gives impetus to the development of capitalist economic relations in Western Europe, which was accompanied by a sharp increase in novelty in the field of philosophical and political thought. In the 17th century, prominent European political thinkers paid quite a lot of attention to the theoretical coverage of the problems of the natural state, the social contract, as well as the analysis of the categories of freedom and justice. There was a gradual departure from the methodology of peripatetism, accompanied by a revision of the intellectual heritage of ancient political and legal thought, although at the same time European political thinkers and jurists continued to widely use the terminology of classical Roman law, but in a modified semantic field. One of the most important areas of application of the ancient legal heritage is the field of international relations, closely related to the further intensification of international commerce, religious reformation, as well as the legal mechanism for declaring war and concluding peace. In the regulation of international relations, they actively used legal systems, well known from Antiquity, but greatly transformed by Modern times, and which, according to a long-established tradition, were called *ius gentium* and *ius naturale*. Thus, the paper highlights a rather ambiguous problem of the correlation of *ius gentium* and *ius naturale* in Western European political and legal thought in the 17th century.

Keywords: 17th century; state; natural state; morality; social contract; early Modern times; Roman law; justice; sovereignty; *ius gentium*; *ius naturale*; *salus populi*.

Cite as: Galkin IV. *Ius gentium i ius naturale v zapadnoevropeyskoy politiko-pravovoy mysli XVII stoletiya* [*Ius Gentium and Ius Naturale in Western European Political and Legal Thought in the 17th Century*]. *Lex russica*. 2022;75(12):77-95. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.077-095. (In Russ., abstract in Eng.).

Общие замечания

Три основополагающих подхода к международному правопорядку и правовому регулированию за пределами отдельного государства были выработаны и сформулированы в Западной Европе в отрезок времени приблизительно с начала и до второй половины XVII столетия — примерно в тот же исторический период, когда закладывались основы «современной» теории государства и права — Гуго Гроцием, Томасом Гоббсом и Самуилом Пуфендорфом. И Гроций, и Гоббс, и Пуфендорф, хотя и каждый по-своему, были озабочены следующим вопросом: каким образом могут правовые либо моральные нормы регулировать отношения между различными государствами в их всегда таких неустойчивых

и постоянно изменяющихся формах и границах? Мыслители разнились в своих взглядах на соблюдение обязательств в естественном состоянии (когда *ex hypothesi* государства не существовало в принципе) именно в той мере, в которой они рассматривали суверенные государства в качестве аналога автономных индивидов, находящихся в естественном состоянии, а также по тем последствиям для *salus populi*¹, которые они приписывали торговле, коммерции или бизнесу как движущей силе коммуникации людей и формирования социальных норм общения, непосредственно не зависящих от всестороннего воздействия государства.

Различия, гипотетически постулируемые в естественном состоянии, а также в проистекающих из «естественных» условий особенностях

¹ Благо народа (лат.).

ius naturale, находятся в основе тех различий, которые совсем нетрудно обнаружить и в подходах Г. Гроция, Т. Гоббса и С. Пуфендорфа к проблеме *ius gentium*. Принципиальный момент заключается здесь в том, что различия во взглядах на эти проблемы между рассматриваемыми мыслителями несколько не утратили актуальности и имеют совершенно непреходящее значение. Для того чтобы поместить наших персонажей в ту среду, которую мы предположительно считаем источником их идейного контекста, а именно в берущую начало еще в Античности линию идей о праве, законе, порядке и справедливости за пределами отдельного государства, мы кратко затрагиваем известные диспуты древнегреческого философа-скептика Карнеада и приводим некоторые аргументы в пользу важности античных политических идей и наследия римского права в трудах тех выдающихся авторов предыдущего, XVI столетия — Ф. де Витории, Ф. Васкеса, Д. де Сото, А. Джентили и ряда других, работы которых серьезно повлияли на их последователей, творивших на протяжении XVII в.

Кроме того, любое исследование на подобную тему вступает в конфронтацию с фундаментальным методологическим вопросом: должны ли современные представления о международной политике и международном праве формироваться посредством постижения их истории? Многие ученые, вовлеченные в напряженные дебаты по истории политической мысли и касающиеся вопросов, выходящих за рамки проблем политики и государства и связанных с историографией ранней современной европейской мысли, привносят в эти дискуссии немало интересов и проблем, свойственных тому миру современности, в котором мы все сегодня живем. В то же время ряд ведущих историков политической мысли (особенно

принадлежащих к авторитетной Кембриджской школе), которые участвовали в разработке оригинальных и аргументированных интерпретаций работ авторов раннего Нового времени или занимались международно-правовой наукой, уделяют серьезное внимание изучению указанных авторов строго в их собственном контексте, ибо совершенно справедливо опасаются любых анахронизмов, неизбежно возникающих при попытке «заставить» классиков заговорить с нами на «языке современности». Благодаря соблюдению методологической строгости, некоторые из наиболее значительных современных интерпретаций международной политической и правовой мысли раннего Нового времени (ряд которых и представлен в нашей статье исследователями, связанными с Кембриджской школой) могут многое предложить тем, кто интересуется актуальными проблемами теории международного права.

§ 1. Категории *ius gentium* и *ius naturale* в истории политической мысли

Ius gentium и *ius naturale* по очень давней, произрастающей на благодатной почве Античности традиции выступают двумя равновеликими элементами (либо, скорее, целыми подсистемами) общей системы римского права. Между данными элементами очевидно существует определенная взаимосвязь и может быть выявлено даже сродство как в генетическом, так и в экзистенциальном аспекте. Тем не менее в экзистенциальном аспекте между данными элементами наличествует объективное различие. *Ius gentium*² является, по существу, чисто нормативным регулятором, находящим свою объективацию в нормах позитивного права, в то время как *ius naturale*³ относится к ненорма-

² *Ius gentium* — всеобщее право или право народов. Основная задача *ius gentium* — защита интересов римлян в юридических связях с чужестранцами-паломниками. *Ius gentium* — право, которое установил естественный разум (*ratio naturalis*) среди всех людей, соблюдается одинаково у всех народов (Gai. 1.1).

³ *Ius naturale* — естественное право. Римский юрист Павел сближает *ius naturale* и *ius aequum* между собой: «Естественное право — то, что всегда благо и справедливо (*bonum et aequum*)» (Paul. D. 1.1.11). Классическое и, пожалуй, исчерпывающее определение естественного права сформулировал выдающийся римский юрист Ульпиан (Ulp. D. 1.1.1.3): *ius naturale est, quod natura omnia animalia docuit: nam ius istud non humani generis proprium, sed omnium animalium, quae in terra, quae in mari nascuntur, auium quoque commune est. hinc descendit maris atque feminae coniunctio, quam nos matrimonium appellamus, hinc liberorum procreatio, hinc educatio: uidemus etenim cetera quoque animalia, feras etiam istius iuris peritiam censerem (Естественное право — это то, которому природа научила все живое: ибо это право присуще не только человеческому роду, но и всем животным, которые рождаются на земле и в море, и птицам; сюда относится сочетание мужчины и женщины, которое мы называем браком,*

тивным положениям-принципам, выступая как универсальный регулятив высшего порядка по отношению к такому типическому нормативному регулятору, к каковому мы вполне можем отнести систему *ius gentium*. Отметим, что еще в эпоху Античности оба элемента претерпевали серьезные модификации в своем содержании. *Ius gentium* из «внутреннего» римского регулятора быта, политического общения, войны и коммерции с перепегринами, а также под влиянием успешного греческого правового и коммерческого опыта (*Νόμος Ροδίων ναυτικός*) превращается ближе к раннему имперскому времени в античный аналог современного международного права. *Ius naturale* также подвергалось глубоким содержательным изменениям: от естественного (природного) регулятива греческих софистов и Аристотеля через этическую вариативность Эпикура к рационалистическому юснатурализму Цицерона, явно предварявшему будущие теоретические подходы юридической науки Нового времени.

Если обратиться к древнеримским правовым источникам, то становится очевидным, что в них *ius gentium* совершенно недвусмысленно трактуется как *международное право*, а у выдающегося римского юриста начала III в. н. э. Ульпиана мы находим следующее определение: «Право народов — это то, которым пользуются народы

человечества»⁴. Более развернутое определение дается в 1-й книге «Институций» видного римского юриста II в. н. э. Гая⁵, связывавшего возникновение *ius gentium* не с деятельностью римских преторов (*praetor peregrinus*) и даже не с появлением римской *civitas*, но скорее с зарождением человеческого общества, таким образом считая *ius gentium* гораздо более древним институтом, чем само римское государство⁶. Постклассический римский юрист Гермогениан (III в. н. э.) в 1-й книге «Краткого изложения права» предметно дифференцирует *ius gentium* на отдельные аспекты или правомочия: «Этим правом народов введена война, разделение народов, основание царств, разделение имуществ, установление границ полей, построение зданий, торговля, купли и продажи, наймы, обязательства, за исключением тех, которые введены в силу гражданского права»⁷. Перечисленные в определении Гермогениана правомочия можно было бы сгруппировать в две основные сферы действия *ius gentium*: первая сфера — война, разделение народов, основание царств — несомненно, относится к области *международного публичного права*; вторая сфера — разного рода коммерческие договоры и обязательства — преимущественно относится к тому, что мы сегодня бы назвали *международным частным правом*. Таким об-

сюда же — порождение детей, сюда же — воспитание; мы видим, что животные, даже дикие, обладают знанием этого права).

⁴ D. 1.1.1.4 (Ulp.): *Ius gentium est, quo gentes humanae utuntur.*

⁵ D. 1.1.9: *Gaius libro primo institutionum. Omnes populi, qui legibus et moribus reguntur, partim suo proprio, partim communi omnium hominum iure utuntur. nam quod quisque populus ipse sibi ius constituit, id ipsius proprium ciuitatis est uocaturque ius civile, quasi ius proprium ipsius ciuitatis: quod uero naturalis ratio inter omnes homines constituit, id apud omnes peraeque custoditur uocaturque ius gentium, quasi quo iure omnes gentes utuntur (Все народы, которые управляются на основании законов и обычаев, пользуются частью своим собственным правом, частью правом, общим для всех людей. Ибо то право, которое каждый народ установил для себя, является собственным правом государства и называется гражданским правом, как бы собственным правом самого государства; то же право, которое естественный разум установил между всеми людьми, соблюдается у всех одинаково и называется правом народов, как бы тем правом, которым пользуются все народы).*

⁶ D. 41.1.1pr. (Gai.): *Quarundam rerum dominium nanciscimur iure gentium, quod ratione naturali inter omnes homines peraeque servatur, quarundam iure civili, id est iure proprio ciuitatis nostrae. Et quia antiquius ius gentium cum ipso genere humano proditum est, opus est, ut de hoc prius referendum sit (Собственность на некоторые вещи мы приобретаем по праву народов, которое соблюдается в силу естественной целесообразности совершенно одинаково среди всех людей, а на некоторые — по гражданскому праву, то есть собственному праву нашего государства. И так как право народов более древнее право, поскольку оно появилось одновременно с самим человеческим родом, то необходимо прежде всего рассказать о нем).*

⁷ D. 1.1.5: *Hermogenianus libro primo iuris epitomarum. Ex hoc iure gentium introducta bella, discretiae gentes, regna condita, dominia distincta, agris termini positi, aedificia collocata, commercium, emptiones uenditiones, locationes conductiones, obligationes institutae: exceptis quibusdam quae iure ciuili introductae sunt.*

разом, как античные философы, древние историки или классические римские юристы, так и позднеантичные или раннесредневековые авторы видели в *ius gentium* прежде всего то, что сегодня принято называть международным правом (публичным либо частным) и, поскольку оно считалось в большинстве случаев неписаным, наиболее соответствует современному понятию «международный обычай»⁸.

Нередко *ius naturale* признается чуть ли не полностью эквивалентным *ius gentium*, а само появление *ius naturale* связывается с необходимостью подведения философской основы под нормативный материал *ius gentium* и объясняется влиянием в II–I вв. до н. э. древнегреческой философии (главным образом философии стоиков). Более того, сама идея *ius naturale* признается зачастую «неудачной», «глупой» и даже просто «абсурдной», и поэтому нередко утверждается, что *ius naturale* «не имеет точного значения и в источниках мы находим его использующимся лишь в утверждениях, которые отвечают только философским спекуляциям»⁹. Мы в целом не придерживаемся столь радикального воззрения на проблему *ius naturale*, однако не можем и пренебречь тем фактом, что многие видные романисты оценивают древнеримское естественное право в первую очередь как этическое учение, а не как право *per se*¹⁰. Тем не менее классические римские юристы довольно четко отмечают различия между *ius naturale* и *ius gentium*, поскольку в брачных отношениях, в продлении рода и воспитании потомства *ius naturale* свойственно всему живому, т.е. не только людям, но и животным, а *ius gentium* свойственно лишь человеческому обществу¹¹. Кроме того, если *ius naturale*, как правило, признает «естественные» свободу и равенство всех людей, то *ius gentium* весьма нередко насаждает рабство и социальное не-

равенство «сословий» свободных, рабов или вольноотпущенников¹².

Все те выдающиеся европейские политические мыслители XVII столетия, на литературное наследие которых мы будем ссылаться в данной статье, в значительной мере опирались на вышеописанную античную (т.е. на классическую эллинско-римскую) традицию, в которой идеи империи и применимости права за пределами территории одного отдельного государства и его граждан стали существенной проблемой в период не позднее V в. до н. э., когда богатый и могущественный полис, или «город-государство», Афины собрал вокруг себя своеобразный политико-коммерческий конгломерат — торговую «квазиимперию» из союзных эллинских полисов с собою во главе. Новый и мощный импульс к развитию античное «международное право» получает в эпоху невероятной по своей дерзости и масштабам завоевательной деятельности Александра Македонского и далее уже в период активной политической экспансии колоссальной Римской империи. Мы находим классическую античную традицию существенной для понимания конкретных теоретических находок и достижений рассматриваемых нами мыслителей XVII в., писавших о проблеме регулирования за пределами одного отдельного государства, и в этом разделе мы попытаемся затронуть основные аспекты указанной традиции.

Вероятно, наиболее значимой в контексте эллинско-римской традиции философской оценкой этических и политических аспектов античного империализма явилась та, что была дана в середине I в. до н. э. выдающимся римским мыслителем, оратором и государственным деятелем *Марком Туллем Цицероном* (106–43 гг. до н. э.). Диалог Цицерона «*О государстве*» (*De re publica*, 51 г. до н. э.) имеет

⁸ См. подробнее: Энциклопедический юридический словарь / под общ. ред. В. Е. Крутских. М., 1999. С. 173–174.

⁹ *Volterra E. Istituzioni di diritto privato romano*. Roma, 1988. P. 38 ss.

¹⁰ См., например: *Pugliese G. Istituzioni di diritto romano*. Torino, 1990. P. 212 ss.

¹¹ D. 1.1.1.4 (Ulp.): *quod a naturali recedere facile intellegere licet, quia illud omnibus animalibus, hoc solis hominibus inter se commune sit* (Можно легко понять его (права народов) отличие от естественного права: последнее является общим для всех животных, а первое — лишь для людей (в их отношениях) между собой).

¹² Таким образом, не сходство некоторых институтов права природы, права народов и гражданского права, но скорее их особенности определяют специфику данных областей права, причем еще Цицерон следующим образом выстраивал их иерархию: верховенство принадлежит праву природы, чуть ниже на иерархической лестнице стоит право народов, а гражданское право находится на еще более низкой ступеньке.

своей главной целью сформировать «идеальные» конституцию и правительство, которые оптимат и республиканец Цицерон во многом отождествлял с конституцией и правительством периода ранней и средней Римской республики. Это был тот наполненный множеством драматических событий период истории Рима, когда римский полис превратился из одной из многих муниципий, составлявших Латинскую лигу, в доминирующую державу в Средиземноморье, распространившую свое влияние далеко за его пределами и осуществлявшую не только прямое правление шестью подвластными провинциями, но и опосредованный контроль над прилегающими территориями посредством активной и многообразной дипломатической деятельности. Теоретически обсудив конституцию лишь с точки зрения критериев простого человеческого благоразумия, таких как стабильность, эффективность и долговечность правления, Цицерон в третьей книге диалога «О государстве» переходит к моральному рассмотрению римского «содружества государств». Цицерон представляет диалог как обмен аргументами по образцу двух известных речей, произнесенных философом-скептиком и членом Академии Карнеадам в Риме в 155 г. до н. э., в которых греческий философ сначала утверждал тезис о важности справедливости для государственной политики, а затем, уже во второй речи, напротив, возражал против ее важности. Два момента особенно важны в переосмыслении Цицероном речей Карнеада. Во-первых, Цицерон перевернул последовательность речей «с ног на голову», начав со скептического вызова справедливости и предоставив защите справедливости последнее слово; и, во-вторых, адаптировав всё то, что ему было известно об аргументах Карнеада, для своего собственного диалога, Цицерон развернул противоречивую дискуссию о важности категории справедливости для политики в *международной сфере*, расширив тем самым политическую теорию за пределы одного римского полиса и сделав приобретение городом Римом обширных территорий будущей великой империи предметом, подходящим для нормативного (в данном случае — морального) рассмотрения.

Таким образом, справедливо будет утверждать, что третья книга «О государстве» Цицерона давала одну из наиболее ранних и наиболее

важных для классической западноевропейской мысли философских трактовок политической справедливости (уже — правосудия), где этические критерии были применены для оценки правления могущественного Рима, распространившего свое влияние далеко за пределы территории старого римского полиса как отдельного города-государства. Однако для обоснования применимости каких-либо конкретных норм к «трансграничным» вопросам, возможно, недостаточно просто сказать, что они являлись нормами владычествующего надо всеми народами ойкумены римского полиса. Такие нормы должны были быть обоснованы критериями полезности и личного интереса, как утверждает Фил (псевдоним Карнеада в диалоге Цицерона), либо критериями справедливости, в значительной степени сформулированными в стоическом понимании *ius naturale* или в римско-правовых принципах *ius gentium*, касающихся ведения справедливой войны (как утверждает Лелий, произносящий речь на стороне справедливости в диалоге «О государстве»). *Ius naturale* служит надежным критерием для оценки справедливости имперского правления и территориальных завоеваний Рима, а его базовые положения, сформулированные Цицероном, носят чисто моральный характер, вытекающий из основных установок стоической этики, а не просто из предписаний для личного самосохранения, всегда апеллирующего к «физическим» интересам человека (как предпочел бы, наверное, сам Карнеад). Положения римского права, касающиеся ведения справедливой войны, воплощают, по мнению того же Лелия (или, вернее, самого Цицерона), универсальные принципы *ius naturale*¹³.

§ 2. Категории *ius gentium* и *ius naturale* в политико-правовой мысли раннего Нового времени

В пылу длившейся на протяжении всего XVI столетия жаркой полемики по поводу справедливости колоссальных завоеваний Испании и построения испанской короной «заморской империи» «карнеадовы диспуты» снова приобретали принципиальное значение. Не только сторонники, но и противники испанских завоеваний и колониального правления использовали в качестве примера Римскую империю и

¹³ См. подробнее: Цицерон. О государстве. Кн. III // Диалоги. М., 1966. С. 54–70.

ее насильственную территориальную экспансию как руководящую аналогию, а несколько двусмысленное повествование *Блаженного Августина* (354–430 гг.) о справедливости политики Римской империи в его знаменитом труде «*О Граде Божьем*» (*De civitate Dei*, 412–426 гг.) послужило основополагающим текстом для обеих дискутирующих сторон. Критики римского или испанского имперского правления, в частности доминиканский богослов *Доминго де Сото* (1495–1560), утверждали, что право римлян на завоеванные ими территории подтверждалось «силой одного лишь оружия», ибо римляне «подчинили себе многие народы, не желавшие этого, только лишь на том основании, что они были более могущественными»¹⁴. Защитники испанского империализма, такие как испанский гуманист *Хуан Гинес де Сепульведа* (1490–1573), в своей аргументации также в значительной степени опирались на интерпретации «карнеадовых диспутов» из диалога «*О государстве*» Цицерона, принадлежавшие Августину и Лактанцию. В раннее Новое время «карнеадовым дебатам» и римской политической и правовой теории в более широком смысле по-прежнему придавалось большое значение, что помогает понять, почему категории *ius naturale* и *ius gentium* были так привлекательны для авторов XVI–XVII вв., защищавших имперскую экспансию на основании справедливой войны, ведшейся в соответствии с общепотребительными установлениями *ius naturale* и принципами *ius gentium*. Такие известные авторы эпохи, как фламандский юрист, правовед и политический деятель *Бальтасар де Айяла* (1548–1584), воспринимали Карнеада как оратора, бросающего вызов справедливости римского империализма и агрессивной войны, а не как академического философа, выражающего моральный скептицизм, и они нередко противопоставляли этому вызову те аргументы, которые были изложены в речи Лелия в диалоге Цицерона «*О государстве*»¹⁵. Протестантские правоведы, такие как А. Джентили и Г. Гроций, были буквально пропитаны всем этим достославным древнеримским прошлым и опирались на него в своих юридических размышлениях о праве и политике за пределами одного отдельного госу-

дарства¹⁶. Фундаментальный вопрос, который к тому времени явно уже назрел как следствие европейской колониальной экспансии, остается актуальным в международно-правовой мысли и по сей день: существуют ли нормативные регуляторы вне границ одного отдельного государства и применимы ли они к нему в принципе? Если подобного рода нормативные регуляторы и существуют, то обладают ли они природой обычного человеческого благоразумия либо они уже возвышаются до уровня моральных или правовых норм?

Для *Альберико Джентили* (1552–1608), выдающегося итало-английского юриста-цивилиста и правоведа, творившего на рубеже XVI–XVII вв., казалось возможным прямо применить правила, почерпнутые из римского нормативного материала «*Институций*» или «*Дигестов*», к отношениям между различными европейскими государствами и к некоторым отношениям за пределами территории тогдашней Европы. Испанские схоласты, начиная с Ф. де Витории или Д. де Сото, уже осуществили нечто подобное (в той мере, в какой они были достаточно сведущи в содержании *Corpus iuris civilis*) и, опираясь на римско-правовые концепции *ius naturale* и *ius gentium*, пытались применить их к внешней политике современной им Испании, таким образом эффективно используя универсальность этих правовых идей против юрисдикционных притязаний старых «универсалистских» держав, римского папы и германского императора. Джентили прямо выдвинул утверждение о том, что римское право имело силу и действовало в сфере внеевропейской политики и между суверенными государствами и империями, на том основании, что «правила Юстиниана», по крайней мере некоторые из них, декларировали общезначимые нормы *ius naturale* и *ius gentium*: «Закон, записанный в этих книгах Юстиниана, не просто является законом одного государства, но в равной мере правом [всех] народов и природы; и с этим последним всё так согласуется, что если бы империя была разрушена, то сам закон, хотя и давно погребенный, все равно возродился бы и распространился среди всех народов человечества. Следовательно, этот закон распростра-

¹⁴ Soto D. *de Relección «De Dominio»* / ed. and trans. by Brufau Prats J. Granada, 1964. P. 150.

¹⁵ См. подробнее: Tuck R. *The Rights of War and Peace: Political Thought and International Order from Grotius to Kant*. Oxford, 1999. P. 5.

¹⁶ Об обращении Гуго Гроция к наследию античной классики см., например: Straumann B. *Hugo Grotius und die Antike*. Baden-Baden, 2007.

няется и на государей, хотя он и был установлен Юстинианом для частных лиц»¹⁷. Это классическое наследие римского права является одним из ключей к пониманию дискуссионного вопроса о том, как разрабатывалась и осмысливалась стержневая теоретическая концепция политической мысли раннего Нового времени — концепция *естественного состояния* человеческого общества. Отчасти то, что отличало самых разных авторов раннего Нового времени друг от друга в отношении их соответствующих теорий *ius naturale* и *ius gentium*, коренилось в различиях во взглядах, которых они придерживались в отношении прав и обязанностей в сфере, являвшейся внешней по отношению к издавна установившейся внутренней политике государств.

Современные исследования международной политической мысли эпохи раннего Нового времени нередко связывают «гуманистические» объяснения международных отношений с энергичными и даже агрессивными стратегиями самосохранения и империалистической экспансии, а «схоластические» объяснения — с более богатым инструментарием этических или правовых ограничений, выходящих за жестко установленные рамки внешнеполитической деятельности отдельных государств. Прежде чем обратиться к рассмотрению данного утверждения, мы отметим, что различие, часто проводимое между философскими традициями схоластики и гуманизма, не является, с нашей точки зрения, принципиальным для дифференциации взглядов писателей XVII в. на международные отношения, транснациональное нормативное регулирование или естественное состояние. В историческом аспекте аристотелевские и томистские концепции справедливости лежат в основе схоластической традиции, идущей от св. Фомы Аквинского до представителей поздней схоластики философской школы Саламанки в Испании, в то время как гуманисты, во многом уже порвавшие со схоластикой, сочетают «свежий взгляд» на естественные права с римской традицией *ragione di stato*¹⁸ и, опираясь на наследие Цицерона и Тацита,

они признавали в значительной степени силу антиреалистических, скептических и субъективистских аргументов в сфере морали. Ричард Так представляет эту гуманистическую традицию как единую линию, ведущую от Альберико Джентили и особенно от Гуго Гроция к ее наиболее радикальному представителю — Томасу Гоббсу. Очевидно, что и гуманистическая, и схоластическая традиции в равной мере важны для содержания доктрин политических мыслителей, хотя, мы полагаем, что те традиции, на которые опирались рассматриваемые авторы, полностью не определяли содержания их взглядов по таким ключевым вопросам, как частный интерес лица либо имперская экспансия.

Например, испанский юрист гуманистического направления *Фернандо Васкес де Менчака* (1512–1569) в своей работе «*Прославленные споры*» (*Controversiae illustres*, 1564), обильно цитировавшей классическую античную литературу и труды по римскому праву, выказал себя одним из самых яростных критиков империалистических устремлений Испании, оказавшись фактически более критически настроенным, чем любой из испанских богословов того времени. Подтверждая свою твердую веру в естественную свободу всех человеческих созданий, Васкес отвергал любые аргументы, направленные на присвоение права собственности на заморские территории, основанные на религиозном или цивилизационном превосходстве¹⁹. С другой стороны, подобного рода аргументы поддерживались и «новаторами»-гуманистами, такими как Хуан Гинес де Сепульведа, и «консервативными» теологами, придерживавшимися средневековой схоластической традиции, такими как Франсиско Суарес. Альберико Джентили, разделявший до некоторой степени гуманистические взгляды и находившийся под очевидным влиянием политической философии Макиавелли, в работе «*О праве войны*» (*De Jure Belli*, 1598) избегает гуманистической практики оправдания войн ссылками на «имперскую власть и славу»²⁰. Доктрина Джентили о «справедливой войне» опирается на более или менее строго определенные критерии справед-

¹⁷ *Gentili A. De iure belli libri tres / trans. J. C. Rolfe // The Classics of International Law. 1933. No. 16, Vol. II. P. 17.*

¹⁸ Государственный разум (ит.).

¹⁹ О политическом и правовом учении Васкеса подробнее см.: *Brett A. Liberty, Right and Nature. Individual Rights in Later Scholastic Thought. Cambridge, 1997. P. 165–204*; о воззрениях Васкеса на проблемы империи и *ius gentium* см. подробнее: *Pagden A. Lords of all the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France, c. 1500 — c. 1800. New Haven/London, 1995. P. 56–62.*

²⁰ *Tuck R. Op. cit. P. 23.*

ливых войн, дополненные аргументацией и рассуждениями из римского права. В трактате А. Джентили «Две книги о римской армии» (*De armis Romanis*, 1599), в котором, вполне в духе Карнеада, автором сначала выдвигается обвинение внешней политике Римской империи, а затем осуществляется ее защита; Джентили защищает справедливость Римской империи и ее завоевательных войн на основании принципов *ius naturale*, т.е. совершенно аналогично тому, как Цицерон «понудил» поступить своего Лелия в диалоге «О государстве»²¹.

Трудно согласиться с утверждением Ричарда Така о том, что новая гуманистическая традиция естественных прав установила свою особую доктрину *ius naturale* в качестве защиты от морального скептицизма, «встраивая» скептическое предположение о самосохранении в свои теории и предоставляя лишь морально поверхностный набор прав и обязанностей²². Гуманист Гуго Гроций, писавший в поддержку имперской экспансии Соединенных провинций, действительно намеревался опровергнуть утверждения Карнеада, представленные в диалоге «О государстве» Цицерона, однако именно Карнеад (или, скорее, цицероновский Фил) описал естественный порядок, состоящий исключительно из личных интересов, в то время как сам Гроций опирался на продуктивную комбинацию стоического *ius naturale* и концепций римского права. Такая комбинация уже содержалась в ответе Лелия на тезисы Карнеада в диалоге «О государстве», и именно она препятствовала признанию личных интересов единственной основой политической жизни, апеллируя вместо этого к римской теории *ius gentium*. Томизм и каноническое право, несомненно, сыграли заметную роль в развитии международно-правовой теории раннего Нового времени и все те традиции, которые анализирует Ричард Так, безусловно, повинны в том, что такие авторы, как Гроций, элиминировали установления римского права из их чисто практических юрисдикционных истоков и переформулировали их уже на «высоком» теоретическом языке *ius naturale*. Но в разработанной Гуго Гроцием системе естественного права и проистекающих из него естественных прав индивида влияние античной

политико-правовой мысли, особенно классического римского права, приобретает принципиальное значение.

§ 3. Категории *ius gentium* и *ius naturale* в философии права Гуго Гроция

В самом значительном труде выдающегося нидерландского юриста и философа права Гуго Гроция (1583–1645) «О праве войны и мира» (*De Jure Belli ac Pacis libri tres*, 1625) моральные или правовые нормы в полной мере могут применяться и за пределами отдельного государства, и не только лишь из соображений одной голой целесообразности: великие государства, хотя и кажутся располагающими всем необходимым для надлежащей защиты жизни людей, всё еще подвержены притязаниям добродетели, касающейся внешних отношений и носящей название справедливости, что делает этическую категорию «справедливость» применимой как к суверенным государствам, так и к их суверенным правителям²³. Однако где можно было найти такого типа универсальные социальные регуляторы, которые должны были бы управлять естественным состоянием людского общества, и какими бы были эти регуляторы по своему характеру — правовыми либо скорее моральными? Для Гроция таким универсальным регулятором становится *ius naturale*, определяемое им с точки зрения рационалистического подхода как установленное здравым разумом предписание, коим то или иное действие, в зависимости от его соответствия или несоответствия самой разумной природе, признается либо морально позорным, либо морально необходимым²⁴. Ричард Так решительно утверждал, что *ius naturale* у Гуго Гроция в конечном счете основано на универсальном человеческом стремлении к самосохранению и заключается только в «чрезвычайно узком наборе прав и обязанностей»²⁵. Тем не менее нам представляется, что подход Гроция к регулированию в естественном состоянии был гораздо более широким как по своему базису, так и по своему содержанию.

Подобно А. Джентили до него, Г. Гроций полагал, что нормы римского частного права

²¹ *Gentili A. De armis Romanis. Hanoviae, 1599. 2.2.112 ff; 2.7.168.*

²² *Tuck R. Op. cit. P. 6.*

²³ *Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 49.*

²⁴ *Гроций Г. Указ. соч. С. 71.*

²⁵ *Tuck R. Op. cit. P. 6.*

можно приложить в принципе ко всем без исключения субъектам, находящимся за пределами одного отдельного государства, поскольку нормы римского права в одинаковой мере применимы и к частным лицам, и к любым суверенным государствам. Так же как Джентили, Гроций находил, что некоторые нормы римского права определенно являются декларацией *ius naturale*; однако для того, чтобы эти нормы стали действительными и для политических суверенов, этого обстоятельства было явно недостаточно, ибо сначала необходимо было установить четкую правовую аналогию между государствами и частными лицами. Хорошо осознавая важность подобного шага, Гроций прямо обращается к экстраполяции известных ему норм частного римского права на отношения между государствами и, приложив обсуждение правил регулирования сервитутов римским юристом Ульпианом к регулированию «открытого моря», он обосновывает это следующим образом: «Это правда, что Ульпиан отсылал здесь <...> к частному праву; но тот же принцип в равной степени применим и к настоящей дискуссии, касающейся территорий стран и законов народов, поскольку отдельные народы по отношению ко всему человечеству занимают положение частных лиц»²⁶.

Все это позволило Гроцию приписывать естественные права и обязанности не только суверенам в Ост-Индии, которые были торговыми партнерами его собственной страны — активно экспансионистской Голландской республики, но и частным коммерческим организациям, таким как Голландская Ост-Индская компания, что обеспечивало мыслителю богатый эмпирический материал о естественном состоянии. Гроций применил к тем территориям, которые оставались в естественном состоянии (прежде всего к «открытому морю»), и к отношениям между суверенными государствами либо даже к отношениям над таковыми доктрину «естественных прав», созданную по образцу некоторых средств правовой защиты из инструментария римского права. Право на самооборону, а также некоторые вещные права и договорные права (все они могут быть предоставлены как отдельным лицам, так и суверенным государствам или иным субъектам) были включены в сферу действия *ius naturale* у Гроция и применимы за пределами одного

отдельного государства. Эти субъективные права, точнее всего описанные как права требования (совершенно в духе известных работ В. Н. Хохфельда), были выведены из системы *ius naturale*, основанной на уравнивающей справедливости Аристотеля. Как естественное право, так и вытекающие из него субъективные естественные права считались двойственными по своей природе, т.е. и моральными, и в равной мере юридическими, а *ius naturale* у Гроция совсем неожиданно приобретает характер *нормативного* регулятора, еще более сближаясь с системой норм *ius gentium*. Всё это означало, что правила и установления естественного состояния у Гроция были не только требованиями справедливости, но и самим *правом* в узком смысле, т.е. тем самым *ius naturale*, которое Гроций признавал правом (*ius*) в собственном смысле слова²⁷.

Определяя право с точки зрения справедливости и утверждая, что всё то, что не является несправедливым, является законным, теория «естественных правовых норм» Гроция строго отвечала требованиям справедливости, эффективно конструируя своеобразную теорию прикладной этики, хотя и сформулированную в юридических терминах. Это одно из решений проблемы, насущной и для современной теории международного права, а именно проблемы источника действительности международных обязательств. Критерии действительности закона у Гроция в трактате «О праве войны и мира» сочетают критерии источника с критериями содержания, что способствует решению многих юридических проблем, касающихся природы международного права, которые остаются фундаментальными и в наше время, когда очевидная нехватка устоявшихся формальных критериев для источников права привела некоторых ученых к предположению, что международное право не составляет законченной и самостоятельной правовой отрасли, а представляет собой всего лишь набор разрозненных алгоритмов, принципов или правил. Источниками, согласно Гроцию, являются естественное право, божественное волеустановленное право и волеустановленное право человека: волеустановленное право человека охватывает «субполитические» правоотношения (такие как власть римского *paterfamilias* над женой и детьми, патрона над клиентелой или

²⁶ Grotius H. Commentary on the Law of Prize and Booty. Indianapolis, 2006. P. 330.

²⁷ Гроций Г. Указ. соч. С. 46.

господина над рабом), муниципальные законы (*ius civile* и случайное соглашение между муниципальными правовыми актами, которое не является *ius gentium*), а также и *ius gentium* (истинное право и то, что производит только внешние последствия)²⁸. Другой критерий источника заключается в требовании о том, что правовое установление, для того чтобы стать частью *ius gentium*, должно соответствовать пониманию и практике всех народов, точнее — всех «цивилизированных» наций. Дополнительные критерии содержания вводятся по той причине, что Гроций требует для доказательства истинности *ius naturale*, чтобы оно соответствовало здравому смыслу и, следовательно, не было несправедливым. Однако правовое установление вполне может быть частью *ius gentium*, не будучи частью *ius naturale*. Например, в трактате «О праве войны и мира» автор рассматривает вопрос о рабстве, возникающем в результате захвата в плен во время войны, как сферу правового регулирования системы *ius gentium*, а не *ius naturale*²⁹. Эти разнообразные правовые порядки не обязательно находятся в строго вертикальных иерархических отношениях друг с другом, хотя их отношения и не обязательно должны быть абсолютно горизонтальными, однако все они в конечном счете обретают свою действительность из правовых установлений *ius naturale*.

Теория естественной справедливости у Гроция и включение им самых разнообразных *actores* в качестве субъектов *ius naturale* имеют важные дальнейшие последствия: отдельные лица или группы таковых сохраняют определенный круг естественных прав даже в рамках государства, так что государства оказываются частями более широкого правового порядка, восприимчивого к требованиям справедливости даже через государственные границы. Это приводит Гроция к довольно снисходительному отношению к такому внешнеполитическому феномену, который мы сегодня назвали бы «гуманитарной интервенцией»³⁰. Любое нарушение *ius naturale* и тех конкретных правовых норм, которые оно порождает, запускает в дей-

ствии право на наказание, т.е. право, открыто «паразитирующее» на существовании прочно установленной нормативной базы. Для Гроция параллель между индивидами и государствами является полной: государства имеют тот же набор прав и обязанностей в естественном состоянии, что и отдельные лица, включая фундаментальное естественное право наказывать нарушителей законов природы. В то время как А. Джентили уже в полной мере признавал наличие у жертвы «частного» естественного права на возмездие³¹, Г. Гроций пошел еще дальше, выступая как против богословов-традиционалистов (таких как Витория), так и гуманистов-новаторов (таких как Васкес, а затем и Гоббс), поскольку утверждал «общее» право лица на наказание правонарушителя³². Это общее право было создано по образцу особого класса римских уголовных исков — *actiones populares*, которые были доступны в принципе для любого римского гражданина в силу общественных интересов, а не только для одной потерпевшей стороны (D. 47.12.3 pr.). Очевидный сегодня революционный потенциал изложенной выше доктрины во всей полноте раскрылся у Джона Локка (1632–1704)³³, который сформулировал основное регулятивно-нормативное следствие учения Гуго Гроция в своем «Втором трактате о правлении» (*Second Treatise of Government*, 1690): «И с тем чтобы удерживать всех людей от посягательства на права других <...> проведение в жизнь закона природы в этом состоянии находится в руках каждого человека, вследствие чего каждый обладает правом наказания нарушителей этого закона в такой степени, в какой это может воспрепятствовать его нарушению. Ведь закон природы оказался бы, как и все другие законы, касающиеся людей в этом мире, бесполезным, если бы в этом естественном состоянии никто не обладал властью проводить в жизнь этот закон и тем самым охранять невинных и обуздывать нарушителей; и если в этом естественном состоянии каждый может наказывать другого за любое содеянное тем зло, то каждый может так и поступать»³⁴. Это имело не только

²⁸ Гроций Г. Указ. соч. С. 71–75.

²⁹ Гроций Г. Указ. соч. С. 74–75, 729–730.

³⁰ См. подробнее: Гроций Г. Указ. соч. С. 558–564.

³¹ Gentili A. *De iure belli libri tres*, 1.18. P. 136–137.

³² См.: Гроций Г. Указ. соч. С. 480.

³³ См.: Tuck R. *Op. cit.* P. 82.

³⁴ Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения : в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 265.

чрезвычайно важное и перспективное значение для формировавшейся в XVII–XVIII вв. теории конституционализма, но и заметно ослабляло (как в теории Гроция, так и в концепции Локка) политический статус государственного суверенитета и могло поддерживать (на что уже указывалось в случае Гроция) аргументы в пользу возможного вмешательства третьих сторон в дела суверенного государства.

Понимание *ius gentium* как основного термина для обозначения международного права уже полностью утвердилось в Западной Европе в период раннего Нового времени, что, в частности, в полной мере проявилось в работе Гуго Гроция «О праве войны и мира». Нидерландский ученый, которого многие по праву рассматривают в качестве основоположника современной теории международного права, трактует *ius gentium* как «право, которое определяет отношения между многими народами или их правителями и <...> введено обычаями или молчаливым соглашением»³⁵. Далее Гроций добавляет еще одно определение: «Но подобно тому, как законы любого государства преследуют его особую пользу, так точно известные права могли возникнуть в силу взаимного соглашения как между всеми государствами, так и между большинством их. И оказывается даже, что подобного рода права возникли в интересах не каждого сообщества людей в отдельности, а в интересах обширной совокупности всех таких сообществ. Это и есть то право, которое называется правом народов (*ius gentium*), поскольку это название мы отличаем от естественного права (*ius naturale*)»³⁶. Как и его далекие средневековые предшественники — глоссаторы и постглоссаторы, Гроций рассматривает международную коммерцию, особенно морскую, как неотъемлемую часть *ius gentium*, возникающую между народами из естественного стремления к общению³⁷, а отдельную главу труда «О праве войны и мира» нидерландский ученый посвящает различным категориям частноправовых договоров в контексте системы *ius gentium*³⁸. Взгляды Г. Гроция оказали серьезное влияние

на развитие науки международного права и на протяжении последующих двух веков оставались незыблемыми, а сам термин «*ius gentium*» оставался основным для обозначения международного права в научной литературе XVII–XVIII вв., что, в частности, воплотилось в весьма солидном по объему трехтомном издании П. И. Шварца «Институции всеобщего публичного права природы и народов», вышедшем в 1760 г. и вобравшем в себя многие идеи Гроция, Пуфендорфа, Томазия, Витриария и ряда других известных ученых своего времени³⁹.

§ 4. Особенности *ius gentium* и *ius naturale* в политической концепции Томаса Гоббса

В резком контрасте с вышеизложенным представлением Гуго Гроция о естественном состоянии человеческого общества находится воззрение на естественное состояние, обычно приписываемое великому английскому философу Томасу Гоббсу (1588–1679). В своем всемирно известном политическом трактате «Левифан» (*Leviathan, or the Matter, Forme, and Power of a Commonwealth, Ecclesiasticall and Civil*, 1651) Гоббс действительно ссылается на определенные нормы в естественном состоянии, хотя они и кажутся нам правовыми только в метафорическом смысле и моральными только по названию. Характерно, что Томас Гоббс не признает естественного права наказывать: «Наказание есть зло, причиняемое государственной властью», потому что «право государства (т.е. того или тех, кто представляет его) наказывать не имеет своим основанием какую-либо уступку или дар подданных»⁴⁰. Это прямо следует из концепции Гоббса о естественном состоянии общества, согласно которой «всякий человек имел право на всё»⁴¹, т.е. люди в естественном состоянии не имели, по мнению Гоббса, каких-либо юридических прав или притязаний, а скорее обладали рядом естественных «привилегий» (в понимании Хохфельда), которые не могут порождать каких-либо правовых обязан-

³⁵ Гроций Г. Указ. соч. С. 44.

³⁶ Гроций Г. Указ. соч. С. 48.

³⁷ Гроций Г. Указ. соч. С. 209.

³⁸ Гроций Г. Указ. соч. С. 341–354.

³⁹ Подробнее см.: Schwarz P. I. *Institutiones iuris publici universalis naturae et gentium*. Vol. I–III. Venetiis, 1760.

⁴⁰ Гоббс Т. Левифан // Сочинения : в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 241–242.

⁴¹ Гоббс Т. Левифан. С. 242.

ностей с чьей-либо стороны⁴². Следовательно, в этих условиях нет и не может быть ничего противозаконного, т.е. никакого возможного «правонарушения», которое могло бы послужить основанием для возникновения права на наказание. Таким образом, в естественном состоянии Гоббса права и обязанности могут быть описаны как юридические только лишь с известной долей условности, но они также не могут быть описаны и как собственно моральные, если под «моральным» подразумевается что-либо, выходящее за рамки личных интересов и самосохранения. Правовых законов в естественном состоянии также не существует, потому что, согласно правовой теории Гоббса, естественные законы обычно называются именем законов, но это не соответствует их сущности, ибо эти предписания суть лишь заключения или теоремы, т.е. элементарные принципы, коими вменена основная обязанность субъектов в естественном состоянии — сохранять самих себя⁴³. А моральные основания возникают только в том случае, если кто-либо готов согласиться принять участие в интеллектуальных экзерсисах Гоббса по переименованию чисто благоразумных оснований обязательств в моральные основания таковых. Кроме того, Гоббс весьма последовательно противопоставляет *естественное право* (*ius naturale*) и *естественный закон* (*lex naturalis*), рассматривая первое как совершенное зло для частного лица, ввергающее его в «беззаконный» мир вседозволенности естественного состояния, а второе — как совершенное благо для такового, поскольку естественные законы предписаны разумом и защищают жизнь и личные интересы всякого частного лица. Отметим, что *leges naturales* Томаса Гоббса могут становиться принципиальными положениями по отношению к нормативной системе *ius gentium*: таковы, например, повсеместно признанные положения о том, что *следует искать мира и следовать ему*, а также *quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris* и, разумеется, *pacta servanda sunt*⁴⁴.

В классической этике отношение между моралью и личным интересом характеризуется отождествлением категории *полезного* с античными понятиями *honestum et iustum*, т.е. проис-

ходит некоторое переопределение *полезного*, хотя здесь и не обошлось, однако, без попытки показать, что такое переопределение на более глубоком уровне согласуется с общепринятым пониманием целесообразности. Противопоставляя взгляд Гоббса подходам, распространенным в классической этике, можно было бы сказать, что в традиционной этике преобладала тенденция отождествить благоразумие с моральными мотивами для действий, которая указывала, что действовать нравственно в своих собственных интересах, т.е. путем изменения значения и эффективного переопределения «личных интересов», следует так, чтобы моральные мотивы, касающиеся других, становились бы необходимым условием для действий индивида в своих «личных интересах». Гоббс, со своей стороны, занимался переопределением понятия «морального» таким образом, что корыстные действия становятся необходимым условием измененного значения «морального» в работах философа. Как и в классической этике, личные интересы и мораль у Гоббса не вступают в явное столкновение, однако как только усилия философа в переименовании ясно осознаны, становится понятно, что естественное состояние Гоббса действительно является совершенно «гоббсовским» в том отношении, что поведением каждого индивида в естественном состоянии движет скорее благоразумный личный интерес, чем автономное чувство обязанности перед моральными или правовыми нормами⁴⁵. У Гоббса отсутствует какой-либо конфликт между личным целеполаганием и беспристрастной моралью, поскольку заново определенная Гоббсом мораль, исходящая из единого нормативного принципа рационально обоснованного личного интереса, ни в коей мере не была основана на критериях строгой и объективной научной беспристрастности.

Ноэль Малкольм приводит достаточно убедительные аргументы в пользу того, что гоббсовское естественное состояние в сфере международных отношений гораздо более существенно и предметно регулируется, чем мы показывали выше и чем полагало большинство авторитетных толкователей Гоббса, причем

⁴² См.: Hohfeld W. N. *Fundamental Legal Conceptions As Applied In Judicial Reasoning*. New Haven, 1964. P. 36. О приложении анализа Хохфельда к учению Гоббса см.: Malcolm N. *Aspects of Hobbes*. Oxford, 2002. P. 445.

⁴³ Гоббс Т. Левиафан. С. 123–124.

⁴⁴ Гоббс Т. Левиафан. С. 98–110.

⁴⁵ Гоббс Т. Левиафан. С. 123.

требования *ius naturale* легко применимы на международном уровне⁴⁶. В то время как Ричард Так интерпретировал Гроция и Джентили как гораздо более близких к Гоббсу, что весьма разнится с устоявшейся интерпретацией их учений, Малкольм, в свою очередь, представляет гоббсовский взгляд на *ius gentium* как гораздо более близкий к Гроцию, чем считалось в традиционном понимании. Малкольм утверждает, что Гоббс, с точки зрения того, какое поведение предписывал его взгляд на международные отношения, защищал их от малейших флюидов империализма и, следовательно, был далек от того, чтобы обернуться завзятым реалистом совершенно в макиавеллиевском духе⁴⁷. С точки зрения юридического обоснования своего нормативного мировоззрения Гоббс был, как метко выразился Малкольм, используя идиому современных юридических дискуссий, «натуралистом», а его естественное состояние совсем «не было царством абсолютной аморальности»⁴⁸. Малкольм, несомненно, прав, придавая значение решительным оговоркам Гоббса против политики империализма, но все эти возражения, как нам кажется, основаны на чувстве человеческого благоразумия, а не на чем-либо, напоминающем субстантивное понятие «юридического», не говоря уже о моральных обязанностях⁴⁹. Точно так же нарушение полной аналогии между государствами и индивидами у Гоббса проистекает из того факта, что параллель между межличностным и международным естественным состоянием не является полной, ибо существует возможность умалить нравственный долг самосохранения, когда это касается политики; но, опять же, подобное умаление, по-видимому, происходит по причинам чувства политического благоразумия⁵⁰. Если бы люди были менее защищены в политических сообществах, чем они условно оказались, то прежде всего знакомых нам государств вообще не существовало бы. Таким образом, неудивительно, что естественное состояние Гоббса, лишенное весьма существенных моральных и правовых норм, продолжает вдохновлять так

называемые «реалистические» взгляды, т.е. скептицизм в отношении принципов и норм международного права, а следовательно, и применимости универсальных установлений *ius naturale* или нормативных «стандартов» *ius gentium* к международным отношениям⁵¹.

Принципиальное различие между Гроцием и Гоббсом в трактовке ими соответствующих концепций естественного состояния может быть объяснено, по крайней мере частично, теми различными целями, которым предположительно должны были служить данные доктрины в первую очередь. И в то время как Гроций развивал свое учение о естественном состоянии и естественном праве подвергать наказанию правонарушителя и пытался на фоне политической необходимости показать, что Голландская Ост-Индская компания, даже действуя только от своего имени, т.е. в качестве частного лица, обладала правом карательной войны против португальского флота в Юго-Восточной Азии, теория Гоббса являлась политической в гораздо более узком смысле. Таким образом, Гоббс стремился теоретизировать сильную форму политической власти, в то время как Гроций хотел теоретизировать саму среду, в которой сильная всеобъемлющая власть *ex hypothesi* вообще отсутствовала. Именно поэтому тот правовой механизм, который Гроций рекомендует к применению в трактате «О праве войны и мира», потенциально применим ко многим частноправовым порядкам (например, к транснациональному коммерческому порядку), которые, строго говоря, не являются ни порядками межгосударственными, ни просто единым и суверенным гражданским государством в духе гоббсовского «Левифана». Кроме того, принципы *ius naturale* в работах Гоббса густо пропитаны соками идеологии английского протестантизма, что придает мировоззрению английского мыслителя весьма оригинальный характер, заставляющий вспомнить религиозно-политическую идеологию времен Английской буржуазной революции XVII столетия, современником которой великий философ и являлся.

⁴⁶ *Malcolm N.* Op. cit. P. 445.

⁴⁷ *Malcolm N.* Op. cit. P. 441.

⁴⁸ *Malcolm N.* Op. cit. 439–440.

⁴⁹ См. подробнее: *Гоббс Т.* О гражданине // Сочинения : в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 408–409.

⁵⁰ См.: *Malcolm N.* Op. cit. P. 448.

⁵¹ См. подробнее: *Beitz C.* Political Theory and International Relations. Princeton, 1979. P. 11–66.

§ 5. Категории *ius gentium* и *ius naturale* в политико-юридической теории Самуила Пуфендорфа

Две работы выдающегося немецкого правоведа XVII в. Самуила Пуфендорфа (1632–1694) — «О праве природы и праве народов» (*De Jure Naturae et Gentium*, 1672) и маленький трактат «Об обязанностях человека и гражданина по естественному праву» (*De Officio Hominis et Civis juxta Legem Naturalem*, 1673), где автором более кратко и популярно были изложены основные положения первого труда, — оказали значительное влияние на восприятие и, до некоторой степени, на интеграцию и синтез международно-правовых воззрений Гроция и Гоббса, хотя можно также с определенным основанием утверждать, что Пуфендорф выработал и свой оригинальный подход⁵². С. Пуфендорф четко различал правительство, созданное (или по крайней мере провозглашаемое) гоббсовским общественным договором (политический союз Гоббса), и внедоговорную конституцию коммерческого общества (как согласие или консенсус, который Гоббс со всей решительностью стремился отвергнуть, а Пуфендорф смог переосмыслить не посредством установления республиканского политического строя, но через более консервативную концепцию общества). Пуфендорф был согласен с Гоббсом в том, что предпосылки учреждения правительства легче всего уяснить, если исходить из идеи договора, что закон есть приказ вышестоящего и что в действительности закон всегда зависит не от своего содержания, а от авторитета того, кто его провозглашает: точка зрения, сильно отличающаяся от обоснованной Гроцием действительности установлений *ius naturale*, у которого впервые «установленное помимо воли человека» естественное право древних греков и римлян превращается всего лишь в «установленное здравым разумом» человека в соответствии с нормами человеческой морали⁵³. Следуя во многом за Гуго Гроцием, Самуил Пуфендорф определяет *ius naturale* как продукт человеческой рациональной и социальной природы, который «следует искать в согласии или несогласии с [требованиями] природы», тем самым остав-

ляя проблему велений Бога (а соответственно, и высшие божественные законы природы) за рамками непосредственного обсуждения вопроса о сущности *ius naturale*⁵⁴. Благодаря этому идеи Пуфендорфа о правительстве, человеческом законе и секулярной власти рассматривались более поздними мыслителями как трудно совместимые с принципиальным аргументом самого же мыслителя о том, что коммерческое общество может создать общество без государства или правительства и что в таком обществе могут существовать неправовые обязательства, а разум и законы природы на самом деле вытекают из повеления Господа Бога. «Понятие естественного права означает, что его можно познать с помощью *естественного света разума* и созерцания человеческой природы, не прибегая к Откровению. Наш разум, размышляющий над способом жизни в человеческом обществе, может ясно и отчетливо осознать необходимость приведения нашего поведения в соответствие с принципами естественного права. Однако данные утверждения не мешают Пуфендорфу отвергнуть гипотезу Гроция об автономии естественного права и допустить существование высшей божественной силы для придания твердости принципам разума. Таким образом, принудительный характер естественного права проистекает из Бога, предписывающего всем людям соблюдение основного закона. Государь же должен облечь эти установления в форму гражданского закона. Божественные предписания являются высшими по отношению к позитивным законам, которые также необходимы для сохранения человеческого рода»⁵⁵.

В центре интерпретации учения Самуила Пуфендорфа у Иштвана Хонта находится следующее утверждение: можно сказать, «что “постгоббсовская” политическая теория начиналась с воссоздания Пуфендорфом категории полезности как силы социальной интеграции. Современники признавали это. В XVIII столетии адаптация Пуфендорфом естественного состояния Гоббса к объяснению общества стала рассматриваться как начало отдельной и самостоятельной школы в естественной юриспруденции. Самому Пуфендорфу приписывают метаморфозу понятия “общество” в основополагающую

⁵² См. подробнее: *Pufendorf S. On the Law of Nature and of Nations in Eight Books // The Political Writings of Samuel Pufendorf. Oxford, 1994. P. 95–98.*

⁵³ См.: Гроций Г. Указ. соч. С. 71.

⁵⁴ *Pufendorf S. Op. cit. P. 97–98.*

⁵⁵ Федорова М. М. Классическая политическая философия. М., 2001. С. 106.

категорию современной политической мысли. <...> Хотя Пуфендорф и соглашался с тем, что общество имеет второстепенное значение по сравнению со значением [гоббсовского] политического государства, тем не менее он считал его [общество] достаточно важным, чтобы его можно было теоретизировать в [контексте] своего собственного права»⁵⁶. Как указывал И. Хонт, С. Пуфендорф не считал коллективную общительность настолько же естественной, как стремление к индивидуальному самосохранению, а считал ее обусловленной человеческой потребностью в сотрудничестве, проистекающей из недостатка человеческих способностей и из постоянно растущих потребностей людей. Пуфендорф противопоставил естественное состояние людей, отмеченное *imbecillitas* (слабостью) и *indigentia* (нуждой), цивилизованному состоянию жизни, созданному человеческим трудом, индустрией, т.е. *культурой*. Общество формируется прежде всего как средство преодоления человеческой нужды, а коммерция и культура, которая тесно переплетается с коммерцией (или торговлей), соответствуют, таким образом, формированию и процветанию общества. Подобному коммерческому обществу не обязательно предшествует договорное образование *civitas* (т.е. государство), и оно не вело к нему с неизбежностью. В соответствии с критической оценкой Хонтом точки зрения Пуфендорфа «Гоббс ошибался, полагая, что социальное разнообразие и трудности выживания требуют создания *civitas*»⁵⁷. Пуфендорф проиллюстрировал возможности «неполитического» общества, сославшись на социальную организацию, существующую среди соседних семей в элементарно устроенной сельскохозяйственной общине, а также и на трансграничные отношения в сфере международной торговли. Создание *civitas* зависело от образования (или конституции) государства посредством особого акта воли — факта заключения и принятия общественного договора, по которому участники

отказываются от своей естественной свободы ради существования политических институтов. Хонт предполагает, что для Пуфендорфа этот общественный договор был средством достижения не только безопасности, но и «перспективы [достижения] лучшего образа жизни и большего достатка», особенно в бурно развивающихся «вольных» коммерческих муниципиях⁵⁸.

В мирное время правители должны придерживаться не только официальных государственных норм *ius positivum*, но и повсеместно действующих норм *ius gentium*, а вместе с ними и установлений *ius naturale* в сфере тех отношений, которые выходят за рамки одного отдельного государства, коль скоро интересы частных лиц, социальность, разум и коммерция обыкновенно требуют соблюдения установленных правил общения. Однако существование правовых норм вовсе не означало, что правители государств всегда должны быть жестко ими ограничены или что юридическое регулирование обязательно будет доминировать над политическим интересом. Как хорошо подмечает Хорст Драйцель, Самуил Пуфендорф, избегая стиля формулировок языка государственного разума, «не уклонялся от пропаганды разоружения граждан, лишения *правителей* [политической] власти, запрета на создание партий и запрещения любых нововведений, а также использования торговой политики в ущерб другим государствам и осуществление расторжения договоров в соответствии с изменениями в [актуальной] политической ситуации»⁵⁹. Вопрос же о том, когда нарушение действующих норм *ius positivum* оказывается правомерным средством для достижения *salus populi*, требовал величайшего опыта в управлении государством и совершенно особого политического такта, что, разумеется, не являлось предметом усмотрения для обычных судей, и тем паче не могло быть сферой намеренного произвола либо безответственного решения каких-либо частных лиц.

⁵⁶ Hont I. *Jealousy of Trade: International Competition and the Nation-State in Historical Perspective*. Cambridge, 2005. P. 45.

⁵⁷ См. подробнее: Hont I. *The Languages of Sociability and Commerce: Samuel Pufendorf and the Foundations of Smith's «Four Stages» Theory // Languages of Political Theory in Early Modern Europe / A. Pagden (ed.)*. Cambridge, 1987. P. 271–316.

⁵⁸ Hont I. *The Languages of Sociability and Commerce...* P. 275.

⁵⁹ Dreitzel H. *Reason of State and the Crisis of Political Aristotelianism: An Essay on the Development of 17th Century Political Philosophy // History of European Ideas*. 2002. 28. P. 163, 171.

Заключение

В данной статье мы стремились показать, каковы конкретные различия во взглядах Гуго Гроция, Томаса Гоббса и Самуила Пуфендорфа по ключевым вопросам, касающимся источников, природы либо соотношения *ius gentium* и *ius naturale*, т.е. по кругу проблем, прямо выходящих за орбиту интересов одного отдельного государства и находящихся в центре обсуждения в современной философии международного права. Можно сказать, что в основных моментах своих творческих усилий Гроций, Гоббс и Пуфендорф были всего лишь частью «единого предприятия», ибо каждый из них был остро заинтересован (как по биографическим причинам, так и по философским предпочтениям) в возникновении современных национальных и суверенных государств, казавшихся лучшим средством для преодоления опасностей гражданской войны или религиозной розни, и именно по этой причине их целесообразно рассматривать вместе. Кроме того, будет правильным отметить некоторую общность во взаимоотношениях каждого автора (хотя и с очевидными различиями) с известной политической категорией *salus populi*, а также и с понятием *ragione di stato*. Прежде всего, Гроций, Гоббс и Пуфендорф (как и несколько позднее Юм, Смит или Бентам) практически полностью отвергли макиавеллиевскую трактовку *ragione di stato*, требовавшей в конечном итоге внешнеполитической экспансии или империализма в духе агрессивного республиканизма своего создателя. Однако все рассматриваемые нами авторы могут быть истолкованы как определенным образом связанные с идеей необходимости обязать либо даже ограничить суверена установлениями *salus populi*, для того чтобы суверен мог споспешествовать приросту общего блага в соответствии с соображениями *ragione di stato*.

Акцент Г. Гроция на индивидуальном и коллективном самосохранении посредством права на войну может быть истолкован как юридическое обоснование *ragione di stato*, становящегося у него не столько политической теорией в узком смысле, сколько теорией регуляторов, применяемых в условиях естественного состоя-

ния, которое понимается не как *гипотетический* общественный порядок, предшествующий гипотетическому же общественному договору, а скорее как *фактическое* естественное состояние, существующее как в акваториях и на коммуникациях «открытого моря» (ведущих к Ост-Индии), так и в международных отношениях в более общем плане. В той мере, в какой система *ius naturale* имела перспективы применения в текущей политике, принятие и приспособление Гроцием идей разделенного суверенитета и конституционных ограничений полномочий суверенов в соответствии с соглашениями с их народами придавало более глубокое и специфическое значение обязанностям правителя поддерживать *salus populi*. Т. Гоббс, напротив, стремился уйти от идей множественности представительства или народного (т.е. разделенного) суверенитета, вместо этого рассматривая народ как простое множество людей, по крайней мере до тех пор, пока оно не будет объединено созданием государства как представительного юридического лица, где суверен поддерживал *salus populi*, разрешив внутренний конфликт и обеспечив внешнюю оборону государства. С. Пуфендорф рассматривал *salus populi*, т.е. безопасность и благосостояние народа, как высший закон (за исключением божественного закона), тем самым налагая обязанности и ограничения на суверена, но также и освобождая его, поскольку фактически требовал, чтобы суверен действовал вне *ius positivum*, когда того требовал «государственный здравый смысл». Таким образом, каждый из рассмотренных нами политических мыслителей XVII столетия действительно глубоко интересовался политической практикой, пусть и делал это различным образом. Следует также иметь в виду, что, хотя каждый из наших авторов и писал о *ius gentium* либо о *ius naturale*, используя для этой цели актуальную на тот момент юридическую терминологию, однако ни у кого из них мы не находим такого взгляда на соотношение теории и практики, который утвердился уже в следующем, XVIII веке и начнет определять то, что стало специфической и строго очерченной сферой приложения институтов международного права⁶⁰.

⁶⁰ Подход, до некоторой степени уже сложившийся в трактате «Право народов» Э. де Ваттеля (1758) и доведенный в определенной мере до методологической кульминации в сборнике материалов по международно-правовой практике Г. Ф. фон Мартенса (в период с 1780-х по 1820-е гг.).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. Т. 1. — М., 1989. — 622 с.
2. Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. Т. 2. — М., 1991. — 731 с.
3. Гроций Г. О праве войны и мира. — М., 1994. — 868 с.
4. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 3. — М., 1988. — 668 с.
5. Федорова М. М. Классическая политическая философия. — М., 2001. — 224 с.
6. Цицерон. Диалоги. — М., 1966. — 225 с.
7. Энциклопедический юридический словарь / под общ. ред. В. Е. Крутских. — М., 1999. — 368 с.
8. Beitz C. Political Theory and International Relations. — Princeton, 1979. — 221 p.
9. Brett A. Liberty, Right and Nature. Individual Rights in Later Scholastic Thought. — Cambridge, 1997. — 272 p.
10. Dreitzel H. Reason of State and the Crisis of Political Aristotelianism: An Essay on the Development of 17th Century Political Philosophy // History of European Ideas. — 2002. — 28. — P. 163–187.
11. Gentili A. De armis Romanis. — Hanoviae, 1599. — 284 p.
12. Gentili A. De iure belli libri tres / trans. J. C. Rolfe // The Classics of International Law. — No. 16, vol. II. — Oxford, 1933. — 531 p.
13. Grotius H. Commentary on the Law of Prize and Booty. — Indianapolis, 2006. — 664 p.
14. Hohfeld W. N. Fundamental Legal Conceptions As Applied In Judicial Reasoning. — New Haven, 1964. — 129 p.
15. Hont I. Jealousy of Trade: International Competition and the Nation-State in Historical Perspective. — Cambridge, 2005. — 560 p.
16. Hont I. The Languages of Sociability and Commerce: Samuel Pufendorf and the Foundations of Smith's «Four Stages» Theory // Languages of Political Theory in Early Modern Europe / A. Pagden (ed.). — Cambridge, 1987. — P. 271–316.
17. Malcolm N. Aspects of Hobbes. — Oxford, 2002. — 657 p.
18. Pagden A. Lords of all the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France, c. 1500 — c. 1800. — New Haven/London, 1995. — 244 p.
19. Pufendorf S. The Political Writings of Samuel Pufendorf. — Oxford, 1994. — 295 p.
20. Pugliese G. Istituzioni di diritto romano. — Torino, 1990. — 954 p.
21. Schwarz P. I. Institutiones iuris publici universalis naturae et gentium. Vol. I–III. — Venetiis, 1760.
22. Soto D. de Relección «De Dominio» / Ed. and trans. by P. J. Brufau. — Granada, 1964. — 258 p.
23. Straumann B. Hugo Grotius und die Antike. — Baden-Baden, 2007. — 229 S.
24. Tuck R. The Rights of War and Peace: Political Thought and International Order from Grotius to Kant. — Oxford, 1999. — 256 p.
25. Volterra E. Istituzioni di diritto privato romano. — Roma, 1988. — 865 p.

Материал поступил в редакцию 6 октября 2022 г.

REFERENCES

1. Hobbes T. Sochineniya: v 2 t. [Works in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow; 1989. (In Russ.).
2. Hobbes T. Sochineniya: v 2 t. [Works in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow; 1991. (In Russ.).
3. Grotius G. O prave voyny i mira [On the law of war and peace]. Moscow; 1994. (In Russ.).
4. Locke J. Sochineniya: v 3 t. [Works in 3 volumes]. Vol. 3. Moscow; 1988. (In Russ.).
5. Fedorova MM. Klassicheskaya politicheskaya filosofiya [Classical political philosophy]. Moscow; 2001. (In Russ.).
6. Cicero. Dialogi [Dialogues]. Moscow; 1966. (In Russ.).
7. Krutskih VE, editor. Entsiklopedicheskiy yuridicheskiy slovar [Encyclopedic legal dictionary]. Moscow; 1999. (In Russ.).
8. Beitz C. Political Theory and International Relations. Princeton; 1979.
9. Brett A. Liberty, Right and Nature. Individual Rights in Later Scholastic Thought. Cambridge; 1997.
10. Dreitzel H. Reason of State and the Crisis of Political Aristotelianism: An Essay on the Development of 17th Century Political Philosophy. *History of European Ideas*. 2002;28:163-187.
11. Gentili A. De armis Romanis. Hanoviae; 1599.

12. Gentili A. *De iure belli libri tres*. Trans. by Rolfe JC. *The Classics of International Law*. 1933;16(II). Oxford; 1933.
13. Grotius H. *Commentary on the Law of Prize and Booty*. Indianapolis; 2006.
14. Hohfeld WN. *Fundamental Legal Conceptions As Applied In Judicial Reasoning*. New Haven; 1964.
15. Hont I. *Jealousy of Trade: International Competition and the Nation-State in Historical Perspective*. Cambridge; 2005.
16. Hont I. «The Languages of Sociability and Commerce: Samuel Pufendorf and the Foundations of Smith's "Four Stages" Theory». In: Pagden A, editor. *Languages of Political Theory in Early Modern Europe*. Cambridge; 1987. P. 271–316.
17. Malcolm N. *Aspects of Hobbes*. Oxford; 2002.
18. Pagden A. *Lords of all the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France, c. 1500 — c. 1800*. New Haven/London; 1995.
19. Pufendorf S. *The Political Writings of Samuel Pufendorf*. Oxford; 1994.
20. Pugliese G. *Istituzioni di diritto romano*. Torino; 1990.
21. Schwarz Pl. *Institutiones iuris publici universalis naturae et gentium*. Vol. I–III. Venetiis; 1760.
22. Soto D. de Relección «De Dominio». Ed. and trans. by Brufau PJ. Granada; 1964.
23. Straumann B. *Hugo Grotius und die Antike*. Baden-Baden; 2007.
24. Tuck R. *The Rights of War and Peace: Political Thought and International Order from Grotius to Kant*. Oxford; 1999.
25. Volterra E. *Istituzioni di diritto privato romano*. Roma; 1988.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.096-111

А. А. Спиридонов*

О значимых исторических вехах становления и развития государственного контроля (надзора) в его государственно-правовом осмыслении

Аннотация. На основе проведенного исследования значимых вех государственно-правового осмысления государственного контроля (надзора) в разные исторические периоды показано, что рассмотрение государственного контроля (надзора), муниципального контроля и общественного контроля в их системном единстве во взаимосвязи с вопросами совершенствования и повышения качества государственного и муниципального управления в современной России опирается на давние государственно-правовые традиции в отечественной правовой науке и практике государственного строительства как дореволюционного, так и советского периодов. В работе делается вывод о том, что в настоящее время совершенствование правового регулирования и конституционно-правовых подходов к осмыслению и организации государственного контроля (надзора), муниципального контроля и общественного контроля в России продолжается, при этом современные векторы заданы концепциями «Государства для граждан», клиентоцентричности государственного управления и расширением риск-ориентированного подхода в контрольно-надзорной деятельности. Отмечается, что в перспективе можно будет вернуться к ранее обсуждавшейся идее кодификации законодательного материала с целью придания нормативной базе контрольно-надзорной деятельности еще большей стабильности и систематизированности, соответствующей ее исключительно важному значению в системе современного российского законодательства. Высказывается точка зрения о необходимости при сохраняющейся конституционно-правовой основе системного научного осмысления контрольно-надзорной деятельности развивать правовое учение о ней в качестве межотраслевой дисциплины и плоскости для междисциплинарных исследований, поскольку именно такой подход способен дать существенный синергетический эффект для дальнейшего научно проработанного развития контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: государственный контроль; муниципальный контроль; общественный контроль; развитие контрольно-надзорной деятельности; совершенствование государственного управления; история государственного контроля; развитие законодательства о контрольно-надзорной деятельности; междисциплинарные исследования контрольно-надзорной деятельности.

Для цитирования: Спиридонов А. А. О значимых исторических вехах становления и развития государственного контроля (надзора) в его государственно-правовом осмыслении // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 12. — С. 96–111. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.096-111.

© Спиридонов А. А., 2022

* Спиридонов Андрей Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации Аппарата Правительства Российской Федерации
Краснопресненская наб., д. 2, стр. 2, г. Москва, Россия, 103274
spiridonov_aa@aprf.gov.ru

On Significant Historical Milestones of Formation and Development of State Control (Supervision) in State Legal Understanding

Andrey A. Spiridonov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Director, Department of Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Executive Office of the Government of the Russian Federation

Krasnopresnenskaya nab., d. 2, str. 2, Moscow, Russia, 103274

spiridonov_aa@apr.f.gov.ru

Abstract. Following the results of the conducted research of significant milestones in the state legal understanding of state control (supervision) in different historical periods, the author shows the following. The consideration of state control (supervision), municipal control and public control in their systemic unity in connection with the issues of improving the quality of state and municipal management in modern Russia is based on long-standing state legal traditions in the domestic legal science and practice of state construction of both the pre-revolutionary and Soviet periods. The paper concludes that at present the improvement of legal regulation and constitutional and legal approaches to the understanding and organization of state control (supervision), municipal control and public control in Russia continues, while modern vectors are set by the concepts of «State for citizens», client-centricity of public administration and the expansion of risk-based approach in control and supervisory activities. The author notes that in the future it might be possible to return to the previously discussed idea of codification of legislative material in order to give the regulatory framework of control and supervisory activities even greater stability and systematization, corresponding to its extremely important importance in the system of modern Russian legislation. The author expresses a standpoint on the need to develop the legal doctrine of the control and supervisory activities as an interdisciplinary subject and a plane for interdisciplinary research given the continuing constitutional and legal basis for a systematic scientific understanding of these activities. This is important since it is this approach that can give a significant synergetic effect for the further scientifically elaborated development of control and supervisory activities in the Russian Federation.

Keywords: state control; municipal control; public control; development of control and supervisory activities; improvement of public administration; history of state control; development of legislation on control and supervisory activities; interdisciplinary studies of control and supervisory activities.

Cite as: Spiridonov AA. O znachimykh istoricheskikh vekhakh stanovleniya i razvitiya gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v ego gosudarstvenno-pravovom osmyslenii [On Significant Historical Milestones of Formation and Development of State Control (Supervision) in State Legal Understanding]. *Lex russica*. 2022;75(12):96-111. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.096-111. (In Russ., abstract in Eng.)

Государственный контроль и надзор неразрывно связаны с функциями государства и в той или иной степени проявляют себя на всех исторических этапах развития государственно организованного социума¹. Однако степень их значимости и конкретные государственно-правовые параметры варьируются в зависимости от многих факторов; наибольшее

влияние на указанную сферу отношений оказывает государственный строй, существующий на конкретном историческом этапе (конституционный строй, если говорить о сегодняшнем дне). Поэтому исторические вехи развития государственного контроля (надзора) имеют, помимо административно-правового и общего теоретико-правового, также несомненное кон-

¹ В публикациях отмечается, и с этим в целом следует согласиться, что «контрольная функция является неперенным атрибутом каждого государства на любом этапе его исторического развития. Объективная необходимость государственного контроля убедительно доказана развитием всех типов и форм государств. Для этого процесса характерна прямая зависимость стабильности государственной власти от эффективности государственного контроля» (см.: *Осляков В. Г.* История становления и развития государственного контроля в России // *Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом»*. 2010. № 3. С. 60). Некоторые авторы полагают, что «контроль изначально выступает в качестве правовой формы осуществления функций государства, поэтому его формирование и развитие обоснованно связывается со становлением и развитием самого государства» (см.: *Хабарин О. М.* Генезис системы государственного контроля в Европе и доимперской России // *Вестник Московского университета МВД России*. 2020. № 5. С. 35).

ституционно-правовое измерение (государственно-правовое, если мы говорим о дореволюционном и советском периодах).

Именно с этих позиций в настоящем исследовании очерчены значимые исторические вехи эволюции рассматриваемого института в сопряжении с преваляровавшими в соответствующие периоды приоритетами государственного строительства и государственно-правовыми взглядами, формировавшими доктрину и нормотворческую политику. Не затрагивая детально богатую историю административно-правового осмысления и регулирования контрольно-надзорной деятельности² в разные исторические эпохи в нашем государстве, сконцентрируем внимание на значимых конституционно-правовых идеях, на которых базировалось развитие государственного контроля (надзора) в его взаимосвязи с государственным (конституционным) строем и государственным управлением.

Дореволюционный период. В истории государства и права существуют точки зрения о том, что государственный контроль в некотором виде имел место еще в Древней Руси³, хотя, безусловно, с современных позиций можно

говорить лишь о зарождении отдельных его элементов в контексте общего становления функций государственного механизма.

Высказывается мнение, что «о зарождении контроля в России и начале его формирования как отдельного института государственного механизма следует вести речь с момента появления первых приказов. В исторической науке вопрос о времени появления приказов остается спорным, тем не менее очевидно, что данные органы образовывались постепенно, по мере необходимости в организации управления той или иной сферой деятельности»⁴. С учетом того, что приказы во многом совмещали функции управления финансами в определенных сферах и контроля за ними, действительно можно рассматривать их как органы, обладающие контрольными полномочиями⁵.

В той или иной степени контроль в нашей стране всегда увязывался с обеспечением эффективного функционирования государственного управления в целом, хотя на различных исторических этапах в это понимание вкладывались разные смыслы.

Проблематике новых подходов к организации контроля и надзора в аспекте функцио-

² Отметим несомненную неразрывную связь конституционно-правового и административно-правового осмысления контрольно-надзорной деятельности, которая обусловлена в том числе и тем, что конституционные нормы создают фундамент и оказывают непосредственное влияние на административно-правовое регулирование контроля и надзора. Известные ученые — исследователи в области административного права и контрольно-надзорной деятельности признают влияние конституционных положений на административно-правовую доктрину (см. подробно, например: *Стахов А. И.* О необходимости смены парадигмы отечественного административного права под воздействием конституционных норм // *Административное право и процесс.* 2018. № 6. С. 15–20).

³ Например, высказывается предположение, что «история развития законодательства о государственном контроле и надзоре берет свое начало в Древней Руси, где важнейшим институтом считался контроль в первую очередь над подчиненными племенами с целью сбора дани Великому князю и снабжения войска в период военных походов» (*Левин Г. С.* Становление и развитие государственного контроля (надзора) в России: историко-правовой аспект // *Научный вестник Крыма.* 2020. № 6 (29). С. 2).

⁴ *Осляков В. Г.* Указ. соч. С. 60.

Там же отмечается, что «первые шаги в организации приказов появляются после объединения Руси во круг Москвы, когда предметы управления стали более обширными: усилились торговые связи между отдельными городами и землями, усложнилась система различных сборов и пошлин. Сначала приказы выступали только отделениями канцелярии Боярской думы, но к концу XVI в. стали самостоятельными административными учреждениями (например, Счетный приказ)».

⁵ В литературе высказывается позиция, что «в результате сопоставления неоспоримых исторических фактов наиболее близкой представляется концепция, в соответствии с которой большинство существовавших в XV–XVII вв. в Российском государстве приказов (практически все) в той или иной мере наделялись функцией финансового управления, а значит, и контроля. Следовательно, зарождение контроля в России и начало его формирования как отдельного института в рамках государственного механизма логично будет рассматривать с времени появления первых приказов» (см.: *Хабарин О. М.* Генезис системы государственного контроля в Европе и доимперской России // *Вестник Московского университета МВД России.* 2020. № 5. С. 36).

нирования государственного управления уделялось внимание еще во времена правления Петра I и становления Российской империи. Так, Ю. Л. Шульженко, рассматривая первый учебник русского государственного права за авторством ученого-государствоведа И. Е. Андреевского, вышедший в 1866 г., отмечает, что в нем исследуются гигантские преобразования Петра I, коснувшиеся местного управления, и подчеркивается, что «ключевая цель состояла в исключении произвола в системе местного управления, установлении нового контроля и надзора со стороны высших органов государства, а также в разделении судебной и административной деятельности, наделении местного управления совершенно новой полицейской функцией»⁶. Таким образом, в рамках построения централизованной империи значительное внимание уделялось контролю и надзору центральной власти за местными властями.

В XIX в. государственный контроль в Российской империи развивался прежде всего как контроль финансовый, что было обусловлено проблемами казнокрадства, породившими необходимость становления особой части государственного аппарата, призванной таковому противодействовать. Начало новому осмыслению и оформлению государственного контроля было положено в рамках реформы организации государственного управления, для чего использовались идеи М. М. Сперанского. Значи-

мой вехой стало создание в 1811 г. манифестом императора Александра I Главного управления ревизии государственных счетов⁷, получившего в 1836 г. наименование Государственного контроля⁸. В середине и второй половине XIX в., особенно в ходе масштабных реформ в государственном и общественном устройстве 60-х гг. XIX в., функции названного контрольного органа корректировались в русле приоритетных государственных задач. Так, отмечается, что в ходе финансовых реформ 1862–1868 гг. полномочия Государственного контроля были расширены: «Он стал проводить последующий контроль подлинным финансовым документам, осуществлять предварительный контроль (делать заключения о целесообразности, обоснованности и законности предназначавшихся к исполнению финансовых смет, хозяйственных операций и т.д.) центральных государственных учреждений и их требований предоставить сверхсметные кредиты», а также осуществлять предварительный и фактический контроль в ряде важных сфер отношений и государственных дел⁹.

Надзор же в Российской империи рассматривался во многом применительно к функциям полицейского надзора, то есть в контексте деятельности по поддержанию и обеспечению правопорядка. Отмечается, например, что «одной из самых важных обязанностей российской царской полиции также являлся надзор. Дея-

⁶ Шульженко Ю. Л. Первый отечественный учебник русского государственного права // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 4. С. 182.

Там же отмечалось: «Это был сложный путь, который продолжали преемники императора Петра I. Особая роль здесь принадлежит Екатерине II, которая своими действиями в сфере местного управления заложила основы будущей системы централизации государственного управления». Как видим, в тех или иных аспектах контрольно-надзорные функции еще в дореволюционных источниках рассматривались в связи с качеством государственного управления, совершенствованием государственно-правовых подходов к организации такового.

⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXI // URL: <https://runivers.ru/bookreader/book9839/#page/515/mode/1up> (дата обращения: 19.08.2022).

В императорском Манифесте «О устройстве Главного управления ревизии государственных счетов» указывалось, что «главный предмет сего управления есть проверка и ревизия доходов и расходов всех казенных и общественных сумм и капиталов и надзор за совершившимся движением оных».

⁸ См.: Об утверждении образования и штата Государственного контроля. 1836 г. Н. 25/III; В.у. 30/XII / Департамент законов. 1836. 237 л. (Департамент законов Государственного Совета. Т. 2 : О рассмотрении законопроектов ведомств по всем вопросам государственного управления за 1836 г.).

Некоторые исследователи полагают, что «есть все основания именно с 1836 г. вести отчет деятельности государственного контроля в Российском государстве, который берет свое начало в качестве финансового» (см.: Коломытцева О. Н. История зарождения государственного контроля в дореволюционной России // История государства и права. 2007. № 7.).

⁹ Государственный контроль // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3816449 (дата обращения: 15.08.2022).

тельность полиции по надзору усилилась после издания в 1881 г. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия... которое запрещало “всякие народные общественные и частные собрания” (§ 16). В развитие данного документа в 1882 г. были изданы два ведомственных акта Министерства внутренних дел — секретное Положение о негласном полицейском надзоре от 1 марта и Положение о полицейском надзоре от 12 марта»¹⁰.

С позиций именно государственно-правового осмысления контроля и надзора отметим, что правоведами они рассматривались в общем контексте функций государственной власти и социальной опоры государственного управления (поиск — хотя бы в научной государственно-правовой плоскости — более широкой социальной опоры верховной власти стал практически неизбежен после крестьянской, земской и иных реформ, проведенных в течение 1860-х и 1870-х гг.).

В трудах по русскому государственному праву высказывались мысли о необходимости опоры верховной власти на более широкие, нежели формальная бюрократия, общественные силы. Ю. Л. Шульженко, характеризуя взгляды известного отечественного ученого-государствоведа, конституционалиста Н. И. Лазаревского, отмечает, что в его трудах отмечалась «утрата самодержавием своей идейной основы, состоящей в том, что оно справляется легко с различными задачами через подчиненный ему бюрократический механизм», при этом подчеркивалось, что «новые задачи государственного управления требуют привлечения новых общественных сил, находящихся вне бюрократии, а в наибольшей мере в земствах»¹¹. Кроме того, в лекциях Н. И. Лазаревского «особый акцент сделан на парламентаризм как на наиболее эффективное воздействие верховного народного представительства на управление» и при этом «особо отмечен контроль над правительством»¹². Ввиду того, что в трудах указанного государственноведа «сконцентрировано внимание и на проблематике конституционности. Самым

действенным здесь назван судебный контроль. Полно, четко раскрыта его сущность, содержание, состоящие в том, что суд наделяется правом решения вопросов конституционности каждого закона и отказать неконституционным из них в применении. При этом судебная власть не стоит над законодательной. Это связано с тем, что суд не наделен правом отмены законов», Ю. Л. Шульженко пишет: «Заметим, что данные позиции, аргументации остаются актуальными и в наши дни, когда идет постоянный процесс совершенствования контроля и надзора в нашей стране»¹³.

В русском государственном праве наблюдалась неразрывная связь рассуждений о власти на всех ее уровнях — от власти самодержца до земского, местного уровня — с рассуждениями о функциях по контролю и надзору. Так, А. С. Алексеев в своих лекциях в конце XIX в. отмечал, например, что «земский начальник — не только власть надзирающая, но и управляющая. Он не только контролирует деятельность органов крестьянского самоуправления, но и принимает в ней участие»¹⁴.

Исследование взглядов государствоведов, специалистов по русскому государственному праву XIX — начала XX в. показывает, что некоторые значимые идеи в рассматриваемой сфере не утратили актуальности и дают почву для современного конституционно-правового осмысления развития государственного контроля (надзора). Хорошо это показано, например, в работе Ю. Л. Шульженко, посвященной граням соотношения дореволюционной науки государственного права и современности. Ученый, в частности, отмечает, что в дореволюционный период «значительное внимание ученые уделяли проблематике надзора за самоуправлением, определению его рамок, подчеркивая, что он должен распространяться лишь на законность его актов управления». Анализ законодательства и взглядов ученых того периода позволили Ю. Л. Шульженко сделать вывод о существовавшей тогда позиции, согласно которой «роль государства должна быть сведена, главным образом, к контролю, надзору за дея-

¹⁰ Конькова Т. Ю. Исторические аспекты надзорно-контрольных функций государственного управления по предупреждению правонарушений // Российский следователь. 2008. № 6.

¹¹ Шульженко Ю. Л. Лекции по русскому государственному праву Н. И. Лазаревского // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16. № 3. С. 15.

¹² Шульженко Ю. Л. Лекции по русскому государственному праву Н. И. Лазаревского. С. 20.

¹³ Шульженко Ю. Л. Лекции по русскому государственному праву Н. И. Лазаревского. С. 20.

¹⁴ Алексеев А. С. Русское государственное право : конспект лекций. М., 1892. С. 452.

тельностью самоуправления, субсидированию (финансовому обеспечению) его деятельности. Надзор, контроль должны распространяться на законность актов органов самоуправления, но не затрагивать вопросы целесообразности последнего». Автор рассуждает о том, что встречающаяся в наше время постановка вопроса о выделении контрольной власти в системе разделения властей является своего рода продолжением взглядов дореволюционных специалистов по государственному праву, предлагавших выделять иные ветви, помимо «классической триады властей». Кроме того, Ю. Л. Шульженко пишет: «В начале XX в. отечественные ученые-юристы ставили вопросы о создании в России специализированного органа конституционного контроля — конституционного суда (трибунала)» — и резюмирует: «Можно констатировать, что многое, что кажется новым, в государственно-правовой сфере современной России — это хорошо забытое старое»¹⁵.

Действительно, следует согласиться, что в современных конституционно-правовых исследованиях сути, системы и перспектив развития государственного контроля (надзора) следует учитывать накопленный опыт государственно-правового осмысления этой сферы отношений в дореволюционный период, поскольку соответствующие идеи, хотя формулировались и высказывались в условиях совершенно другого государственного строя, ценны для понимания взаимосвязи контрольно-надзорной деятельности, всех граней государственного контроля (надзора) с развитием эффективных механизмов государственного управления в целом.

Советский период. Кардинальная смена государственного строя после Октябрьской революции 1917 г., естественно, затронула и сферу организации контроля и надзора. В условиях становления новой власти, тяжелых внешне-политической и экономической ситуаций организация надлежащего контроля и надзора в различных сферах требовала особого внимания для нормализации социально-экономических и общественно-политических процессов в молодом советском государстве. То есть контрольно-надзорная деятельность вновь с неиз-

бежностью рассматривалась в общем контексте становления и настройки государственного управления в целом.

С государственно-правовой точки зрения наблюдались две разнонаправленные, но взаимосвязанные тенденции. Прежде всего, происходил отказ от старых институтов и механизмов контроля, имевшихся в Российской империи. Одновременно началось становление новых контрольно-надзорных институтов в рамках системы советской власти. Так, в публикациях отмечается, что «после Октябрьской революции Государственный контроль был окончательно ликвидирован. Декретом Совнаркома от 23 (31) января 1918 г. “О центральной контрольной коллегии и местных учетно-контрольных коллегиях и комиссиях” Государственный контроль был заменен Центральной контрольной коллегией, формируемой ВЦИК, а местные контрольные палаты — учетно-контрольными коллегиями, создаваемыми местными советами»¹⁶.

В конституционно-правовой науке действительность контрольных механизмов, созданных и эволюционировавших в советский период нашей истории, оценивается по-разному. Например, С. А. Авакьян в целом довольно критично высказывается об эффективности системы контроля, созданной в нашей стране после социалистической революции: «Что касается контроля народа, официально считалось, что без него никак нельзя, о его значении всегда много говорили и создавали различные штатные контрольные органы в виде рабоче-крестьянской инспекции, государственного контроля, государственно-общественного контроля, народного контроля. Всё это давало мало эффекта, но всё же хоть какая-то иллюзия контроля, сочетающего в себе государственные и общественные начала, существовала». В то же время ученый отмечает, что «было и такое очень действенное средство, как органы партийного контроля (своего рода партийная “инквизиция”, которой часто позволялось вести свое расследование в отношении любого руководителя, увлекшегося “хапанием” народного добра), — его все, в том числе и чиновники, боялись как огня»¹⁷.

¹⁵ Шульженко Ю. Л. Дореволюционная отечественная наука государственного права и современность // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 3. С. 20–21, 40–41.

¹⁶ Чернецкая О. Н. Зарождение и становление института государственного контроля в Российском государстве до 1917 г. // История государства и права. 2011. № 6. С. 48.

¹⁷ Авакьян С. А. Некоторые мысли о состоянии и перспективах конституционно-политического развития России // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2016. № 1. С. 7.

Следует отметить, что на протяжении советского периода в аспекте нормотворческой политики в исследуемой сфере государство стабильно уделяло значимое внимание принятию и актуализации правовых актов о контроле и надзоре¹⁸.

Несомненно, следует отметить, что контроль и надзор в советское время носили на себе печать господствующей идеологии, выраженной в конституционных нормах, партийных программах и документах и незримо направлявшей все помыслы ученых-правоведов и государственных деятелей.

В публикациях отмечается, в частности, что «в советский период социальный контроль воспринимался как функционирование государственных и общественных институтов, но при этом приоритетным направлением теории

была разработка проблем государственного контроля. Это было обусловлено спецификой советского государства, когда интересы отдельных граждан были подчинены воле правящего класса, а затем — партийно-государственной номенклатуре»¹⁹.

В издании Российского союза промышленников и предпринимателей «Регуляторная политика и контрольно-надзорная деятельность в России» 2021 г. под редакцией президента РСПП А. Н. Шохина приведены весьма интересные наблюдения о советском устройстве государственного контроля в сопоставлении с современным его пониманием. Авторы указывают, что, с одной стороны, «советская система контроля по своей сути не сильно отличалась от современной»²⁰, но, с другой стороны, «государственный контроль в СССР имел ряд

¹⁸ В первые же годы существования РСФСР было уделено немало внимания созданию нормативной правовой базы в сфере контроля и надзора, были приняты, в частности, декреты Совета народных комиссаров РСФСР от 23.03.1918 «Об учреждении государственного контроля над всеми видами страхования, кроме социального», от 26.11.1918 «О производстве государственным контролем ревизий (правила)», от 02.09.1920 «О надзоре за пользованием пассажирскими поездами (правила)», от 19.07.1921 «Инструкция о порядке открытия и производства всякой торговли и правила надзора за ней», постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета от 28.05.1922 «Положение о прокурорском надзоре», декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 31.08.1922 «О горном надзоре» и др. В 1928 г. вышло письмо Всероссийского центрального исполнительного комитета от 19.11.1928 № ПУ 74/7 «Об организации систематического контроля над работой милиции и о введении регулярной отчетности милиции перед населением».

В СССР на разных этапах значительное внимание уделялось нормативной правовой базе организации контроля и надзора в различных сферах, например, были приняты постановление Совета народных комиссаров СССР от 16.08.1944 № 1110 «О государственном архитектурно-строительном контроле», постановления Совета министров СССР от 04.09.1959 № 1036 «О государственном контроле за охраной подземных вод», от 14.05.1970 № 325 «Об утверждении положения о государственном контроле за использованием земель», от 29.10.1963 № 1107 «О государственном санитарном надзоре в СССР», от 29.07.1967 № 726 «О государственном энергетическом надзоре в СССР» и др. Отдельного упоминания заслуживает организация народного контроля: были приняты, в частности, Закон СССР от 09.12.1965 № 4224-VI «Об органах народного контроля в СССР», Положение об органах народного контроля в СССР (утверждено постановлением Центрального комитета КПСС и Совета министров СССР от 19.12.1968 № 1020).

На заключительном этапе существования СССР наблюдались разнонаправленные тенденции в регулировании контроля — некоторые виды на союзном и республиканском уровнях фактически упразднялись (например, было принято постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 16.06.1990 «Об упразднении органов народного контроля в РСФСР»), а в некоторых сферах предпринимались попытки усилить контроль (например, постановление Совета министров СССР от 05.02.1990 № 110 «О неотложных мерах по нормализации потребительского рынка, денежного обращения и усилению государственного контроля за ценами»).

¹⁹ Киричёк Е. В. Гражданский (общественный) контроль за деятельностью органов публичной власти в сфере обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 9 (34). С. 1095.

²⁰ Сходство в том, что «специально уполномоченные органы и организации проводили проверки и иные контрольные мероприятия в отношении предприятий (вне зависимости от ведомственной подчиненности), их должностных лиц и граждан, а в случае обнаружения нарушений выдавали обязательные

кардинальных отличий, порождаемых двумя факторами»: во-первых, поскольку в условиях социалистической экономики средства производства находились только в государственной или колхозно-кооперативной собственности, «государственный контроль, осуществляемый в отношении государственных предприятий, учреждений, колхозов и кооперативов, был как бы внутренним контролем “общенациональной корпорации”», а во-вторых, «отличия вытекали из политико-идеологических установок советского государства о том, что руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является КПСС, а общественные организации (профсоюзы, ВЛКСМ и т.д.) в соответствии со своими уставными задачами участвуют в управлении государственными и общественными делами, в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов»²¹.

Таким образом, общая советская государственно-правовая парадигма, в рамках которой приоритеты выстраивались по вектору от государства через общество к отдельной личности (а не наоборот, от человека через общество к государству, как в рамках, заданных Конституцией Российской Федерации 1993 г.), довольно четко прослеживалась и в сфере организации контроля и надзора — как государственного, так и «народного контроля».

Отметим, что с конституционно-правовой точки зрения весьма значимой вехой в развитии государственного контроля и надзора в позднесоветский период стало создание в 1989 г. Комитета конституционного надзора СССР, собравшегося на первое заседание 15 мая 1990 г. Ученые-конституционалисты рассматривают его как предтечу «не только российского конституционного правосудия, но и всех органов конституционного контроля на

постсоветском пространстве»²². Согласно Закону СССР от 23.12.1989 «О конституционном надзоре в СССР»²³ конституционный надзор в СССР учрежден в целях обеспечения соответствия актов государственных органов и общественных организаций Конституции СССР, конституциям союзных и автономных республик, охраны конституционных прав и свобод личности, прав народов СССР, демократических основ советского общества. Устанавливалось, что конституционный надзор в СССР осуществляют Комитет конституционного надзора СССР (ККН) и органы конституционного надзора союзных и автономных республик; при этом органы конституционного надзора в СССР действуют на основе социалистической законности, коллегиальности и гласности, какое бы то ни было вмешательство в их деятельность не допускается и влечет ответственность в соответствии с законом. Исследователи отмечают, что «несмотря на очевидную ограниченность своих полномочий, ККН был принят ряд важных решений», при этом «многие из правовых позиций ККН СССР оказали влияние на развитие законодательства в России и учитывались в дальнейшем Конституционным Судом РФ при осуществлении своей деятельности»²⁴.

Зарождение новых институтов было неизбежно в условиях смены государственного строя в начале 1990-х гг. При этом менялось и отношение общества к сути и значению контрольно-надзорных механизмов. А. М. Тарасов, например, отмечает: «После завершения периода тотального государственного, партийного и народного контроля советского периода в сознании большинства населения страны понятие государственный контроль ассоциировалось, особенно в начале 1990-х гг., с фискально-полицейскими функциями государства, реализация которых грозит негативными

для исполнения указания и инициировали привлечение виновных лиц к дисциплинарной, административной и уголовной ответственности». См.: Регуляторная политика и контрольно-надзорная деятельность в России / С. М. Плаксин, В. Д. Казикаев, Д. Р. Алимпеев [и др.]. М.: РСПП, 2021. С. 131.

²¹ Регуляторная политика и контрольно-надзорная деятельность в России. С. 131–132.

²² Митюков М. А., Остапович И. Ю. Предтеча конституционного правосудия на постсоветском пространстве: к историографии Комитета конституционного надзора СССР (1988–1991) // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 37.

²³ Свод законов СССР. Т. 1. С. 44–3. 1990 г.

Закон фактически утратил силу на территории Российской Федерации в связи с принятием Конституции Российской Федерации в 1993 г.

²⁴ Брежнев О. В. Комитет конституционного надзора СССР: история создания, правовой статус, деятельность // Известия Юго-Западного государственного университета. 2018. Т. 22, № 1 (76). С. 215.

последствиями должностным лицам подконтрольных объектов. Поэтому нельзя признать случайным формирование у государственных органов, общественных организаций и населения устойчивой тенденции к уклонению от всякого рода контроля»²⁵.

Современный период²⁶. На постсоветском этапе стало происходить концептуальное обновление осмысления сущности контрольно-надзорной деятельности в русле становления идей конституционализма и формирования основ конституционного строя, нашедших закрепление в 1993 г. в Конституции РФ.

В литературе высказываются несколько критичные замечания по начальному этапу рассматриваемого периода. Так, характеризуя экономическую и политическую системы России в 1990-х гг., С. А. Авакьян пишет, что «в государственно-политической жизни одним из первых шагов стала ликвидация государственной системы органов народного контроля — как якобы неэффективных. На смену ей сначала ничего не пришло. Правда, далее какие-то контрольные государственные инстанции всё же были созданы, включая Контрольное управление Президента РФ, Счетную палату РФ (как инструмент парламентского финансового контроля) и др.»²⁷. Вместе с тем нельзя отрицать, что после принятия Конституции РФ 1993 г. началось становление принципиально новой системы контроля и надзора, которая постепенно приобрела вид рассматриваемой нами триады — государственного контроля (надзора), муниципального контроля и общественного контроля.

Принципиальным новшеством стало появление и развитие муниципального контроля, который отсутствовал как вид в советский период ввиду отсутствия в СССР и РСФСР местного самоуправления как такового. В муниципально-правовых научных исследованиях муниципальный контроль рассматривается как одна из функций местного самоуправления²⁸.

В целом вторую половину 1990-х — 2000-е гг. с конституционно-правовой точки зрения можно охарактеризовать как период постепенного становления и развития правовых основ конкретных видов и сфер государственного контроля (надзора), муниципального контроля и общественного контроля и их научного правового осмысления в рамках основных идей и приоритетов, заданных Конституцией РФ. Исследовались как конкретные аспекты различных видов контроля (надзора), так и в целом роль и место контроля с точки зрения конституционного принципа разделения властей. К примеру, в публикациях начала 2000-х гг. встречались выводы, что «государственный контроль институционально не вписывается в механизм разделения государственной власти — ни в качестве одной из ее ветвей (по горизонтали), ни в качестве самостоятельной (и единственной) иерархической структуры (по вертикали). Вместе с тем в системе разделения государственной власти все ее ветви способны эффективно контролировать друг друга *re vera*»²⁹. Происходил научный поиск векторов и концептуальных идей развития различных видов контроля, включая, например, президентский контроль и парламентский контроль, в том числе парламентское расследо-

²⁵ Тарасов А. М. Система государственного контроля в Российской Федерации: организационно-правовые вопросы // Записки Горного института. 2003. Т. 154. С. 288.

²⁶ С учетом ограниченного объема статьи мы сознательно обозначаем здесь весь постсоветский период как современный, хотя для целей детализации конституционно-правового исследования его можно условно подразделить на два этапа: 1) период после принятия Конституции РФ 1993 г. — до системного обновления законодательства о контрольно-надзорной деятельности в 2010-х гг. и 2) собственно современный период, характеризующийся наличием глубоко проработанной законодательной базы государственного контроля (надзора), муниципального контроля и общественного контроля.

²⁷ Авакьян С. А. Указ. соч. С. 7.

²⁸ См., например: Бышков П. А. Муниципальный контроль в Российской Федерации: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 15.

²⁹ Ежов Ю. А. Контрольная функция Российского государства: системно-институциональный аспект // Вестник МГТУ. 2001. Т. 4. № 1. С. 156.

Там же отмечалось, что «контрольная деятельность государства — не разновидность государственной власти, а одна из ее важных самостоятельных функций, которая реализуется рядом в разной степени специализированных институтов. Последние принадлежат либо соответствующим ветвям государственной власти, либо являются структурно обособленными органами, исполняющими различные общегосударственные функции».

вание как его форму³⁰, которые также были не свойственны советской системе контроля (хотя здесь следует оговориться, что имелся институт депутатских расследований³¹, отраженный в советских конституционных нормах с 1936 г.³², но его с современных позиций нельзя в полной мере считать именно *парламентским* контролем, поскольку *советы* не основывались на концепции *парламентаризма*), и обусловлены современными конституционными концепциями разделения властей и парламентаризма.

Системное же становление современной законодательной базы контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации во всем ее многообразии произошло в последнее десятилетие³³, в течение которого тщательно проработаны и приняты Федеральные законы от 07.05.2013 № 77-ФЗ «О парламентском контроле»³⁴, от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»³⁵, от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»³⁶, которые — в их взаимосвязи с иными нормативными правовыми актами в сфере контроля и надзора — позволяют говорить о наличии в нашей стране достаточно целостной концептуально новой современной законодательной

основы контрольно-надзорной деятельности, соответствующей идеям и приоритетам, обозначенным Конституцией РФ.

На современном этапе совершенствование государственного контроля (надзора) и муниципального контроля активно продолжается, исходя из приоритетов внедрения рациональных сбалансированных подходов к осуществлению контрольных мероприятий для соблюдения прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц и всестороннего обеспечения конституционного правопорядка. Президентом РФ В. В. Путиным по итогам XXV Петербургского международного экономического форума, состоявшегося 15–18 июня 2022 г., было дано поручение Правительству РФ в срок до 15 октября 2022 г. обеспечить подготовку следующего этапа реформы контрольно-надзорной деятельности, предусмотрев, в частности, отмену контрольных (надзорных) мероприятий и проверок, проводимых в отношении субъектов предпринимательства, деятельность которых не относится к чрезвычайно высокой и высокой категориям риска причинения вреда, расширение применения риск-ориентированного подхода и внесение в законодательство Российской Федерации соответствующих изменений³⁷.

³⁰ См. подробно: Спиридонов А. А. Институт парламентских расследований в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

³¹ Подробнее об этом см. в работе: Спиридонов А. А. Парламентский контроль в Российской Федерации : научно-практическое пособие. М. : Издание Государственной Думы, 2011.

³² Например, в ст. 51 Конституции СССР 1936 г. было закреплено, что Верховный Совет СССР назначает, когда он сочтет необходимым, следственные и ревизионные комиссии по любому вопросу.

³³ В исследованиях начала второго десятилетия XXI в. относительно специфики периода и назревшего понимания необходимости системного обновления нормативной базы контрольно-надзорной деятельности подчеркивалось, что «важное значение приобретает государственная политика в области совершенствования правовой и организационной базы госконтроля и надзора. Особое значение имеет проблема государственного контроля и надзора как способов и средств достижения эффективности государственного управления. Одним из определяющих элементов формирования функциональной системы государственного управления является обеспечение органов госконтроля законодательной базой, соответствующей требованиям времени» (Коженко Я. В. Правовые особенности государственного и общественного контроля и надзора в политическом режиме переходного типа // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2010. Специальный выпуск № 2. С. 275). Здесь мы видим осознание четкой связи развития государственного контроля (надзора) с совершенствованием государственного управления.

³⁴ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 08.05.2013.

³⁵ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 22.07.2014.

³⁶ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 31.07.2020.

³⁷ Пп. «е» п. 1 Перечня поручений Президента РФ по итогам XXV Петербургского международного экономического форума 15–18 июня 2022 г., утвержденного Президентом РФ 20 июля 2022 г. № Пр-1269. В той же логике в пп. «л» п. 1 названного Перечня поручений поставлена задача определить ключевые параметры льготного режима осуществления деятельности в промышленных кластерах, предусмотрев в

Как справедливо отмечает А. В. Чаплинский, один из соавторов издания РСПП «Регуляторная политика и контрольно-надзорная деятельность в России», «государственный контроль должен достигать поставленной перед ним цели, не оказывая удушающего, чрезмерного негативного воздействия на бизнес. Можно смело утверждать, что качество государственного контроля является прямым индикатором качества государственного регулирования экономики и качества публичного управления в целом»³⁸.

В настоящее время риск-ориентированный подход представляется совершенно обоснованным механизмом, позволяющим избежать чрезмерной контрольной нагрузки, административного давления на лиц, в отношении которых проводятся контрольно-надзорные мероприятия. Соответствующие дальнейшие изменения в законодательстве, направленность которых задана указанным поручением, будут полностью соответствовать конституционным приоритетам всесторонней защиты прав и свобод, экономическим основам конституционного строя России, в том числе смыслу и духу положения ч. 1 ст. 8 Конституции РФ, согласно которой в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности. Снижение контрольной нагрузки с помощью рационального риск-ориентированного подхода как раз и относится в широком смысле к механизмам поддержки конкуренции и обеспечения свободы экономической деятельности.

Исключительно точно суть современных взглядов на роль и назначение контрольно-надзорной деятельности выразил заместитель Председателя Правительства — руководитель Аппарата Правительства Д. Ю. Григоренко, выступая в июне 2022 г. на сессии Петербургского международного экономического форума, по-

священной реформированию контрольно-надзорной деятельности: «Прежде чем ставить вопрос о необходимости проведения проверок бизнеса, следует определиться, зачем они нужны. Каковы причины проверок и какие задачи они решают? К сожалению, некоторые надзорные ведомства продолжают воспринимать их как самостоятельную сущность, в то время как они являются инструментом соблюдения правил. При этом этот инструмент может принимать абсолютно незаметную для бизнеса форму. Ведь конечная цель — помочь бизнесу, а не наказать»³⁹. Ориентированность именно на помощь тем лицам, в отношении которых осуществляется контрольно-надзорная деятельность, — важная тенденция в современном государственном и муниципальном управлении, которая полностью соответствует развитию важнейших элементов российского конституционализма, прежде всего практическому воплощению идеалов правового государства и максимальному обеспечению всесторонней гарантированности и защищенности прав и свобод человека и гражданина, а также законных интересов субъектов любой легальной экономической деятельности.

Еще одним значимым трендом стало широкое распространение профилактических мероприятий в рамках контрольно-надзорной деятельности. Так, статс-секретарь — заместитель министра экономического развития Российской Федерации А. И. Херсонцев, курирующий в Министерстве научно-экспертное направление по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности, в августе 2022 г. отметил, что «новым трендом во взаимоотношениях контрольно-надзорных органов с бизнесом являются профилактические визиты, которые не предполагают возможность наказания предпринимателя», что в значительной степени связано с тем, что «по поручению Президента в начале марта был введен мораторий на все проверки бизнеса до конца 2022 года»⁴⁰. Отметим, что профилак-

том числе упрощение администрирования работы промышленных кластеров за счет существенного снижения количества контрольных (надзорных) мероприятий и проверок, включая налоговые и таможенные проверки, или полного отказа от них, применения процедур налогового и таможенного мониторинга.

³⁸ Регуляторная политика и контрольно-надзорная деятельность в России. С. 131.

³⁹ См.: Дмитрий Григоренко: Цель надзора — помочь бизнесу, а не наказать // Сайт Правительства РФ. 17.06.2022. URL: <http://government.ru/news/45755/> (дата обращения: 20.08.2022).

⁴⁰ См.: Алексей Херсонцев: в первой половине 2022 года профилактика успешно заменила большинство проверок // Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность : сайт. 03.08.2022. URL: <https://knd.ac.gov.ru/6049/> (дата обращения: 20.08.2022).

А. И. Херсонцев также привел показательную статистику по профилактическим визитам: «Если за второе полугодие 2021 года было совершено 40,8 тыс. таких визитов, то за полгода 2022 года их проведено

тика — это действенный инструмент не только прямого воздействия (довольно «мягкого») на лиц, в отношении которых осуществляется контроль, но и получения адекватной обратной связи, дающей предпосылки к совершенствованию тех или иных аспектов контрольно-надзорной деятельности в стране⁴¹.

Выводы

1. Проведенное исследование показывает, что как в дореволюционный, так и в советский и постсоветский периоды в сфере государственно-правового (конституционно-правового) осмысления государственного контроля (надзора) достаточно четко прослеживаются позиции, отражающие неразрывную взаимосвязь и синтетическое единство государственного контроля (надзора) в различных его аспектах и государственного управления в целом.

С учетом этого предлагаемое нами рассмотрение государственного контроля (надзора), муниципального контроля и общественного контроля в их системном единстве во взаимосвязи с вопросами совершенствования и повышения качества государственного и муниципального управления в современной России⁴² опирается на давние государственно-правовые традиции в отечественной правовой науке и практике государственного строительства.

2. В Российской Федерации конституционно-правовое осмысление государственного

контроля (надзора) и практические подходы к его организации существенным образом эволюционировали: отказавшись от советского видения государственного контроля, «окрашенного» единственной господствовавшей идеологией, административно-командной экономической системой и директивным планированием, мы пришли к контролю и надзору, ориентированному на права, свободы и законные интересы лиц, в отношении которых он осуществляется, имеющему своей целью помощь этим лицам и получение от них эффективной обратной связи, что соответствует приоритету их свободной экономической и иной деятельности в рамках конституционного строя России и современного конституционализма как такового. В настоящее время акцент в государственном контроле и надзоре делается на профилактику, основной целью выступает обеспечение безопасности граждан и организаций, **принципиальным же новшеством является становление новой модели государственного контроля, которую можно охарактеризовать как сервисную, партнерскую.**

3. В настоящее время совершенствование как правового регулирования (на законодательном и подзаконном уровнях), так и конституционно-правовых подходов к осмыслению и организации государственного контроля (надзора), муниципального контроля и общественного контроля в Российской Федерации продолжается; современные векторы заданы концепциями «Государство для граждан»⁴³, клиентоцентричности государственного управ-

уже 157,6 тыс. Это лишь на 25 % меньше, чем число проверочных мероприятий, проведенных в стране за этот же период» — и пояснил: «При этом все профилактические мероприятия для бизнеса носят исключительно добровольный характер — они не могут проводиться без согласия предпринимателя. И при проведении, например, профилактического визита инспектор не вправе требовать представить документы, не может наложить наказание» (там же).

⁴¹ Говоря об обратной связи, следует также упомянуть, что продолжается развитие соответствующего взаимодействия через удобные для граждан и бизнеса электронные площадки: например, в 2022 г. «на портале госуслуг запущен сервис, с помощью которого бизнесмены и граждане могут сообщить о нарушениях моратория на проверки», введенного Правительством РФ с 10 марта 2022 г. (при этом Правительство, по словам Д. Ю. Григоренко, исходило из «необходимости обеспечить баланс между снижением нагрузки на бизнес в сегодняшних условиях и минимизацией рисков угрозы вреда жизни и здоровью граждан, а также безопасности страны»). См.: Дмитрий Григоренко: Правительство продолжает снижать административную нагрузку на граждан и бизнес // Сайт Правительства РФ. 29.04.2022. URL: <http://government.ru/news/45313/> (дата обращения: 21.08.2022).

⁴² См., например: Спиридонов А. А. Государственный, муниципальный и общественный контроль: содержание и соотношение понятий с позиций конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 5. С. 33–45; Спиридонов А. А. Системное единство государственного контроля (надзора) и общественного контроля как конституционно-правовой принцип // Lex russica. 2022. Т. 75. № 6. С. 48–58.

⁴³ По словам Председателя Правительства РФ М. В. Мишустина, «эта стратегическая инициатива как раз направлена на то, чтобы сосредоточить работу государственных органов вокруг интересов конкретного

ления⁴⁴, расширением риск-ориентированного подхода в контрольно-надзорной деятельности и ее профилактической составляющей, а также широким внедрением информационных технологий, электронных площадок и сервисов в сферу контроля и надзора.

Несколько лет назад в рамках предметной работы над новой законодательной базой контрольно-надзорной деятельности, в которой автор настоящих строк принимал непосредственное участие, обсуждался возможный вариант **кодификации законодательных норм о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле**. Возможно, в перспективе, после накопления значительного опыта правоприменения и его тщательного анализа и осмысления, можно будет вернуться к идее кодификации законодательного материала в исследуемой нами сфере с целью придания нормативной базе контрольно-надзорной деятельности еще большей стабильности и систематизированности, соответствующей ее исключительно важному значению в системе современного российского законодательства.

Кроме того, с позиций конституционно-правовой науки отметим, что при сохраняющейся именно **конституционно-правовой основе системного научного осмысления контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации** целесообразно и важно развивать правовое учение о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле и об общественном контроле в качестве **межотраслевой дисциплины и плоскости для междисциплинарных исследований** с учетом богатого научного опыта и материала в этой области, накопленного и нарабатываемого в сферах теории государства и права, административного права, муниципального права, иных правовых дисциплин, а также в рамках иных наук с учетом значимости для сферы современной контрольно-надзорной деятельности экономических подходов, математического и статистического инструментария и т.д. Именно междисциплинарный подход, на наш взгляд, способен дать существенный синергетический эффект для дальнейшего научно проработанного развития контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Некоторые мысли о состоянии и перспективах конституционно-политического развития России // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2016. — № 1.
2. Алексеев А. С. Русское государственное право : конспект лекций. — М., 1892.
3. Брежнев О. В. Комитет конституционного надзора СССР: история создания, правовой статус, деятельность // Известия Юго-Западного государственного университета. — 2018. — Т. 22, № 1 (76).
4. Бышков П. А. Муниципальный контроль в Российской Федерации: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2018.
5. Воронов А. М. Клиентоцентричность в публичном управлении // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». — 2022. — № 03.
6. Ежов Ю. А. Контрольная функция Российского государства: системно-институциональный аспект // Вестник МГТУ. — 2001. — Т. 4. — № 1.
7. Киричк Е. В. Гражданский (общественный) контроль за деятельностью органов публичной власти в сфере обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2013. — № 9 (34).

человека, сделать ведомства более внимательными к его запросам — будь то пенсионер, врач, учитель, работник предприятия или предприниматель». См.: Мишустин назвал «Государство для граждан» новой культурой госуправления // ТАСС. 01.02.2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13584589> (дата обращения: 21.08.2022).

⁴⁴ См. подробнее, например: Дмитрий Григоренко: Клиентоцентричное государство — это решение проблем человека без его участия // Сайт Правительства РФ. 21.12.2021. URL: <http://government.ru/news/44181/> (дата обращения: 21.08.2022); Воронов А. М. Клиентоцентричность в публичном управлении // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». 2022. № 3. С. 117–123.

8. Коженко Я. В. Правовые особенности государственного и общественного контроля и надзора в политическом режиме переходного типа // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. — 2010. — Специальный выпуск № 2.
9. Коломытцева О. Н. История зарождения государственного контроля в дореволюционной России // История государства и права. — 2007. — № 7.
10. Конькова Т. Ю. Исторические аспекты надзорно-контрольных функций государственного управления по предупреждению правонарушений // Российский следователь. — 2008. — № 6.
11. Левин Г. С. Становление и развитие государственного контроля (надзора) в России: историко-правовой аспект // Научный вестник Крыма. — 2020. — № 6 (29).
12. Митюков М. А., Остапович И. Ю. Предтеча конституционного правосудия на постсоветском пространстве: к историографии Комитета конституционного надзора СССР (1988–1991) // Российско-азиатский правовой журнал. — 2020. — № 2.
13. Осляков В. Г. История становления и развития государственного контроля в России // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». — 2010. — № 3.
14. Регуляторная политика и контрольно-надзорная деятельность в России / С. М. Плаксин, В. Д. Казикаев, Д. Р. Алимпеев [и др.]. — М. : РСПП, 2021.
15. Спиридонов А. А. Государственный, муниципальный и общественный контроль: содержание и соотношение понятий с позиций конституционного права // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 5.
16. Спиридонов А. А. Институт парламентских расследований в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008.
17. Спиридонов А. А. Парламентский контроль в Российской Федерации : научно-практическое пособие. — М. : Издание Государственной Думы, 2011.
18. Спиридонов А. А. Системное единство государственного контроля (надзора) и общественного контроля как конституционно-правовой принцип // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 6.
19. Стахов А. И. О необходимости смены парадигмы отечественного административного права под воздействием конституционных норм // Административное право и процесс. — 2018. — № 6.
20. Тарасов А. М. Система государственного контроля в Российской Федерации: организационно-правовые вопросы // Записки Горного института. — 2003. — Т. 154.
21. Хабарин О. М. Генезис системы государственного контроля в Европе и доимперской России // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 5.
22. Чернецкая О. Н. Зарождение и становление института государственного контроля в Российском государстве до 1917 г. // История государства и права. — 2011. — № 6.
23. Шульженко Ю. Л. Дореволюционная отечественная наука государственного права и современность // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2013. — № 3.
24. Шульженко Ю. Л. Лекции по русскому государственному праву Н. И. Лазаревского // Труды Института государства и права РАН. — 2021. — Т. 16. — № 3.
25. Шульженко Ю. Л. Первый отечественный учебник русского государственного права // Труды Института государства и права РАН. — 2020. — Т. 15. — № 4.

Материал поступил в редакцию 1 сентября 2022 г.

REFERENCES

1. Avakyan SA. Nekotorye mysli o sostoyanii i perspektivakh konstitutsionno-politicheskogo razvitiya Rossii [Some thoughts on the state and prospects of constitutional and political development of Russia]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo [The Moscow University Herald. Series 11, Law]*. 2016;1. (In Russ.).
2. Alekseev AS. Russkoe gosudarstvennoe pravo. Konspekt lektsiy [Russian State Law. Lecture notes]. Moscow; 1892. (In Russ.).
3. Brezhnev OV. Komitet konstitutsionnogo nadzora SSSR: istoriya sozdaniya, pravovoy status, deyatelnost [The Committee of Constitutional Supervision of the USSR: The history of creation, legal status, activity]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Southwest State University]*. 2018;22(1(76)). (In Russ.).

4. Byshkov PA. Munitsipalnyy kontrol v Rossiyskoy Federatsii: problemy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Municipal control in the Russian Federation: Problems of theory and practice. Author's abstract of the Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow; 2018. (In Russ.).
5. Voronov AM. Klientotsentrichnost v publichnom upravlenii [Client centrality in public administration]. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya «Economics and Law» [Modern science: Current problems of theory and practice. Series: Economics and Law]*. 2022;3. (In Russ.).
6. Ezhov YuA. Kontrolnaya funktsiya Rossiyskogo gosudarstva: sistemno-institutsionalnyy aspekt [The control function of the Russian State: System-institutional aspect]. *Vestnik MGTU [Herald of the Bauman Moscow State Technical University]*. 2001;4(1). (In Russ.).
7. Kirichek EV. Grazhdanskiy (obshchestvennyy) kontrol za deyatelnostyu organov publichnoy vlasti v sfere obespecheniya konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii [Civil (public) control over the activities of public authorities in the sphere of ensuring constitutional rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2013;9(34). (In Russ.).
8. Kozhenko YaV. Pravovye osobennosti gosudarstvennogo i obshchestvennogo kontrolya i nadzora v politicheskom rezhime perekhodnogo tipa [Legal features of state and public control and supervision in a transitional political regime]. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova*. 2010;2. (In Russ.).
9. Kolomyttseva ON. Istoriya zarozhdeniya gosudarstvennogo kontrolya v dorevolutsionnoy Rossii [The history of the origin of state control in pre-revolutionary Russia]. *Istoriya gosudarstva i prava [History of the State and Law]*. 2007;7. (In Russ.).
10. Konkova TYu. Istoricheskie aspekty nadzorno-kontrolnykh funktsiy gosudarstvennogo upravleniya po preduprezhdeniyu pravonarusheniy [Historical aspects of the supervisory and control functions of the state administration for the prevention of offenses]. *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2008;6. (In Russ.).
11. Levin GS. Stanovlenie i razvitie gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v Rossii: istoriko-pravovoy aspekt [Formation and development of state control (supervision) in Russia: Historical and legal aspect]. *Nauchnyy vestnik Kryma*. 2020;6(29). (In Russ.).
12. Mityukov MA, Ostapovich IYu. Predtecha konstitutsionnogo pravosudiya na postsovetskom prostranstve: k istoriografii Komiteta konstitutsionnogo nadzora SSSR (1988–1991) [The Forerunner of Constitutional Justice in the Post-Soviet Space: Towards the Historiography of the Constitutional Supervision Committee of the USSR (1988–1991)]. *Rossiysko-aziatskiy pravovoy zhurnal [Russian-Asian Legal Journal]*. 2020;2. (In Russ.).
13. Oslyakov VG. Istoriya stanovleniya i razvitiya gosudarstvennogo kontrolya v Rossii [The history of the formation and development of state control in Russia]. *Predprinimatelskoe pravo [Business law. Prilozhenie «Biznes i pravo v Rossii i za rubezhom» Supplement «Business and law in Russia and abroad»]*. 2010;3. (In Russ.).
14. Plaksin SM, Kazikaev VD, Alimpeev DR, Varvarin AV, Dmitrieva NE, Knutov AV, Chaplinskiy AV. *Regulyatornaya politika i kontrolno-nadzornaya deyatelnost v Rossii [Regulatory policy and control and supervisory activities in Russia]*. Moscow: RSPP Publ., 2021. (In Russ.).
15. Spiridonov AA. Gosudarstvennyy, munitsipalnyy i obshchestvennyy kontrol: sodержanie i sootnoshenie ponyatiy s pozitsiy konstitutsionnogo prava [State, Municipal and Public Control: The Content and Correlation of Concepts in the context of Constitutional Law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(5). (In Russ.).
16. Spiridonov AA. Institut parlamentskikh rassledovaniy v Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Institute of Parliamentary Investigations in the Russian Federation: Constitutional and Legal Research. Author's abstract of the Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2008. (In Russ.).
17. Spiridonov AA. Parlamentskiy kontrol v Rossiyskoy Federatsii: nauchno-prakticheskoe posobie [Parliamentary control in the Russian Federation: A scientific and practical guide]. Moscow: State Duma Publishing; 2011. (In Russ.).
18. Spiridonov AA. Sistemnoe edinstvo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i obshchestvennogo kontrolya kak konstitutsionno-pravovoy printsip [Systemic Unity of State Control (Supervision) and Public Control as a Constitutional Law Principle]. *Lex Russica*. 2022;75(6):48-58. (In Russ.).
19. Stakhov AI. O neobkhodimosti smeny paradigmy otechestvennogo administrativnogo prava pod vozdeystviem konstitutsionnykh norm [On the need to change the paradigm of domestic administrative law under the influence of constitutional norms]. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2018;6. (In Russ.).

20. Tarasov AM. Sistema gosudarstvennogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii: organizatsionno-pravovye voprosy [The system of state control in the Russian Federation: Organizational and legal issues]. *Zapiski Gornogo instituta [Journal of Mining Institute]*. 2003;154. (In Russ.).
21. Khabarin OM. Genezis sistemy gosudarstvennogo kontrolya v Evrope i doimperskoy Rossii [Genesis of the system of state control in Europe and pre-Imperial Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2020;5. (In Russ.).
22. Chernetskaya ON. Zarozhdenie i stanovlenie instituta gosudarstvennogo kontrolya v Rossiyskom gosudarstve do 1917 g. [The origin and formation of the institute of state control in the Russian state before 1917]. *Istoriya gosudarstva i prava [History of State and Law]*. 2011;6. (In Russ.).
23. Shulzhenko YuL. Dorevolyutsionnaya otechestvennaya nauka gosudarstvennogo prava i sovremennost [Pre-revolutionary domestic science of state law and modernity]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk [Proceedings of the Institute of State and Law]*. 2013;3. (In Russ.).
24. Shulzhenko YuL. Lektsii po russkomu gosudarstvennomu pravu N. I. Lazarevskogo [Lectures on Russian State law compiled by N. I. Lazarevskiy]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk [Proceedings of the Institute of State and Law]*. 2021;16(3). (In Russ.).
25. Shulzhenko YuL. Pervyy otechestvennyy uchebnyy russkogo gosudarstvennogo prava [The first domestic textbook of Russian state law]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk [Proceedings of the Institute of State and Law]*. 2020;15(4). (In Russ.).

Международные специальные операции: понятие, проблемы международно-правового сопровождения, противодействие вызовам и угрозам безопасности государств

Аннотация. Проблема реализации и международно-правового сопровождения специальных операций является закономерной, исторически обусловленной и фактически выходящей из конвенциональной сферы действия международного права. По сути, это формирующийся международный обычай, основанный на практике государств в отстаивании национальных интересов в условиях конкурирующей юрисдикции, легализации ресурсов «теневой» экономики, распространения Даркнета, освоения новых способов и средств ведения войны и ее пропаганды. Транснационализация организованной преступности, ее связи с международным терроризмом, коррупцией, киберпреступностью, попытки строить национальные системы безопасности за счет безопасности других, деструктивная идеология национального доминирования, сопровождаемая «приватизацией» государственного суверенитета негосударственными субъектами, обосновывает практику реализации специальных операций против действующих и вновь создаваемых экзистенциальных вызовов и угроз безопасности государств.

Институализация некоторых видов международных специальных операций очевидна, базируется на положениях Устава ООН, многосторонних и двусторонних соглашениях, соотносится с деятельностью региональных систем безопасности (Организация Договора о коллективной безопасности — ОДКБ, Организация Североатлантического договора — НАТО, Лига арабских государств — ЛАГ, Организация американских государств — ОАГ, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе — ОБСЕ и др.). Уникальность специальных операций в каждом конкретном случае, невозможность их абсолютного правового урегулирования, особенно в военно-политической сфере, ставит вопрос о необходимости пересмотра ряда положений Устава ООН как малоэффективных, формировании новых (однополярных) региональных механизмов контроля за их реализацией, активизации специальных научных исследований в данной сфере.

Ключевые слова: международные специальные операции; международное право; безопасность государств; вызовы и угрозы; международно-правовое сопровождение; обеспечение национальной безопасности; суверенитет государства; региональная безопасность; международная безопасность.

Для цитирования: Меркушин В. В. Международные специальные операции: понятие, проблемы международно-правового сопровождения, противодействие вызовам и угрозам безопасности государств // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 12. — С. 112–129. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.112-129.

© Меркушин В. В., 2022

* Меркушин Владимир Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, докторант факультета международных отношений Белорусского государственного университета пр. Независимости, д. 4, г. Минск, Республика Беларусь, 220030
valdshin@mail.ru

International Special Operations: Concept, Problems of International Legal Support, Countering Challenges and Threats to the Security of States

Vladimir V. Merkushin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Doctoral student, Faculty of International Relations, Belarusian State University
pr. Nezavisimosti, d. 4, Minsk, Belarus, 220030
valdshin@mail.ru

Abstract. The problem of the implementation of international legal support of special operations is a natural, historically determined and in fact staying beyond the conventional scope of international law. In fact, this is an emerging international custom based on the practice of states in defending national interests in conditions of competing jurisdiction, the legalization of the resources of the «shadow» economy, the spread of the Darknet, the development of new ways and means of warfare and its propaganda. The transnationalization of organized crime, its links with international terrorism, corruption, cybercrime, attempts to build national security systems at the expense of the security of others, the destructive ideology of national domination, accompanied by the «privatization» of state sovereignty by non-state actors, substantiates the practice of implementing special operations against existing and newly created existential challenges and threats to the security of states.

The institutionalization of some types of international special operations is obvious, based on the provisions of the UN Charter, multilateral and bilateral agreements, correlates with the activities of regional security systems (Collective Security Treaty Organization — CSTO, North Atlantic Treaty Organization — NATO, League of Arab States — LAS, Organization of American States — OAS, Organization for Security and Co-operation in Europe — OSCE, etc.). The uniqueness of special operations in each specific case, the impossibility of their absolute legal settlement, especially in the military-political sphere, raises the question of the need to revise a number of provisions of the UN Charter as ineffective, the formation of new (unipolar) regional mechanisms for monitoring their implementation, the activation of special scientific research in this area.

Keywords: international special operations; international law; state security; challenges and threats; international legal support; national security; state sovereignty; regional security; international security.

Cite as: Merkushin VV. Mezhdunarodnye spetsialnye operatsii: ponyatie, problemy mezhdunarodno-pravovogo soprovozhdeniya, protivodeystvie vyzovam i ugrozam bezopasnosti gosudarstv [International Special Operations: Concept, Problems of International Legal Support, Countering Challenges and Threats to the Security of States]. *Lex russica*. 2022;75(12):112-129. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.112-129. (In Russ., abstract in Eng.).

Мир — это не отсутствие войны, это добродетель,
состояние духа, воля к доброжелательности,
доверию, справедливости.

Бенедикт Спиноза

I. В настоящее время не существует единого фиксированного определения международной специальной операции (далее — специальная операция) с точки зрения международного права.

В результате возникают определенного рода интерпретации и претензии к легитимности в отношении такого рода действий со стороны различных государств и международных организаций. Наиболее заметно это проявляется в условиях реализации интересов государств за пределами национальных юрисдикций, на грани умышленного или спровоцированного нарушения принципов и норм международного права противодействующей стороной и ее союзниками, особенно в условиях (пред)кон-

фликтных и постконфликтных споров и ситуаций как внутригосударственного, так и международного характера. Причем нередко и при неоправданном попустительстве специально уполномоченных международных органов и учреждений (например, Совета Безопасности ООН) по их нейтрализации либо предотвращению, с одной стороны. С другой стороны, в результате целенаправленной политики доминирования отдельными ведущими государствами мира (в основном США и их союзниками), либо региональными международными организациями, как правило, созданными данными государствами, сознательно ориентированными на превышение своих уставных положений (например, ст. 5 Устава НАТО).

В этой связи возможно, а в определенных случаях является критически необходимым отнесение специальных операций к тем или иным международно-правовым исключительным мерам *превентивного характера*, воздействующим на конкретные противоправные (враждебные) формы поведения отдельных недружественных субъектов, потенциально угрожающим международному миру и безопасности. Среди них — предотвращение угрозы развязывания агрессивной войны и ее пропаганды, распространение оружия массового поражения, интервенции (военные и гуманитарные), блокады, аннексии, различные формы криминализации территорий и/или их частей¹, захват (уничтожение) лидеров преступных (террористических) организаций, возвращение и декриминализация незаконно вывезенных активов на территорию третьего государства и т.п.

Учитывая тот факт, что международное право в целом запрещает применение вооруженной силы в качестве приоритетной для разрешения споров, конфликтов и ситуаций, выделяя в качестве основополагающих принципов: принцип мирного разрешения международных споров и неприменения силы и угрозы силой (ст. 2 Устава ООН), тем не менее исключать силовой (вооруженный) аспект в этих условиях было бы крайне неразумным. Особенно когда речь идет о суверенитете в его новом качестве — *сильном суверенитете*², а в ряде случаев и о факте самого существования государства как такового.

В последнем случае это продиктовано:

- 1) спецификой современных угроз безопасности государств — их масштабностью, ди-

намикой распространения и особой опасностью возможного (глобального) ущерба общественным отношениям, в том числе в формате коллективной безопасности. Здесь речь идет в первую очередь о вновь возникающих вызовах и угрозах³, к которым общепризнанно относят: международный терроризм и транснациональную организованную преступность, незаконный оборот наркотиков, оружия, организацию незаконной миграции и торговлю людьми, пиратство⁴, а также угрозы кибербезопасности и иное враждебное использование информационно-коммуникационных технологий, экологические преступления, коррупцию и легализацию (отмывание) активов, разжигание расовой и межнациональной розни и пр.;

- 2) в силу определенной цели и специфических задач конкретной (или разрабатываемой) операции, которые ставятся перед уполномоченными субъектами заинтересованных сторон (государств), договаривающихся действовать сообща или ситуативно (согласно оперативной обстановке, вынужденно, в порядке самообороны, как *lex specialis*), но уже в рамках обеспечения национальных интересов. А точнее — в транснациональном сегменте национальной безопасности, с участием (деятельным присутствием) так называемого иностранного фактора (или иностранного элемента⁵);
- 3) вследствие устойчивой тенденции военного (силового) аспекта проводимой специальной операции государством с сильным суверенитетом, ввиду того, что в современных

¹ Довгань Е. Ф. Договорные обязательства частей территории государства // Право.by. 2022. № 1 (75). С. 95–96.

² Выступление Президента РФ В. В. Путина на 25-м Петербургском международном экономическом форуме (ПФЭМ) 17 июня 2022 г.

³ Довгань Е. Ф. Международные организации и поддержание международного мира и безопасности : монография. Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. С. 11.

⁴ Транснациональные угрозы // URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/ru/thematic-areas/transnational-threats/> (дата обращения: 22.06.2022).

⁵ Термин «иностраный (или международный) элемент» — наиболее популярен и широко используется в науке международного частного права. По мнению профессора М. М. Богуславского, здесь имеются в виду «гражданско-правовые отношения, понимаемые в широком смысле слова и выходящие за пределы одного государства». М. М. Богуславский специально подчеркивает, что регулирование гражданско-правовых отношений между лицами (физическими, юридическими, а также с участием государства) каких-либо двух государств тесно связано с общим состоянием внешнеполитических отношений между этими государствами (Богуславский М. М. Международное частное право : учебник. М. : Междунар. отношения, 1994. С. 15). Определенного рода антиподом понятию «иностраный элемент» может выступать понятие «иностраный агент», достаточно активно используемое в современных международ-

условиях отмечается тенденция всё чаще проводить военные операции без санкции Совета Безопасности ООН в связи с бездействием либо низкой эффективностью последнего. Не случайно, согласно терминологии НАТО, *специальные операции* — это военные действия, проводимые специально назначенными, организованными, отобранными, обученными и оснащенными силами с использованием нетрадиционных методов и способов применения⁶.

Поскольку цель данной статьи является обоснование релевантного применения норм международного права для реализации специальных операций как необходимой (вынужденной) меры по поддержанию международного мира, безопасности и правопорядка, укрепления национального суверенитета государств и противодействия вновь возникающим вызовам и угрозам, остановимся более подробно на проблемах формулирования трактовки специальной операции в международном праве.

Следует отметить, что теоретической основой рассмотрения проблематики специальных операций с точки зрения науки международного права послужила система работ белорусского профессора Е. Ф. Довгань, определившей принципиально новое развитие системы координат права международной безопасности с точки зрения инклюзивности и межсекторальных связей различных сфер международного права, дополняемое другими учеными: Н. О. Мороз⁷, И. В. Фисенко⁸, В. Ю. Калугин⁹ и др. Важное значение в конструировании международно-правового контура специальных операций оказали выводы и рекомендации, предложенные российскими учеными — Ю. Н. Ждановым¹⁰, Д. М. Валеевым¹¹, В. В. Милинчуком¹², К. В. Крицким¹³, В. В. Устиновым¹⁴, Н. Г. Михайловым¹⁵, М. Г. Смирновым¹⁶ и др. Вместе с тем сама постановка проблемы и ее решение были бы ограничены без исследований таких авторов — экспертов в области теории национальной безопасности и правоохранительной

ных отношениях. Иностраный агент — это лицо (физическое или юридическое), которое, будучи резидентом одного государства, действует в интересах другого, и при этом не является его официальным зарубежным представителем (например, не обладает дипломатическим иммунитетом). Практически бесспорным является определенного рода негативный подтекст данного понятия, раскрываемый в отечественных и иностранных источниках (см., например: *Купина Н. А.* Идеологема «иностраный агент»: три дня в июле 2012 года // *Политическая лингвистика.* 2012. № 3. С. 43–48 ; *The continued use of the statute [FARA] as a subversive control act means that the term «foreign agent» will continue to carry pejorative connotations* // *Harvard Law Review.* 1965. Т. 78. № 3. January. P. 632).

- ⁶ NATO Standard AJP-5. Allied joint doctrine for the planning of operations. Edition A. Version 2 (May 2019). Brussels: standartization office (NSO).
- ⁷ *Мороз Н. О.* Международно-правовое сотрудничество в борьбе с преступностью в сфере высоких технологий. Минск, 2017. С. 5–9.
- ⁸ *Фисенко И. В.* Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Минск, 2000. С. 3–4.
- ⁹ *Калугин В. Ю.* Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления: уголовно-правовой анализ. Минск, 2002. С. 4–8.
- ¹⁰ *Жданов Ю. Н.* Принудительные меры в международном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 5–8.
- ¹¹ *Валеев Д. М.* Международно-правовые основы сотрудничества по борьбе с транснациональной организованной преступностью : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. С. 160–193.
- ¹² *Милинчук В. В.* Санкции СБ ООН как механизм обеспечения международно-правовой ответственности государств в сфере борьбы с транснациональной преступностью // *Вестник Московского университета МВД России.* 2011. № 8. С. 211–212.
- ¹³ *Крицкий К. В.* Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 5–6.
- ¹⁴ *Устинов В. В.* Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М., 2002. С. 141–156.
- ¹⁵ *Михайлов Н. Г.* Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии: компетенция, источники, права, основные принципы деятельности. М., 2006. С. 3–8.
- ¹⁶ *Смирнов М. Г.* Вооруженный конфликт немеждународного характера: международно-правовой аспект. М., 2014. С. 5–10.

деятельности, как С. А. Трахименок¹⁷, В. Г. Гавриленко¹⁸, О. С. Макаров¹⁹, С. В. Верлуп²⁰, А. Л. Баньковский²¹, В. И. Попов²², Р. З. Рувинский²³, а также ряда западных ученых-специалистов, среди которых Х. Нойхольд²⁴, Т. М. Франк²⁵, Д. Д. Виртц²⁶, Л. Билмс²⁷, Л. Робинсон²⁸, М. Брайли²⁹, Б. Бьюзан и Л. Хансен³⁰.

Поскольку предложенная проблематика является достаточно обширной и многогранной, требует дальнейших специальных исследований, как с точки зрения современного международного права, так и других отраслей юридической науки, а также военной и политической доктрины, остановимся на ее наиболее значимых международно-правовых аспектах.

II. Отсутствие единого общепризнанного определения специальных операций обусловлено несколькими важнейшими взаимосвязанными факторами.

Во-первых, неурегулированностью и/или громоздкостью формулировок тех угроз, против которых направлены или могут быть направлены специальные операции. Это, в частности, касается: международного терроризма³¹, транснациональной организованной преступности³², преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий (киберпреступности)³³, особенно международной безопасности и стратегической стабильности^{34,35}, окончательно неурегулированных вопросов, затрагиваю-

¹⁷ Трахименок С. А. Безопасность государства. Методолого-правовые аспекты. Минск, 1997. С. 4–7.

¹⁸ Гавриленко В. Г. Правовые основы и механизмы обеспечения национальной безопасности и суверенитета Республики Беларусь. Минск, 2019. С. 11.

¹⁹ Макаров О. С. Правовое обеспечение информационной безопасности на примере защиты государственных секретов государств — участников Содружества Независимых Государств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 3–9.

²⁰ Верлуп С. В. Национальная безопасность на государственной границе: идеи, мнения, предложения. Минск, 2017. С. 6–7.

²¹ Баньковский А. Л. К вопросу о концептуализации в сфере национальной безопасности // Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь : материалы международной научной конференции, Минск, 2021 г. Минск : БГУ, 2021. С. 35–39.

²² Попов В. И. Актуальные проблемы борьбы с наиболее опасными проявлениями организованной преступности. М., 2004. С. 5–7.

²³ Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. СПб., 2020. С. 73–76.

²⁴ Neuhold H. Collective security after «Operation allied force» // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2000. Vol. 4. P. 73–106.

²⁵ Frank T. M. Collective security and the UN reform: between the necessary and possible // Chicago J. of Intern. Law. 2005. Vol. 2. P. 597.

²⁶ Wirt J. J. The Abbottabad raid and the theory of special operations Journal of Strategic Studies. 2021. DOI: 10.1080/01402390.2021.1933953 (дата обращения: 27.06.2022).

²⁷ Bilms K. Past as Prelude? Envisioning the Future of Special Operations // URL: <https://thestrategybridge.org/the-bridge/2021/11/12/past-as-prelude-envisioning-the-future-of-special-operations> (дата обращения: 27.06.2022).

²⁸ Robinson L. The Future of Special Operations: Beyond Kill and Capture // Foreign Affairs. 2012. 91. No. 6 (Nov.-Dec.). P. 110–122.

²⁹ Brailey M. The Transformation of Special Operations Forces in Contemporary Conflicts: Strategy, Missions, Organisation and Tactics. Land Warfare Studies Centre. Working Paper. No. 127. November 2005. P. 9–16.

³⁰ Buzan B., Hansen L. The Evolution of International Security Studies. Cambridge University Press, 2009. P. 84.

³¹ Довгань Е. Ф. К вопросу о правомерности вооруженных антитеррористических мер в контексте принципа невмешательства во внутренние дела государств // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. № 3. С. 3.

³² Валеев Д. М. Указ. соч. С. 7.

³³ Овчинский В., Жданов Ю. Организованная киберпреступность // URL: https://zavtra.ru/blogs/organizovannaya_kiberprestupnost_ (дата обращения: 26.06.2022).

³⁴ Арчаков В. Ю., Баньковский А. Л., Зенченко Е. В. Даркнет в контексте рисков национальной безопасности // Право.by. 2021. № 6 (74). С. 5.

щих пропаганду войны в праве международной и национальной безопасности государств³⁶, а нарастающие вызовы и угрозы правам и интересам субъектов информационного взаимодействия существенно влияют на безопасность государств и их союзов³⁷.

В последнем случае этому способствует тот факт, когда «избирательно трактуется принцип о неделимой безопасности» (В. Путин).

Во-вторых, амбивалентным (противоположным, двойственным) отношением к пониманию и собственно юридической природе специальных операций. Отсюда, как следствие, может ставиться вопрос об их легитимности. С одной стороны, проведение специальной операции расценивается одним субъектом, против интересов которого она направлена, как противоправное (например, нарушающее принцип невмешательства во внутренние дела государств), а свои действия законными. Наоборот, другой субъект со своей стороны в силу внутреннего законодательства и национальных интересов склонен рассматривать данное поведение как противоправное (агрессивное), единственным способом реагирования на которое является принятие ответных силовых мер (например, контртеррористических), сопровождающееся широкомасштабным использованием информационно-коммуникационных технологий. Формирующееся в последнем случае общественное мнение может стать определяющим в построении правового контура специальной операции.

В-третьих, международно-правовой статус субъектов (как правило, конвенционально неурегулированный либо *ad hoc* решаемый на основе двусторонних соглашений закрытого типа, например в отношении частных военных и охранных кампаний), осуществляющих специальные операции как на «земле» (физиче-

ское), так и в киберпространстве (виртуальное). В первом случае это может быть продиктовано условиями определенной геополитической обстановки, складывающейся на территории конкретного государства, иных территориях (объектах) (военных кораблях, воздушных судах, территориях и помещениях дипломатических и консульских представительств и пр.). Здесь может иметь значение, кто, каким образом, в каком качестве, на каких основаниях, в каких условиях (обстановке) и в каких целях осуществляет мероприятия, характеризуемые в качестве специальной операции. Это формирует соответствующий вид и объемы юридической ответственности причастных субъектов в случае нарушения ими как иностранного законодательства (нередко и национального законодательства), так и международного права. В киберпространстве особую сложность может представлять идентификация данных субъектов и физическое привлечение причастных лиц к ответственности в случае доказанного правонарушения.

В-четвертых, коллизия юрисдикций (конкурирующая юрисдикция), возникающая в ходе продвижения национальных интересов вопреки иным интересам, реализуемым в противовес международно-правовым стандартам, которые предусматривают принятие соответствующих силовых мер. Существующие формы международного сотрудничества — выдача преступников, оказание правовой помощи, обмен информацией, проведение совместных целевых специальных операций (например, в рамках СНГ³⁸ и ОДКБ³⁹ — «Прокси», «Канал», «Нелегал», «Рубеж», «Антитеррор» и др.), возврат активов, полученных в результате преступной (противоправной) деятельности, нередко подвергаются высоким рискам бюрократизации специально уполномоченных международных

³⁵ Бисмиллах М. Международно-правовой механизм урегулирования внутригосударственных конфликтов как юридическая основа политики национального примирения в Афганистане : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 137.

³⁶ Мороз Н. О. Пропаганда войны в современном международном праве // Международное гуманитарное право глазами белорусской общественности : материалы международного научного форума. Минск, 2020. С. 16–29.

³⁷ Макаров О. С. Указ. соч. С. 3.

³⁸ Межгосударственная программа совместных мер по борьбе с преступностью на 2019–2023 // URL: <https://e-cis.info/cooperation/3192/83381/> (дата обращения: 07.10.2022).

³⁹ Комитет секретарей советов безопасности ОДКБ на заседании 17 июня в Ереване обсудил меры по нейтрализации вызовов и угроз безопасности государств — членов ОДКБ // URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/komitet-sekretarey-sovetov-bezopasnosti-odkb-na-zasedanii-17-iyunya-v-erevane-obsudil-mery-po-neytra/#loaded (дата обращения: 09.07.2022).

органов и учреждений, коррумпированности со стороны заинтересованных лиц и воздействий политической сиюминутной конъюнктуры, негативно сказывающимся на своевременном и эффективном принятии решений по актуальным проблемам и связанным с ними задач, особенно при проведении специальных операций.

В-пятых, отсутствием единства по вопросам единой трактовки и правомерности применения международных санкций, несмотря на положения разд. VII Устава ООН, и контрмер (ответных мер), предлагаемых в ч. 1 ст. 30 Проекта статей об ответственности государств⁴⁰, и, как следствие, затруднением отнесения специальных операций к данным международно-правовым институтам. Практика проведения специальных операций в военно-политической сфере, правоохранительной и гуманитарной областях⁴¹ является очевидной, систематической и повсеместной, нередко опережая формирование материальных норм международного права на вновь возникающие риски, вызовы и угрозы безопасности государств.

Поэтому, несмотря на возможные дискуссии и критику правомочности отнесения специальных операций к тем или иным международно-правовым инструментариям, равно как и отождествление международных санкций и контрмер (ответных мер, принудительных мер⁴² и пр.) с формами ответственности государств, представляется целесообразным поставить вопрос об объективном *формировании международного обычая* применения специальных операций, отвечающих современным реалиям развития системы международной безопасности, стратегической стабильности государств и «вытекающих из факта существования множества государств и осознанной ими необходимости вести их взаимные отношения упорядоченным образом»⁴³.

В-шестых, склоняясь к предварительному определению международных специальных операций как *целевых, совместных (коллективных) мер либо односторонних мер, осуществляемых в порядке самообороны в ответ на риски, вызовы и угрозы безопасности государств и стратегической стабильности*, представляется возможным утверждать о формирующейся самостоятельной разновидности специальных операций «*специальные операции транснационального характера*». Транснациональные операции⁴⁴ выражают волю и интересы отдельного государства за пределами национальной юрисдикции в условиях действия в том числе «серого правового поля» (или *аномальных правовых зон*⁴⁵, например Даркнета, с участием субъектов с окончательно не урегулированным правовым статусом), в период вооруженных конфликтов «смешанного» характера (прокси-войн, гибридных войн и пр.), в условиях необоснованного и/или неправомочного применения международных санкций, умышленно ограничивающих национальный суверенитет государства в различных сферах. В частности, односторонние воздействия на экономический сектор могут выражаться в неправомочном «замораживании», аресте и даже конфискации активов как государства, так и отдельных физических и юридических лиц, росте коррупции, активизации контрабандной деятельности в отношении «санкционных» материальных ценностей, товаров и услуг, киберпреступлений в финансово-банковской сфере и, как следствие, масштабном росте «теневой» экономики (в том числе ее наиболее опасной разновидности — «черной» экономики или экономики транснациональной организованной преступности⁴⁶).

Исходя из приведенных суждений относительно понятия и сущности специальных операций с точки зрения международного права,

⁴⁰ Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries 2001 // Yearbook of the International Law Commission. 2001. Vol. II. Part 2. New York : UN 2001. GAOR 56th session. Supplement № 10 (A/56/10). P. 59–62.

⁴¹ Операции ООН по поддержанию мира // URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/where-we-operate> (дата обращения: 17.08.2022).

⁴² Бирюков П. Н. Международное право : учебное пособие. М. : Юристъ, 1998. С. 60, 214–216.

⁴³ Virally M. Panorama du droit contemporain // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. 1983-V. Dordrecht, Martimus Nijcoff, 1985. Vol. 183. P. 182.

⁴⁴ Interpol summary. Global Strategy on organized and emerging crime // URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Organized-crime> (дата обращения: 09.12.2021). P. 3.

⁴⁵ Neuman G. L. Anomalous Zones // Stanford Law Review. 1996. Vol. 48. No. 5. P. 1197–1234.

⁴⁶ Годунов И. В. Противодействие организованной преступности : учебное пособие. М., 2003. С. 134.

особо выделим их комплементарный характер. Это вызвано собственно операционалистским подходом к их восприятию. Последний, согласно позиции британских ученых Н.-Р. Кэмбелла и П.-У. Бриджмена, состоит в обязательном требовании к характеру проведения любых физических операций как операций измерения (т.е. инструментальности), отражающих физическую реальность, с одной стороны; с другой стороны — это универсальный способ формирования теоретических понятий, включая в них умственные операции (вербальные операции и манипуляции с символами), осуществляемые в эмпирических условиях применимости⁴⁷.

В нашем случае, особенно принимая во внимание доктринальные подходы, предлагаемые представителями постсоветской и западной юридической науки в исследованиях современных проблем безопасности государств (например, Е. Ф. Довгань⁴⁸, В. И. Устинов⁴⁹, М. Брайли⁵⁰, Б. Уркхарт⁵¹, Д. Э. Льюис⁵² и др.), специальные операции можно рассматривать с таких позиций, как:

— **комплексный способ** (*modus operandi*) совместных мер по идентификации, установлению и нейтрализации организаторов и активных участников (лидеров) транснациональной преступной деятельности, осуществляемой в международном масштабе, методами контролируемой поставки, оперативного эксперимента, оперативного внедрения, электронного наблюдения, равно как реализации оперативных материалов на участников международных преступных групп и мер по пресечению (нейтра-

лизации) их деятельности⁵³. В качестве примера можно привести международную операцию «Пангея XV», проводившуюся с 23 июня 2022 г. Данная операция реализовывалась под эгидой Интерпола в 94 странах по противодействию торговле незаконными фармацевтическими препаратами и медицинскими товарами, продаваемыми через Интернет. Так, только с 23 по 30 июня 2022 г. правоохранительными органами данных стран было конфисковано более 7 800 незаконных и фальшивых лекарств и товаров медицинского назначения общим объемом более 3 млн единиц, пресечена деятельность как минимум 36 транснациональных организованных преступных групп⁵⁴. Примечательно, что операция «Пангея XV» получила поддержку со стороны ряда институциональных органов и организаций — Европола, Программы УНП ООН и ВТамО по контролю контейнеров (UNODC-WCO Container Control Programme), Института фармацевтической безопасности (Россия) и др. Необходимо отметить, что практика проведения данного рода операций, по сути, началась с момента образования Интерпола (официально с 1956 г.) и активно развивается до сих пор;

— **тактическая задача** (в определенных случаях в юридической науке может использоваться термин «тактическая операция»⁵⁵), выполняемая в рамках реализации комплекса мер (традиционно в международном праве — миротворческие и принудительные меры, согласно ст. 41, 42 и 48 Устава ООН⁵⁶),

⁴⁷ Хилл Т. И. Современные теории познания : пер. с англ. М. : Прогресс, 1965. С. 327–330.

⁴⁸ Довгань Е. Ф. К вопросу о правомерности вооруженных антитеррористических мер... С. 3.

⁴⁹ Устинов В. В. Указ. соч. С. 44.

⁵⁰ Brailey M. Op. cit. P. 5.

⁵¹ Привод. по: Смирнов М. Г. Указ. соч. С. 84–85.

⁵² Льюис Д. Э. Нормы и подотчетность. Безопасность и международное сотрудничество в киберпространстве // Сборник докладов участников 15-го Международного форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности». М., 2021. С. 51–53.

⁵³ Родевич В. Ч., Тупеко С. С. Транснациональная преступность: теория и практика борьбы в Республике Беларусь. Минск, 2012. С. 104.

⁵⁴ USD 11 million in illicit medicines seized in global INTERPOL operation // URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2022/USD-11-million-in-illicit-medicines-seized-in-global-INTERPOL-operation> (дата обращения: 14.08.2022).

⁵⁵ Басецкий И. И. Тактические операции в ОРД // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2009. № 2 (18). С. 54–57.

⁵⁶ Устав ООН (полный текст) // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 17.08.2022).

направленных на достижение общей стратегической цели — восстановления и поддержания международного мира и безопасности в определенном регионе. Как, например, это происходило в ходе военной операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане (от англ. Enduring Freedom), объявленной 7 октября 2001 г. в ответ на теракты 11 сентября и декларируемой правительством США, а также странами НАТО в качестве Глобальной войны с терроризмом⁵⁷. Частными эпизодами (тактико-специальными задачами) здесь выступали операция «Страж свободы», реализованная подразделениями американского спецназа, а также операция «Решительная поддержка», выполняемая местными силовыми структурами при поддержке советников стран НАТО. Причем в итоге заявленная цель и поставленные задачи достигнуты и решены не были, о чем наглядно свидетельствовал «скоропостижный» выход коалиции из Афганистана в августе 2021 г. Иная ситуация произошла в ходе миротворческой миссии в январе 2022 г. по охране наиболее важных государственных и стратегических объектов Казахстана и оказанию помощи в поддержании правопорядка. Так, согласно ст. 4 Договора о коллективной безопасности 1992 г. и в соответствии со ст. 51 Устава ООН, по запросу Президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева, заявившего о наличии террористической угрозы⁵⁸, вызванной массовыми протестами, переросшими в Алма-Ате в вооруженные столкновения протестующих с правительственными силами. В результате ввода миротворческих сил ОДКБ (России, Беларуси, Армении, Киргизии и Таджикистана) ситуация в городе и затем

по стране была стабилизирована и взята под контроль правительственными войсками. В последовавшем заявлении 11 января 2022 г. Президента Казахстана было сказано об успешном завершении миротворческой миссии ОДКБ с 13 января 2022 г.⁵⁹;

— **стандарт поведения**, основанный на всеобщей практике сильных государств⁶⁰ и *opinio juris* (убеждение, что правило является юридическим), образуя согласно пп. «б» п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН международный обычай⁶¹, несмотря на специфические условия ограниченного (или сознательно ограничиваемого) правового пространства. Пример, военная операция России в ходе гражданской войны в Сирии (*специальные задачи на территории Сирийской Арабской Республики (САР)*)⁶², начавшаяся 30 сентября 2015 г. против террористических формирований «Аль-Каиды», «Исламского государства» и «Джебхат ан-Нусра» на стороне правительства Башара Асада и реализуемая в рамках двусторонних договоренностей России и САР. Ограниченность правового пространства здесь определялась тем, что, наряду с правительством Б. Асада, существовал альтернативный ему оппозиционный Сирийский национальный совет, признаваемый тремя постоянными членами Совета Безопасности ООН (США, Великобритания, Франция)⁶³. Однако Российская Федерация, будучи также постоянным членом Совета Безопасности ООН, рассматривая правительство Б. Асада как легитимное, обладавшее фактической государственной властью в Сирии (хотя и не на всей территории), сохранившее управление в столице и контроль над «стратегическим

⁵⁷ The Global War on Terrorism: The First 100 Days // URL: <https://2001-2009.state.gov/s/ct/rls/wh/6947.htm> (дата обращения: 17.08.2022).

⁵⁸ ОДКБ направит Коллективные миротворческие силы организации в Казахстан // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13360605?utm_source=ru.wikipedia.org&utm_medium=referral&utm_campaign=ru.wikipedia.org&utm_referrer=ru.wikipedia.org (дата обращения: 08.10.2022).

⁵⁹ Токаев назвал сроки вывода миротворцев ОДКБ из Казахстана // РИА Новости. 11 января 2022.

⁶⁰ Довгань Е. Ф. Международные организации и поддержание международного мира и безопасности. С. 75 ; *Chesterman S.* Just war or just peace? Humanitarian intervention and international law. New York : Oxford University Press, 2001. P. 220.

⁶¹ Статут Международного Суда ООН // URL: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (дата обращения: 15.08.2022).

⁶² Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» (в ред. от 04.08.2022) // URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-12011995-n-5-fz-o/> (дата обращения: 09.08.2022).

⁶³ *Perisic P.* Invitation by Intervention — When Can Consent from a Host State Justify Foreign Military Intervention? // URL: <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2019-7-4-4-29> (дата обращения: 18.08.2022).

ядром» страны⁶⁴, ответило согласием на официальную просьбу Б. Асада о военной помощи и приняло решение о проведении соответствующей военной операции экспедиционного типа. При этом действуя на основании Договора «О дружбе и сотрудничестве между СССР и Сирийской Арабской Республикой» от 08.10.1980, руководствуясь национальными интересами в данном регионе и понимая дискуссионность вопроса⁶⁵ о недопустимости принятия приглашений от правительств по поводу вмешательства во внутренние гражданские конфликты;

— **внешняя форма инерции [правовой] традиции**⁶⁶ (или инерции мышления⁶⁷), обусловленная способностью [агрессивного] отстаивания силовыми методами национальных интересов, демонстративно игнорируя основополагающие принципы и нормы международного права (парадокс действий). Так, например, на протяжении 1998 г., во время ситуации в Косово, страны НАТО в ходе военной операции «Союзная сила» (от англ. Operation Allied Force) хотя и предпочли бы руководствоваться санкцией Совета Безопасности ООН, но демонстрировали свою готовность действовать и без нее. В этой связи заслуживает внимания весьма двусмысленное признание Международной комиссии по Косово в 1999 г. данной операции как интервенции: «Комиссия заключает, что военная интервенция НАТО являлась незаконной, но легитимной. Она была незаконна, поскольку не получила предварительного одобрения Совета Безопасности ООН... Комиссия считает, что вмешательство было оправданным, потому что все дипломатические средства были исчерпаны, и интервенция привела к освобождению большинства населения Косова

от длительного периода притеснений под властью Сербии»⁶⁸. Аналогичный пример — военная операция «Иракская свобода» (от англ. Iraq Freedom), которая была начата 20 марта 2003 г. с целью лишить Ирак оружия массового уничтожения, положить конец поддержке международного терроризма Саддамом Хусейном (Аль-Каиде) и освободить иракский народ. В данном случае, помимо отсутствия соответствующего мандата Совета Безопасности, последовало еще и резонансное заявление Генерального Секретаря ООН К. Аннана, озвученное в интервью «Би-Би-Си» в 2004 г. о «незаконности вторжения США в Ирак»⁶⁹.

Отсюда с точки зрения международного права и устойчивой практики специальные операции можно классифицировать на три основных вида:

- 1) специальные военные операции;
- 2) специальные гуманитарные (миротворческие) операции (миссии);
- 3) специальные полицейские операции (международные тактические операции по борьбе с преступностью).

Соответственно, выделяются и три уровня реализации специальных операций, исходя из конкретных целей и задач, стоящих перед ними: 1) стратегический; 2) оперативный; 3) тактический.

При этом вполне допустимы и иные подходы к классификации международных специальных операций, требующие отдельных научных исследований с позиций как международного права, так и прочих юридических и иных наук современной области знаний.

Нередко специальные операции могут носить комплексный (многокомпонентный⁷⁰) характер, как на стадии планирования, так в ходе приобретения такого качества исходя из складывающейся обстановки (политической,

⁶⁴ Allison R. Russian Revisionism, Legal Discourse and the 'Rules-Based' International Order // Europe-Asia Studies. 2020.07.02. Vol. 72. Iss. 6. P. 976–995. DOI: 10.1080/09668136.2020.1773406.

⁶⁵ Visser L. Intervention by invitation and collective self-defence: two sides of the same coin? // Journal on the Use of Force and International Law. 2020.07.02. Vol. 7. Iss. 2. P. 292–316. DOI: 10.1080/20531702.2020.1834767.

⁶⁶ Карпец И. И. Преступления международного характера. М. : Юрид. лит., 1979. С. 124.

⁶⁷ Трахименко С. А. Указ. соч. С. 148.

⁶⁸ The Kosovo report: conflict, international response, lessons learned // By Independent International Commission on Kosovo. URL: urn:lcp:kosovoreportconf0000inde:lcpdf:f0582b0b-0e85-4086-8457-5450077e7f9c (дата обращения: 18.08.2022).

⁶⁹ Excerpts: Annan interview 16.09.2004 // URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/3661640.stm (дата обращения: 13.08.2022).

⁷⁰ Международное публичное право. Особенная часть : учебное пособие / Ю. П. Бровка [и др.] ; под ред. Ю. П. Бровки, Ю. А. Лепешкова, Л. В. Павловой. Минск : Амалфея, 2011. С. 483.

военно-политической (оперативной)) и прочих взаимосвязанных событий. Данному фактору способствует их изначально закрытый (секретный) характер⁷¹, как на стадии подготовки (планирования), так и, возможно, в процессе реализации, в целях достижения максимальной эффективности любыми способами и средствами⁷² и без ограничений по времени исполнения. Пример, операции Израиля «Весна молодости» и «Гнев божий» в ответ на террористический акт, совершенный во время

Олимпийских игр в Мюнхене в 1972 г. членами террористической палестинской организации «Черный сентябрь» против представителей израильской олимпийской сборной. В результате жертвами стали 17 человек. Премьер-министр Израиля Г. Меир и комитет обороны Израиля отдали специальный секретный приказ спецслужбе «Моссад» о физической ликвидации 13 лиц, прямо или косвенно причастных к данному теракту⁷³. Считается, что данная операция продолжалась около 20 лет.

⁷¹ С правовой точки зрения *секретная операция* может быть охарактеризована как комплекс неформальных (закрытых) мероприятий, проводимых под патронажем официальных органов государства, осуществляемых какой-либо военной или гражданской организацией (группой лиц или отдельными лицами на контрактной основе) в режиме высокой секретности, не имеющих статуса стандартного военного (иногда полицейского) протокола и формирующихся за счет противозаконных средств, т.е. «черного бюджета». В этой связи заслуживает интереса позиция американского исследователя М. Е. Боумана, который секретные операции подразделяет на скрытые (англ. — covert) и тайные (англ. — clandestine). В первом случае речь идет о мероприятиях, факт проведения которых скрыть невозможно, поэтому они сопровождаются мерами (как правило, политическими), чтобы скрыть или отрицать ответственность за их совершение («правдоподобное отрицание»). Во втором случае важна приоритетность того, чтобы именно факт проведения операции как таковой был незаметен (*Bowman M. E. Secrets in Plain View: Covert Action the US Way // International Law Studies Series. US Naval War College 72(1998):1. 16 p.*). Другой американский ученый-эксперт Э. Мамфорд, исследуя природу прокси-войн (или войн «чужими руками»), с одной стороны, подходит к проблеме секретных операций, отграничивая их от прокси-войн, с другой стороны, констатирует необходимость применения секретных операций в указанных войнах (*Mumford A. Proxy Warfare. Cambridge : Polity Press, 2013. P. 13*). Суммируя вышесказанное, отметим, что если речь не идет об объявленной войне, основанной на констатации факта агрессии со стороны Совета Безопасности ООН, то правомочно говорить о практике проведения военных операций в специальных формах реализации в частно-конкретных случаях и в определенных ситуациях (обстановке). Вместе с тем в современных условиях неоправданного игнорирования (интерпретирования) решений Совета Безопасности ООН, с точки зрения практики отстаивания (транс)национальных интересов и достижения стратегической стабильности, успешная реализация специальных военных операций наиболее возможна государством с «сильным суверенитетом». Однако это несколько не свидетельствует о том, что международно-правовые стандарты должны быть хоть сколько-нибудь не соблюдены.

⁷² Остается пока открытым с международно-правовой точки зрения вопрос об установлении заказчиков и исполнителей взрывов на российских трубопроводах «Северный поток — 1» и «Северный поток — 2» от 26.09.2022. В этой связи заслуживают самого пристального внимания заявления Президента России В. Путина, назвавшего однозначно и небезосновательно данные события «беспрецедентной диверсией, а по сути — акт международного терроризма...» (см.: Путин заявил Эрдогану о «беспрецедентной диверсии» на «Северных потоках» // URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/09/2022/6335db879a79479dee2e775c> (дата обращения: 29.09.2022)). Последовавший террористический акт 8 октября 2022 г. на Керченском мосту, по сути, немедленно определил своих заказчиков и исполнителей, особенно учитывая тот факт, что попыток его скрыть либо перевести формат ответственности на иную сторону не последовало. Вместе с тем в первом случае косвенные признаки и мотив сразу указали на причастность спецслужб стран НАТО, а именно США и Великобритании; во втором случае украинская сторона публично подтвердила успех своей очередной операции. Соответственно, вопрос о согласовании и проведении данного теракта Украины с указанными бенефициарами является бесспорным, равно как атака и скорое потопление российского ракетного крейсера «Москва» двумя противокорабельными ракетами «Нептун» украинского производства в ночь с 13 на 14 апреля 2022 г. по меньшей мере с тем же кругом заинтересованных участников.

⁷³ Опубликованы неизвестные подробности теракта на Олимпиаде в Мюнхене и операции по ликвидации боевиков // URL: <http://palm.newsru.com/world/25jan2006/munich.html> (дата обращения: 25.08.2022).

Не вдаваясь подробно в анализ каждой из вышеуказанных видов операций, как правило, реализуемых в различных симбиотических связях (например, война и секретная операция⁷⁴, вооруженный конфликт и кибероперации⁷⁵, антитеррористические меры и борьба с терроризмом и преступлениями террористического характера⁷⁶, борьба с транснациональной преступностью и международные тактические операции⁷⁷ и пр.), отметим дополнительно некоторые принципиально важные проблемы их международно-правового сопровождения (как на начальной стадии, в процессе реализации, так и по завершению).

Дело в том, что традиция проведения любых международных специальных операций (военных, полицейских и пр.) имеет достаточно шаткие правовые основания, как правило, компенсируемые обоснованием защиты прав человека, противодействия «антидемократическим режимам» в той или иной стране, борьбой с потенциальными угрозами (агрессией, геноцидом, терроризмом, транснациональной преступностью и пр.)⁷⁸. При этом международные акторы (зачастую сообща с негосударственными акторами), осуществляя данные операции, указывают не столько на легальные (с позиции международного права), сколько на легитимные, с их точки зрения, основания, направленные против «незаконного врага» (*hostis inustus*)⁷⁹. Пример — проведение операций США и их союзников по НАТО в гражданской войне в Ливии начиная с февраля 2011 г. без соответствующего мандата ООН. В противовес этому отметим тот факт, что вышеуказанное участие России в событиях в Сирии выглядит более убедительно хотя бы с позиции четкости, устойчивости и динамичности международно-правового контура своих действий, официально

заявленных целей и задач военно-стратегического присутствия в данной стране, их надлежащего и эффективного выполнения.

Так, например, не выглядели в свое время двусмысленными международно-правовые усилия России по сопровождению урегулирования вооруженного конфликта немеждународного характера на Украине⁸⁰, начавшегося с конца 2013 г., о чем свидетельствует заключение первого Минского соглашения (Протокола) от 05.09.2014, Минского меморандума от 19.09.2014 во исполнение п. 1 Протокола и второго Минского соглашения (официально — Комплекс мер по выполнению Минских соглашений) от 12.02.2015. Однако принятие данных документов положительной роли в урегулировании этого конфликта не сыграло, поскольку вовлеченные стороны долго и непродуктивно высказывали диаметрально противоположные точки зрения на происходящие события, ссылаясь на различные нарушения императивных норм международного права оппонентом⁸¹. Критически усугубляло ситуацию и деятельное присутствие субъектов транснационального капитала и западного политического фактора в государственных органах Украины и даже в некоторых органах государственной власти России, также заинтересованных в эскалации конфликта. С учетом этого Президентом РФ В. В. Путиным, в противовес необоснованному расширению военно-стратегического потенциала стран НАТО на восток, создающих объективные угрозы суверенитету России и нарушению концепции единой и неделимой безопасности в мире, с одной стороны, демилитаризации и денацификации территорий Луганской Народной Республики и Донецкой Народной Республики, с другой стороны, было объявлено проведение 24 февраля 2022 г. специальной военной операции.

⁷⁴ Mumford A. Op. cit. P. 13–14.

⁷⁵ Льюис Д. Э. Нормы и подотчетность. Безопасность и международное сотрудничество в киберпространстве // Сборник докладов участников 15-го Международного форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности». С. 52.

⁷⁶ Довгань Е. Ф. К вопросу о правомерности вооруженных антитеррористических мер... С. 3–12 ; Попов В. И. Указ. соч. С. 164–212

⁷⁷ Родевич В. Ч., Тулеко С. С. Указ. соч. С. 103–114 ; Самарин В. И. Интерпол. Международная организация уголовной полиции. СПб. : Питер, 2004. С. 202.

⁷⁸ Рувинский Р. З. Указ. соч. С. 283–284.

⁷⁹ Рувинский Р. З. Указ. соч. С. 283–284.

⁸⁰ Довгань Е. Ф. Международные организации и поддержание международного мира и безопасности. С. 208.

⁸¹ Довгань Е. Ф. Международные организации и поддержание международного мира и безопасности. С. 195.

И наконец, важно иметь в виду, к каким результатам привела в итоге специальная операция. Как правило, это становится очевидным по факту ее окончательного завершения, всестороннего анализа и последующей юридической оценки (например, завершение операций «Страж свободы» и «Решительная поддержка» с последующим выходом сил НАТО из Афганистана привело в итоге к реставрации режима талибов, признанных террористической организацией в ряде стран, масштабному развитию форм транснациональной преступности и ее организованных форм — незаконному обороту наркотиков, оружия, торговли людьми, органами человеческого тела и пр.). При этом следует понимать, что реализация специальной операции в условиях глобализации, интегративности информационно-коммуникационных технологий, компартиментализации современного мышления и правосознания, подмены международно-правовых стандартов узко-корпоративными правилами поведения негосударственных субъектов⁸² и связанных с ними представителей органов государств так называемого коллективного Запада создает удобную платформу для односторонних дискуссий и политических манипуляций со стороны указанных бенефициаров, исключающих даже минимальные возможности применения соответствующих международно-правовых норм.

III. Анализ приведенного материала позволяет констатировать, что *международная специальная операция* — это комплекс принудительных мер одностороннего или многостороннего характера, реализуемый правосубъектными участниками в соответствии с международно-правовыми стандартами и сопровождаемый иными не противоречащими им правовыми актами, конкретизирующими позиции участвующих сторон с целью максимального избежания конфликта национальных интересов, нарушений функционирования систем региональной и международной безопасности и обеспечения стратегической стабильности⁸³.

При обосновании легитимности любой специальной операции представляется важным установление факта, насколько она хотя и реализовывалась в соответствии с национальными

интересами и внутренним законодательством, но тем не менее была по сути своей не вопреки духу международного права, его основополагающим принципам и нормам. А существующие нарушения его максимально быстро и системно находили свое правовое, гуманитарное разрешение и формально-логическое обоснование. При этом совершенно не важно, к какому типу относится та или иная международная специальная операция, а имеет значение, какие конечные цели она преследует исходя из концепции всеобщей безопасности, минуя сиюминутные политические конъюнктуры. Особенно принципиально важное значение имеет гуманитарный аспект, а именно акцент на основных правах и свободах человека как базовой ценности и главного условия существования человечества и действенной практике их обеспечения в условиях конфликтных и постконфликтных ситуаций.

При этом имеющиеся отдельные высказывания о снижении роли международного права в урегулировании специальных операций нередко носят оценочный и уничижительный характер, неоправданно изменяющих, а порой и нарушающих правила и стандарты правового поля за счет попыток введения двойных стандартов, привлечения новых (негосударственных) акторов в сферу международных отношений в противовес правосубъектности действующих либо неоправданно расширяющих права действующих акторов за счет или вопреки интересам таких же, но «менее равных» (например, что касается «несостоявшихся государств» (failed-states)).

Манипулирование истинной реальностью современных вызовов, рисков и угроз международной безопасности, стратегической стабильности и национальным интересам в политике отдельных региональных альянсов и объединений сказывается на неоправданном расширении их полномочий и демонстрации в квазиурегулировании международных споров и ситуаций. Международно-правовой инструментарий при этом или явно нарушается, произвольно интерпретируется, или сознательно игнорируется. В этих условиях заявленная цель специальных операций может из легитимной сферы с точки зрения восприятия международного права трансформироваться в узко

⁸² *Merkushin V.* Non-state actors as quasi-subjects of transnational organised crime: implications for the security of states // *Journal of the Belarusian State University. International Relations.* 2022. No. 1. P. 66–73.

⁸³ Приведенное авторское определение международных специальных операций не претендует на безусловную универсальность, открыто для дискуссий и обсуждений.

корпоративную плоскость негосударственных субъектов и релевантно связанных с ними официальных должностных лиц.

Предлагаемая формулировка «правовое сопровождение специальных операций» и необходимость ее повсеместного применения вызваны тем, что:

- 1) нередко реализация специальных операций проводится в условиях несоблюдения (полного или частичного) недружественной (противоборствующей) стороной основополагающих принципов и норм международного права;
- 2) действующие международные соглашения, например, в сфере военно-политической, информационной безопасности и др., нередко отстают от реалий современной жизни и не могут адекватно обеспечивать (урегулировать) вновь возникающие спорные ситуации как внутригосударственного, так и международного характера;
- 3) применение имеющегося международно-правового механизма противодействия современным вызовам и угрозам нередко подвержено острой политической конъюнктуре со стороны отдельных государств и их союзников «с более сильным суверенитетом», игнорирования ими внеблокового статуса и концепции неприсоединения других субъектов, либо оспаривание международно-правового признания или непризнания новых субъектов международного права;

4) оперативное решение вновь возникающих оперативно-тактических и даже стратегических задач в ходе проведения специальных операций (демилитаризация, восстановление территорий, борьба с преступностью, защита населения и объектов критически важной инфраструктуры и пр.);

5) вынужденная смена цели специальной операции может существенно изменить ее ход, правовое и даже организационное сопровождение, что с высокой долей вероятности изменит также форму и направление последующих действий и их оценок, особенно в условиях политических ограничений.

Применение любого действующего международно-правового инструментария (например, норм международного гуманитарного права, международного уголовного права, международного экологического права, международного ядерного права и др.) в условиях реализации специальной операции необходимо и практически целесообразно. Бесспорно, что выстроенный и динамично развивающийся правовой контур в соответствии с императивными нормами и принципами международного права, усиливаемый позицией сильного суверенитета государства, придает более выгодное и обоснованное звучание действиям государств в конфликтных (критических) ситуациях, даже несмотря на их вынужденное (или приписываемое) совершение международных правонарушений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арчаков В. Ю., Баньковский А. Л., Зенченко Е. В. Даркнет в контексте рисков национальной безопасности // *Право.by*. — 2021. — № 6 (74). — С. 5–10.
2. Баньковский А. Л. К вопросу о концептуализации в сфере национальной безопасности // *Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь : материалы международной научной конференции*, Минск, 17 дек. 2021 г. — Минск : БГУ, 2021. — С. 35–39.
3. Бирюков П. Н. *Международное право : учеб. пособие*. — М. : Юристъ, 1998. — 258 с.
4. Бисмиллах М. *Международно-правовой механизм урегулирования внутригосударственных конфликтов как юридическая основа политики национального примирения в Афганистане : дис. ... канд. юрид. наук*. — М., 2014. — 159 с.
5. Богуславский М. М. *Международное частное право : учебник*. — М. : Междунар. отношения, 1994. — 416 с.
6. Валеев Д. М. *Международно-правовые основы сотрудничества по борьбе с транснациональной организованной преступностью : дис. ... канд. юрид. наук*. — Казань, 2016. — 227 с.
7. Верлуп С. В. *Национальная безопасность на государственной границе: идеи, мнения, предложения : монография*. — Минск : ВА РБ, 2017. — 156 с.
8. Гавриленко В. Г. *Правовые основы и механизмы обеспечения национальной безопасности и суверенитета Республики Беларусь*. — Минск : Право и экономика, 2019. — 1104 с.

9. Годунов И. В. Противодействие организованной преступности : учеб. пособие. — М. : Высш. шк., 2003. — 497 с.
10. Довгань Е. Ф. Договорные обязательства частей территории государства // Право.by. — 2022. — № 1 (75). — С. 95–103.
11. Довгань Е. Ф. Международные организации и поддержание международного мира и безопасности : монография. — Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. — 262 с.
12. Довгань Е. Ф. К вопросу о правомерности вооруженных антитеррористических мер в контексте принципа невмешательства во внутренние дела государств // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — № 3. — 2003. — С. 3–12.
13. Жданов Ю. Н. Принудительные меры в международном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1999. — 258 с.
14. Калугин В. Ю. Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления: уголовно-правовой анализ. — Минск : Тесей, 2002. — 144 с.
15. Карпец И. И. Преступления международного характера. — М. : Юрид. лит., 1979. — 264 с.
16. Крицкий К. В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — 186 с.
17. Купина Н. А. Идеологема «иностраный агент»: три дня в июле 2012 года // Политическая лингвистика. — 2012. — № 3. — С. 43–48.
18. Льюис Д. Э. Нормы и подотчетность. Безопасность и международное сотрудничество в киберпространстве // Сборник докладов участников 15-го Международного форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности». — М., 2021. — С. 51–53.
19. Макаров О. С. Правовое обеспечение информационной безопасности на примере защиты государственных секретов государств — участников Содружества Независимых Государств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2014. — 53 с.
20. Международное публичное право. Особенная часть : учеб. пособие. — Минск : Амалфея, 2011. — 688 с.
21. Милинчук В. В. Санкции СБ ООН как механизм обеспечения международно-правовой ответственности государств в сфере борьбы с транснациональной преступностью // Вестник Московского университета МВД России. — 2011. — № 8. — С. 211–216.
22. Михайлов Н. Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии: компетенция, источники, права, основные принципы деятельности. — М. : Издательский дом Шумиловой И. И., 2006. — 267 с.
23. Мороз Н. О. Пропаганда войны в современном международном праве // Международное гуманитарное право глазами белорусской общественности : материалы междунар. науч. форума. — Минск : БГУ, 2020. — С. 16–29.
24. Мороз Н. О. Международно-правовое сотрудничество в борьбе с преступностью в сфере высоких технологий : монография. — Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. — 266 с.
25. Овчинский В., Жданов Ю. Организованная киберпреступность // URL: https://zavtra.ru/blogs/organizovannaya_kiberprestupnost_ (дата обращения: 26.06.2022).
26. Попов В. И. Актуальные проблемы борьбы с наиболее опасными проявлениями организованной преступности : монография. — М. : СГУ, 2004. — 435 с.
27. Родевич В. Ч., Тупеко С. С. Транснациональная преступность: теория и практика борьбы в Республике Беларусь. — Минск : Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2012. — 143 с.
28. Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. — СПб. : Алетейя, 2020. — 350 с.
29. Самарин В. И. Интерпол. Международная организация уголовной полиции. — СПб. : Питер, 2004. — 202 с.
30. Смирнов М. Г. Вооруженный конфликт немеждународного характера: международно-правовой аспект : монография. — М. : Норма: Инфра-М, 2014. — 208 с.
31. Трахименок С. А. Безопасность государства. Методолого-правовые аспекты : монография. — Минск : Бел. изд. тов-о «Хата», 1997. — 192 с.
32. Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. — М. : Юрлитинформ, 2002. — 560 с.
33. Фисенко И. В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. — Минск : Тесей, 2000. — 336 с.
34. Хилл Т. И. Современные теории познания : пер. с англ. — М. : Прогресс, 1965. — 533 с.
35. Allison R. Russian Revisionism, Legal Discourse and the 'Rules-Based' International Order // Europe-Asia Studies. — 2020-07-02. — Т. 72. — Vol. 6. — P. 976–995. — ISSN 0966–8136. — DOI: 10.1080/09668136.2020.1773406.

36. *Bilms K.* Past as Prelude? Envisioning the Future of Special Operations // URL: <https://thestrategybridge.org/the-bridge/2021/11/12/past-as-prelude-envisioning-the-future-of-special-operations> (дата обращения: 27.06.2022).
37. *Brailey M.* The Transformation of Special Operations Forces in Contemporary Conflicts: Strategy, Missions, Organisation and Tactics. — Land Warfare Studies Centre. Working Paper. No. 127. November 2005. — 64 p.
38. *Bowman M. E.* Secrets in Plain View: Covert Action the US Way // International Law Studies Series. US Naval War College 72(1998):1. — 16 p.
39. *Buzan B., Hansen L.* The Evolution of International Security Studies. — Cambridge University Press, 2009. — 384 p.
40. *Frank T. M.* Collective security and the UN reform: between the necessary and possible // Chicago J. of Intern. Law. — 2005. — Vol. 2. — P. 597–611.
41. *Merkushin V. V.* Non-state actors as quasi-subjects of transnational organised crime: implications for the security of states // Journal of the Belarusian State University. International Relations. — No. 1 (2022). — P. 66–73.
42. *Mumford A.* Proxy Warfare. — Cambridge : Polity Press, 2013. — 141 p.
43. *Neuhold H.* Collective security after «Operation allied force» // Max Planck Yearbook of United Nations Law. — Vol. 4. — 2000.
44. *Neuman G. L.* Anomalous Zones // Stanford Law Review. — 1996. — Vol. 48. — № 5.
45. *Perisic P.* Invitation by Intervention — When Can Consent from a Host State Justify Foreign Military Intervention? — URL: <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2019-7-4-4-29>.
46. The continued use of the statute [FARA] as a subversive control act means that the term «foreign agent» will continue to carry pejorative connotations // Harvard Law Review. — T. 78. — № 3. — January 1965.
47. *Robinson L.* The Future of Special Operations: Beyond Kill and Capture // Foreign Affaires. — 2012. — 91. — No. 6. — Nov. — Dec.
48. *Virally M.* Panorama du droit contemporain // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. 1983. — V. Dordiecht: Martimus Nijcoff, 1985. — Vol. 183.
49. *Visser L.* Intervention by invitation and collective self-defence: two sides of the same coin? // Journal on the Use of Force and International Law. — 2020-07-02. — T. 7. — Iss. 2. — P. 292–316. — ISSN 2053-1702. — DOI: 10.1080/20531702.2020.1834767.
50. *Wirt J. J.* The Abbottabad raid and the theory of special operations // Journal of Strategic Studies. — 2021. — DOI: 10.1080/01402390.2021.1933953.

Материал поступил в редакцию 16 октября 2022 г.

REFERENCES

1. Archakov VYu, Bankovskiy AL, Zenchenko EV. Darknet v kontekste riskov natsionalnoy bezopasnosti [Darknet in the context of national security risks]. *Pravo.by.* 2021;6(74):5-10. (In Russ.).
2. Bankovskiy AL. K voprosu o kontseptualizatsii v sfere natsionalnoy bezopasnosti [On the issue of conceptualization in the field of national security]. In: *Sovremennyy mir i natsionalnye interesy Respubliki Belarus: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Minsk, 17 dek. 2021 g.* [The Modern World and the National interests of the Republic of Belarus: Proceedings of the International Scientific Conference, Minsk, 17 Dec. 2022]. Minsk: BSU Publ.; 2021. Pp. 35–39. (In Russ.).
3. Biryukov PN. *Mezhdunarodnoe pravo: ucheb. posobie* [International law: A study guide]. Moscow: Yurist Publ.; 1998. (In Russ.).
4. Bismillakh M. *Mezhdunarodno-pravovoy mekhanizm uregulirovaniya vnutrigosudarstvennykh konfliktov kak yuridicheskaya osnova politiki natsionalnogo primireniya v fganistane: dis. ... kand. yurid. nauk* [The international legal mechanism for the settlement of intra-state conflicts as the legal basis for the policy of national reconciliation in Afghanistan. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2014. (In Russ.).
5. Boguslavskiy MM. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik* [International private law: A textbook]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya Publ.; 1994. (In Russ.).
6. Valeev DM. *Mezhdunarodno-pravovye osnovy sotrudnichestva po borbe s transnatsionalnoy organizovannoy prestupnostyu: dis. ... kand. yurid. nauk* [International legal bases of cooperation in combating transnational organized crime. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Kazan; 2016. (In Russ.).

7. Verlup SV. Natsionalnaya bezopasnost na gosudarstvennoy granitse: idei, mneniya, predlozheniya: monografiya [National security at the state border: Ideas, opinions, proposals. A monograph]. Minsk: VA RB Publ.; 2017. (In Russ.).
8. Gavrilenko VG. Pravovye osnovy i mekhanizmy obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti i suvereniteta Respubliki Belarus [Legal bases and mechanisms for ensuring national security and sovereignty of the Republic of Belarus]. Minsk: Pravo i ekonomika Publ.; 2019. (In Russ.).
9. Godunov IV. Protivodeystvie organizovannoy prestupnosti: ucheb. posobie [Countering organized crime: A study guide]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; 2003. (In Russ.).
10. Dovgan EF. Dogovornye obyazatelstva chastey territorii gosudarstva [Contractual obligations of parts of the territory of the State]. *Pravo.by*. 2022;1(75):95-103. (In Russ.).
11. Dovgan EF. Mezhdunarodnye organizatsii i podderzhanie mezhdunarodnogo mira i bezopasnosti: monografiya. [International organizations and the maintenance of international peace and security: A monograph]. Minsk: Mezhdunar. un-t «MITSO»; 2016. (In Russ.).
12. Dovgan EF. K voprosu o pravomernosti vooruzhennykh antiterroristicheskikh mer v kontekste printsipa nevmeshatelstva vo vnutrennie dela gosudarstv [On the question of the legality of armed anti-terrorist measures in the context of the principle of non-interference in the internal affairs of states]. *Belorusskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy [Belarusian Journal of International Law and International Relations]*. 2003;3:3-12. (In Russ.).
13. Zhdanov YuN. Prinuditelnye mery v mezhdunarodnom prave: dis. ... d-ra yurid. nauk [Coercive measures in international law. Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow; 1999. (In Russ.).
14. Kalugin VYu. Prestupleniya protiv mira, bezopasnosti chelovechestva i voennye prestupleniya: ugolovno-pravovoy analiz [Crimes against peace, human security and war crimes: Criminal law analysis]. Minsk: Tesey Publ.; 2002. (In Russ.).
15. Karpets II. Prestupleniya mezhdunarodnogo kharaktera [Crimes of an international nature]. Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1979. (In Russ.).
16. Kritsiy KV. Sanktsii i odnostoronnie ogranichitelnye mery v sovremennom mezhdunarodnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk [Sanctions and unilateral restrictive measures in modern international law. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2019. (In Russ.).
17. Kupina NA. Ideologema «inostrannyi agent»: tri dnya v iyule 2012 goda [Ideologeme «foreign agent»: three days in July 2012]. *Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]*. 2012;3:43-48. (In Russ.).
18. Lewis DE. Normy i podotchetnost. Bezopasnost i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v kiberprostranstve [Rules and accountability. Security and international cooperation in cyberspace]. In: Sbornik dokladov uchastnikov 15-go Mezhdunarodnogo foruma «Partnerstvo gosudarstva, biznesa i grazhdanskogo obshchestva pri obespechenii mezhdunarodnoy informatsionnoy bezopasnosti» [Collection of reports of the participants of the 15th International Forum «Partnership of the state, business and Civil Society in ensuring international information security»]. Moscow; 2021. Pp. 51–53. (In Russ.).
19. Makarov OS. Pravovoe obespechenie informatsionnoy bezopasnosti na primere zashchity gosudarstvennykh sekretov gosudarstv — uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Legal provision of information security based on the case of the protection of state secrets of the member states of the Commonwealth of Independent States. Abstract of the Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow; 2014. (In Russ.).
20. Mezhdunarodnoe publichnoe pravo. Osobennaya chast: ucheb. posobie [Public International Law. Special part. A study guide]. Minsk: Amalfea Publ.; 2011. (In Russ.).
21. Milinchuk VV. Sanktsii SB OON kak mekhanizm obespecheniya mezhdunarodno-pravovoy otvetstvennosti gosudarstv v sfere borby s transnatsionalnoy prestupnostyu [UN Security Council sanctions as a mechanism to ensure the international legal responsibility of states in the fight against transnational crime]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2011;8:211-216. (In Russ.).
22. Mikhaylov NG. Mezhdunarodnyy ugolovnyy tribunal po byvshey Yugoslavii: kompetentsiya, istochniki, prava, osnovnye printsipy deyatel'nosti [The International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia: Competence, sources, rights, basic principles of activity]. Moscow: Publishing house of Shumilova II; 2006. (In Russ.).
23. Moroz NO. Propaganda voyny v sovremennom mezhdunarodnom prave [Propaganda of war in modern international law]. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo glazami belorusskoy obshchestvennosti: materialy mezhdunar. nauch. foruma [International humanitarian law through the eyes of the Belarusian public: Proceedings of the International scientific forum]. Minsk: BSU Publ.; 2020. Pp. 16–29. (In Russ.).
24. Moroz NO. Mezhdunarodno-pravovoe sotrudnichestvo v borbe s prestupnostyu v sfere vysokikh tekhnologiy: monografiya [International legal cooperation in the fight against crime in the field of high technologies: A monograph]. Minsk: Mezhdunar. un-t «MITSO»; 2017. (In Russ.).

25. Ovchinsky V, Zhdanov Yu. Organizovannaya kiberprestupnost [Organized cybercrime]. Available from: https://zavtra.ru/blogs/organizovannaya_kiberprestupnost_ [cited: June 26, 2022]. (In Russ.).
26. Popov VI. Aktualnye problemy borby s naibolee opasnymi proyavleniyami organizovannoy prestupnosti: monografiya [Current problems of combating the most dangerous manifestations of organized crime: A monograph]. Moscow: SGU Publ.; 2004. (In Russ.).
27. Rodevich VCh, Tupeko SS. Transnatsionalnaya prestupnost: teoriya i praktika borby v Respublike Belarus [Transnational crime: theory and practice of struggle in the Republic of Belarus]. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus; 2012. (In Russ.).
28. Ruvinskiy RZ. Pravoporyadok v period globalnogo krizisa: transformatsii, tendentsii, ugrozy [The rule of law during the global crisis: transformations, trends, threats]. St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2020. (In Russ.).
29. Samarina VI. Interpol. Mezhdunarodnaya organizatsiya ugovolnoy politzii [Interpol. International Criminal Police Organization]. St. Petersburg: Peter Publ.; 2004. (In Russ.).
30. Smirnov MG. Vooruzhennyy konflikt nemezhdunarodnogo kharaktera: mezhdunarodno-pravovoy aspekt: monografiya [Non-international armed conflict: international legal aspect. A monograph]. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2014. (In Russ.).
31. Trakhimenok SV. Bezopasnost gosudarstva. Metodologo-pravovye aspekty: monografiya [State security. Methodological and legal aspects. A monograph]. Minsk: Bel. izd. tov-o «Hata»; 1997. (In Russ.).
32. Ustinov VV. Mezhdunarodnyy opyt borby s terrorizmom: standarty i praktika [International experience in combating terrorism: standards and practice]. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2002. (In Russ.).
33. Fisenko IV. Borba s mezhdunarodnymi prestupleniyami v mezhdunarodnom ugovolnom prave [Combating international crimes in international criminal law]. Minsk: Tesey Publ.; 2000. (In Russ.).
34. Hill TI. Sovremennyye teorii poznaniya [Contemporary Theories of Knowledge]. Trans. from English. Moscow: Progress Publ.; 1965. (In Russ.).
35. Allison R. Russian Revisionism, Legal Discourse and the ‘Rules-Based’ International Order. *Europe-Asia Studies*. 2020;72(6):976-995. ISSN 0966-8136. DOI: 10.1080/09668136.2020.1773406.
36. Bilms K. Past as Prelude? Envisioning the Future of Special Operations. Available from: <https://thestrategybridge.org/the-bridge/2021/11/12/past-as-prelude-envisioning-the-future-of-special-operations> [cited June 27, 2022].
37. Brailey M. The Transformation of Special Operations Forces in Contemporary Conflicts: Strategy, Missions, Organisation and Tactics. Land Warfare Studies Centre. Working Paper. No. 127. November 2005.
38. Bowman ME. Secrets in Plain View: Covert Action the US Way. *International Law Studies Series. US Naval War College*. 1998;72:1-16.
39. Buzan B, Hansen L. The Evolution of International Security Studies. Cambridge University Press; 2009.
40. Frank TM. Collective security and the UN reform: Between the necessary and possible. *Chicago J. of Intern. Law*. 2005;2:597-611.
41. Megkishin VV. Non-state actors as quasi-subjects of transnational organised crime: implications for the security of states. Journal of the Belarusian State University. *International Relations*. 2022;1:66-73.
42. Mumford A. Proxy Warfare. Cambridge: Polity Press; 2013.
43. Neuhold H. Collective security after «Operation allied force». *Max Planck Yearbook of United Nations Law*. 2000;4.
44. Neuman GL. Anomalous Zones. *Stanford Law Review*. 1996;48(5).
45. Perisic P. Invitation by Intervention — When Can Consent from a Host State Justify Foreign Military Intervention? Available from: <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2019-7-4-4-29> [cited June 27, 2022].
46. The continued use of the statute [FARA] as a subversive control act means that the term «foreign agent» will continue to carry pejorative connotations. *Harvard Law Review*. 1965;78(3).
47. Robinson L. The Future of Special Operations: Beyond Kill and Capture. *Foreign Affaires*. 2012;91(6).
48. Virally M. Panorama du droit international contemporain. Cours général de droit international public (Volume 183). In: Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Available from: http://dx.doi.org/10.1163/1875-8096_ppldr_c_A9789024732487_01 [cited June 27, 2022].
49. Visser L. Intervention by invitation and collective self-defence: two sides of the same coin? *Journal on the Use of Force and International Law*. 2020;7(2):292-316. ISSN 2053-1702. DOI: 10.1080/20531702.2020.1834767.
50. Wirt JJ. The Abbottabad raid and the theory of special operations. *Journal of Strategic Studies*. 2021. DOI: 10.1080/01402390.2021.1933953.

Гражданско-правовое значение аккаунтов в социальных сетях

Аннотация. В статье раскрываются особенности и гражданско-правовое значение аккаунтов в социальных сетях. Доказывается, что аккаунту в соцсети свойственны признаки объекта гражданских прав: способность удовлетворять частные имущественные и личные неимущественные интересы субъектов; дискретность; юридическая привязка; наличие нормативно-функциональной связи с системой гражданского права. Показывается, что интеграция аккаунтов в систему гражданского права происходит на следующих уровнях: 1) гражданская правосубъектность обладателя аккаунта; 2) гражданско-правовые основания приобретения права на аккаунт в социальной сети; 3) гражданско-правовая сущность действий по использованию аккаунта, произведению «распорядительных» актов; 4) гражданско-правовой режим результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, которые возникают в рамках функционирования аккаунта; 5) гражданско-правовые последствия использования аккаунта, варьируемые в зависимости от специфики действий субъекта; 6) гражданско-правовые способы защиты прав на аккаунт и на охрану информации, содержащейся в нем; 7) гражданско-правовая ответственность, применяемая в случае нарушений прав обладателей аккаунтов либо совершения ими правонарушений. Поддерживается тезис о применении принципов гражданского права во взаимодействии с принципами информационного права в системе правоотношений, возникающих по поводу использования аккаунта. Показывается дифференциация правового статуса обладателя аккаунта (пользователя) в разрезе относительных и абсолютных правоотношений. Определяются признаки оборотоспособности аккаунта, раскрывается инструментальное значение аккаунта как правового средства достижения целей субъектов. Выявляются проблемы правовой гарантированности имущественных и неимущественных интересов пользователей в случае применения публично-правовых ограничительных мер к социальным сетям. Ставится вопрос о необходимости международно-правового регулирования отношений в сфере трансграничного функционирования социальных сетей. Делаются выводы об особенностях гражданско-правового режима аккаунтов в соцсетях. Обосновывается необходимость применения договорных инструментов для обеспечения имущественных и неимущественных интересов обладателей аккаунтов.

Ключевые слова: аккаунт; социальная сеть; соцсеть; объект гражданских прав; имущественный интерес; дискретность; юридическая привязка; системность; гражданско-правовое значение; гражданско-правовой режим; правовое средство; договоры.

Для цитирования: Ахмадуллина А. Ф. Гражданско-правовое значение аккаунтов в социальных сетях // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 12. — С. 130–144. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.130-144.

© Ахмадуллина А. Ф., 2022

* Ахмадуллина Азалия Фаридовна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры предпринимательского и энергетического права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
ул. Кремлевская, д. 18, г. Казань, Россия, 420008
azochka00@mail.ru

Civil and Legal Significance of Social Media Accounts

Azaliya F. Akhmadullina, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Business and Energy Law, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University
ul. Kremlevskaya, d. 18, Kazan, Russia, 420008
azochka00@mail.ru

Abstract. The paper reveals the features and civil legal significance of accounts in social networks. It is proved that an account in a social network is characterized by features of an object of civil rights: the ability to satisfy private property and personal non-property interests of subjects; discreteness; legal binding; the presence of a normative and functional connection with the civil law system. It is shown that the integration of accounts into the civil law system occurs at the following levels: 1) the civil legal personality of the account holder; 2) the civil legal grounds for acquiring the right to an account in a social network; 3) the civil legal essence of actions to use the account, the production of «administrative» acts; 4) the civil legal regime of the results of intellectual activity and means of individualization that arise within the framework of the functioning of the account; 5) the civil consequences of using the account, varying depending on the specifics of the actions of the subject; 6) civil legal ways to protect the rights to the account and to protect the information contained therein; 7) civil liability applied in case of violations of the rights of account holders or their commission of offenses. The author supports the thesis on the application of the principles of civil law in interaction with the principles of information law in the system of legal relations arising from the use of the account. The differentiation of the legal status of the account holder (user) in the context of relative and absolute legal relations is shown. The features of the turnover of the account are determined, the instrumental value of the account as a legal means of achieving the goals of the subjects is revealed. The author identifies some problems of legal guarantee of property and non-property interests of users in the case of application of public law restrictive measures to social networks. The paper raises a question on the need for international legal regulation of relations in the field of cross-border functioning of social networks. The author makes a conclusion about the peculiarities of the civil law regime of accounts in social networks and substantiates the necessity of using contractual instruments to ensure the property and non-property interests of account holders.

Keywords: account; social network; social; object of civil rights; property interest; discreteness; legal binding; consistency; civil law value; civil law regime; legal means; contracts.

Cite as: Akhmadullina AF. Grazhdansko-pravovoe znachenie akkauntov v sotsialnykh setyakh [Civil and Legal Significance of Social Media Accounts]. *Lex russica*. 2022;75(12):130-144. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.130-144. (In Russ., abstract in Eng.).

Сегодня человечество во всем мире проходит интенсивные трансформационные процессы, связанные с внедрением цифровых технологий. Всё более очевидным становится переход к новой общественно-экономической формации — цифровой. С позиции гражданского оборота это сопровождается концептуальным обновлением системы объектов гражданских правоотношений и способов их обращения. Правоотношения, в которых стали объектами купли-продажи виртуальная недвижимость (и даже виртуальная одежда, предметы искусства и др.), стали реальностью и новой формой инвестирования¹.

Смысловая нагрузка, которую несут нетипичные объекты гражданских прав, определяется двумя важнейшими факторами — возрастание ценности социального капитала и взаимосвязь его с капиталом классическим, материальным. В науке гражданского права актуализируется проблема существования новых, непоименованных объектов, не нашедших пока легального закрепления в нормах законодательства, но распространяющихся в сфере гражданских правоотношений².

Предметом настоящего исследования станет такой уникальный в своем роде объект, как аккаунт в соцсети, — явление, в котором тесно

¹ Дюраскье Б. Т., Кейн Ш. Ф. Виртуальные миры, реальные проблемы // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 119; Дремлюга Р. И. Виртуальная реальность: общие проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 9. С. 39–49.

² Аюшеева И. З. Цифровые объекты гражданских прав // Lex russica. 2021. Т. 74. № 7. С. 35.

переплетаются личные неимущественные и имущественные отношения.

На сегодняшний день аккаунт в соцсетях выступает одним из наиболее распространенных объектов гражданских правоотношений. В то же время его, конечно, нельзя назвать классическим объектом гражданских прав — таким, как, например, вещи. Во-первых, не достигнут академический консенсус в вопросе о том, является ли он в принципе объектом гражданских прав? Во-вторых, если аккаунт в соцсети можно признать таковым, то к каким видам объектов гражданских прав он относится? В-третьих, в чем специфика гражданско-правового режима данного объекта и какие правовые инструменты могут использовать субъекты связанных с ним отношений?

Особая природа объектов типа *sue generis* предопределяет множество теоретических дискуссий и возникновение вопросов толкования содержания прав на них на уровне правореализации, включая правоприменение.

Прежде всего, аккаунт в соцсети представляет интерес с точки зрения инструментальной теории права³, поскольку он и сам, как своеобразное «управляемое» средство, используется субъектами сообразно их частным интересам для достижения индивидуальных целей и в то же время существует во внешней среде, «соприкасается» с другими частными, общественными и публичными интересами, а значит, возникает вопрос баланса этих групп интересов.

Не удивительно, что правовой режим аккаунта в соцсетях был объектом изучения многих современных ученых. В основном, конечно, данный объект анализируется с позиции

информационного права, поскольку он носит информационный характер и существует в цифровой среде.

Об аккаунте как объекте гражданских прав писали, в частности, Е. Е. Кирсанова⁴, Л. В. Санникова, Ю. С. Харитоновна⁵. В разрезе наследственных правовых отношений аккаунт исследовался Е. С. Гринь⁶, Г. В. Киселевым⁷, М. М. Панариной⁸ и др.

Современный толковый словарь определяет аккаунт как «учетную запись, которая заводится для пользователя при регистрации в электронной системе»⁹. В диссертационном исследовании Е. Е. Кирсановой аккаунт определяется как «учетная запись пользователя в информационной системе, содержащая идентифицирующую и (или) контактную информацию о нем, а также дополнительные данные, в зависимости от свойств информационной системы и целей обработки данных (например, историю покупок, информацию об активности в интернет-сети и т.д.)»¹⁰. Итак, аккаунт предполагает наличие определенного информационного массива, отраженного в виртуальной форме в рамках информационной системы: социальной сети, личного кабинета и т.д.¹¹

Аккаунт является универсальным средством идентификации пользователя. Одной из площадок существования аккаунтов выступают соцсети.

Согласно словарю SEO-терминов, социальная сеть (от англ. *social networks*) представляет собой «интернет-площадку, сайт, которые позволяют зарегистрированным на нем пользователям размещать информацию о себе и коммуницировать между собой, устанавливая

³ См.: Сапун В. А., Турбова Я. В. Инструментальная теория права и правовые средства как элементы юридической техники // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3 (21). С. 177–188 ; Филиппова С. Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М. : Статут, 2011. 320 с.

⁴ Кирсанова Е. Е. Аккаунт как объект гражданских прав // Вестник арбитражной практики. 2020. № 2. С. 44–48.

⁵ Санникова Л. В., Харитоновна Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. М. : Принт, 2020.

⁶ Гринь Е. С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 128–134.

⁷ Киселев Г. В. Правовые проблемы наследования игровых аккаунтов в многопользовательских онлайн-играх // Право и бизнес. 2021. № 3. С. 44–47.

⁸ Панарина М. М. Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // Наследственное право. 2018. № 3. С. 29–30.

⁹ Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: около 1 500 слов / сост. Е. Н. Шагалова. М., 2011. С. 24–25.

¹⁰ Кирсанова Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 12.

¹¹ Кирсанова Е. Е. Аккаунт как объект гражданских прав. С. 45.

социальные связи. Контент на этой площадке создается непосредственно самими пользователями (UGC — user-generated content)¹².

С точки зрения права легальная дефиниция данных категорий пока не нашла своего закрепления, что, по обоснованному утверждению некоторых исследователей, выступает недостатком действующего правового регулирования¹³.

Дуалистическая правовая природа аккаунта в соцсети предопределяется тем, что, с одной стороны, он является средством индивидуализации лица и проявления его правосубъектности (через аккаунты физические и юридические лица, а также публично-правовые образования позиционируют себя и свою деятельность), с другой стороны, аккаунт есть объект, на который направлены действия субъекта. И в основе этих действий лежат частные интересы субъектов, ввиду чего сам аккаунт приобретает свойства инструмента гражданско-правового характера.

Родовая природа аккаунта как объекта гражданских прав продолжает оставаться дискуссионной. Но в то же время, как отмечают исследователи, отнесение данного объекта к имуществу (в разряде цифрового актива) устраняет соответствующие проблемы толкования¹⁴.

В судебной практике встречается квалификация аккаунта как объекта гражданско-пра-

вовых имущественных отношений (в составе элементов договора купли-продажи бизнеса)¹⁵. Но пока рано говорить о сложившейся системе правоприменения в сфере гражданского оборота данных объектов, хотя и, как справедливо отмечается в науке, судебная деятельность в части решения вопросов об определении правовых режимов нетипичных цифровых объектов является более пластичным механизмом по сравнению с деятельностью законодательной¹⁶. Например, определенный резонанс приобрели споры о разделе общего имущества супругов, в числе которого имеются имущественные права, связанные с ведением аккаунта¹⁷.

Ценность теории объектов гражданских прав позволяет сквозь призму современного гражданского оборота обнаружить правовое значение новых объектов в системе гражданского права в условиях тенденций усложнения и дифференциации явлений материального и нематериального мира.

Современная парадигма понимания объектов гражданских прав берет свои истоки в учениях дореволюционных исследователей (Д. Д. Гримма¹⁸, В. И. Сенчищева¹⁹, Г. Ф. Шершеневича²⁰), развивается в трудах советских авторов (О. С. Иоффе²¹, И. Б. Новицкого, Л. А. Лунца²², Р. О. Халфиной²³) и получает но-

¹² Словарь SEO-терминов онлайн. URL: https://seo.slovaronline.com/301-социальная_сеть?ysclid=I82r392179732912105 (дата обращения: 15.09.2022).

¹³ Шихамиров И. С. Интернет-аккаунт как объект гражданских прав: практика обращения и перспективы использования категории «аккаунт», «учетная запись» // *Цифровая наука*. 2021. № 6-2 С. 86–87.

¹⁴ Кирсанова Е. Е. Аккаунт как объект гражданских прав. С. 45 ; Кириллова Е. А., Зульфикарзаде Т. Э., Метелёв С. Е. Институт цифровых прав в гражданском праве России // *Правоприменение*. 2022. Т. 6. № 1. С. 248.

¹⁵ См., например: постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2018 № 13АП-30540/2017 по делу № А21-6695/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Кирсанова Е. Е. Аккаунт как объект гражданских прав. С. 44–46 ; Суворов Е. Д. Применение принципов договорного права к договорным отношениям, осложненным цифровым элементом // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 1. С. 116.

¹⁷ Новостной портал «ТАСС». URL: https://tass.ru/obshchestvo/10169613?utm_source=zakon.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=zakon.ru&utm_referrer=zakon.ru (дата обращения: 20.09.2022).

¹⁸ Гримм Д. Д. К учению об объектах гражданских прав // *Вестник права : журнал Санкт-Петербургского юрид. общества*. 1905. Кн. 7. С. 157–196 ; Кн. 8. С. 103–123.

¹⁹ Сенчищев В. И. Объект гражданского правоотношения // *Актуальные проблемы гражданского права : сборник статей / под ред. М. И. Брагинского ; Исследовательский центр частного права, Российская школа частного права*. М. : Статут, 1998. 464 с.

²⁰ Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Введение. Общая часть. Особенная часть Тула : Автограф, 2001. 720 с.

²¹ Иоффе О. С. Спорные вопросы учения о гражданском правоотношении // *Избранные труды по гражданскому праву*. М. : Статут, 2000. 777 с.

²² Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательствах. М. : Юридическая литература, 1950. 412 с.

²³ Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении: М. : Юридическая литература, 1974. С. 21.

вое прочтение в работах современных ученых (Л. А. Чеговадзе²⁴, В. А. Белова²⁵ и др.²⁶).

Многообразие и динамика гражданско-правовых отношений предопределили наибольшую доктринальную популярность плюралистической концепции объектов гражданских прав²⁷, согласно которой под таковыми понимаются разнообразны́е предметы и явления: материальные, нематериальные блага, поведение, результаты деятельности и творчества, другие объекты, имеющие определенную ценность.

Какими бы специфичными объекты гражданских прав ни были, представляется, что ставшая уже классикой формула, предложенная выдающимися дореволюционными, советскими и современными цивилистами, применима к любого рода объектам. Объект гражданских прав — это всегда благо для субъекта, представляющее для него какую-то ценность, способное удовлетворить частный интерес.

Объекты гражданских прав в объективном смысле — это некие абстракции, отражающие обобщенные признаки материальных, нематериальных благ и различных правовых явлений, по поводу которых могут возникать гражданско-правовые отношения. Когда указанный в нормах права объект воплощается в конкретных отношениях, он становится объектом гражданского правоотношения, являясь в нем одновременно объектом субъективных гражданских прав и обязанностей. Как утверждал М. Ю. Чельшев, если по поводу того или иного объекта возникают правоотношения, но в нормативно закреплённом перечне объектов гражданских прав он отсутствует, этот объект все равно будет

таковым являться в том смысле, в котором ему отводится **гражданско-правовое значение**²⁸. Это гражданско-правовое значение выражается прежде всего в охраноспособности объекта, его участии в гражданских правоотношениях, в способности удовлетворения интересов субъектов²⁹.

Правовое положение уникальных объектов и интеграция их в систему гражданского права оценивается при помощи выявления устойчивых признаков, характеризующих их как объекты гражданского права. Представляется, что наибольшую гносеологическую и методологическую ценность несет в себе разработанная в трудах профессора В. А. Лапача концепция, которая предлагает универсальные свойства объектов гражданских прав: **способность удовлетворять потребности субъектов, дискретность, юридическая привязка, системность**³⁰.

Многофункциональность аккаунта в соцсетях сегодня предопределяется отношением к нему как к экономическому и социальному благу, становящемуся неотъемлемым условием интеграции лица в общественную среду и участия его в гражданском обороте.

В основе деятельности субъектов по созданию, использованию аккаунтов в соцсетях лежит взаимосвязь личных неимущественных и имущественных интересов. Коммерческая ценность аккаунтов определяется их особыми параметрами (количество подписчиков, уникальный контент, длительное существование и т.д.). Аккаунты стали самостоятельными объектами оборота (например, «прокачанный» игровой аккаунт, аккаунт — «личный бренд», бизнес-аккаунт и т.д.). Специалисты также сравнивают

²⁴ Чеговадзе Л. А. Структура и состояние гражданского правоотношения : монография. М. : Статут, 2004. 542 с.

²⁵ Белов В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота : сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2007. С. 6–77.

²⁶ См., например: Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чикильдина А. Ю. Объекты гражданских прав: новые векторы исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2013. № 4 (21). С. 9.

²⁷ См.: Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. 192 с. ; Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М. : Юридическая литература, 1981. Т. 2. 354 с. ; Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права : учебник. М. : Проспект, 2001. 656 с.

²⁸ Чельшев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2009. С. 90.

²⁹ Ахмадуллина А. Ф. Инсайдерская информация как объект гражданских прав // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2016. Т. 158. № 2. С. 361.

³⁰ Лапач В. А. Система объектов гражданских прав в законодательстве России : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. С. 14.

аккаунт с аналогом клиентской базы, где собраны потенциальные и реальные потребители товаров, работ, услуг³¹.

Уникальность аккаунта как объекта гражданских прав определяется собственным набором критериев установления его ценности и включения в гражданский оборот. Эти критерии отличаются от применимых к таким «классическим» объектам, как, например, вещи, полезность которых обусловлена возможностями физического обладания и материального использования. Ценность аккаунта заключена в содержании информации, которую он аккумулирует.

Некоммерческие интересы связываются с коммуникативными аспектами, получением нематериальных благ (развлекательных, связанных с образованием, приобретением профессиональных, личных навыков и т.д.), наращиванием «социального капитала». Кроме того, создавая учетную запись, пользователь, даже если не будет наполнять свой аккаунт определенным содержанием, как участник социальной сети получит доступ к информации, размещаемой другими пользователями.

Аккаунт в соцсети — пример такого объекта гражданских прав, смысл существования которого и содержательность наполняют сами обладатели, в чем и проявляется пластичность, способность к диверсифицированному использованию. В то же время широкий спектр возможностей для субъектов порождает проблему сложно уловимой грани между предпринимательскими и непредпринимательскими целями использования соответствующего инструмента.

В целом же информационная составляющая при характеристике аккаунта является определяющим свойством данного объекта прав. В субъективном ключе аккаунт — ценное благо для его обладателя. В объективном плане (во внешней среде) ценность аккаунта заключается в имущественно-стоимостном аспекте, и в этой части он может приобретать свойства оборотоспособного объекта гражданских прав — товара. Исходя из классификации оборотоспо-

собности, воспринятой в науке гражданского права³², аккаунт можно охарактеризовать как оборотоспособный объект, но включение его в гражданский оборот происходит с определенной спецификой (относительная оборотоспособность).

Как и любой объект гражданских прав, аккаунт в соцсети характеризуется **дискретностью** — определемостью, измеримостью, идентификацией³³. В техническом плане дискретность по отношению к цифровым объектам выражает наличие особых правил учета объекта (запись в распределенном реестре)³⁴. В юридическом плане дискретность аккаунта заключается в возможности его идентификации как самостоятельной единицы в цифровом пространстве. Но в то же время аккаунт нельзя назвать линейным объектом, имеющим физические параметры, определяющие его границы. Данный объект характеризуется динамикой содержательной стороны. Субъект периодически видоизменяет аккаунт, наполняет новой информацией либо, наоборот, удаляет данные.

Юридическая привязка как признак объекта гражданских прав характеризует свойство правовой принадлежности объекта (характер субъектно-объектной связи). Аккаунт, как правило, носит персонифицируемый характер. Основная юридическая привязка раскрывается через наличие специального субъективного права лица (физического, юридического, публично-правового образования) на соответствующий объект. Однако вид, содержание, особенности реализации гражданских прав и обязанностей имеют свою специфику ввиду особой информационной природы аккаунта.

По утверждению Е. А. Кирилловой, Т. Э. Зулфагарзаде, С. Е. Метелова, «право на аккаунт нельзя отнести к традиционным имущественным правам, так как аккаунт представляет собой нематериальное цифровое имущество, созданное в результате творческой деятельности и используемое как средство взаимодействия между гражданами на информационных пло-

³¹ Кирсанова Е. Е. Аккаунт как объект гражданских прав. С. 46–48 ; Шихамиров И. С. Указ. соч. С. 84.

³² См.: Виниченко Ю. В. Оборотоспособность и правовой режим объектов гражданских прав: соотношение понятий // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 6. С. 116–120 ; Дерюгина Т. В., Иншакова А. О. Оборотоспособность и правовой режим объектов гражданских прав: соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6. С. 31–34.

³³ Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. С. 56.

³⁴ Кириллова Е. А., Зулфагарзаде Т. Э., Метелёв С. Е. Указ. соч. С. 250.

щадках»³⁵. Вместе с тем данному праву присущ имущественный эффект.

Аккаунт в соцсети есть объект, по поводу которого складываются как абсолютные, так и обязательственные правоотношения. Абсолютному субъективному праву обладателя аккаунта противостоят обязанности неопределенного круга лиц (пользователей сети Интернет). Относительные обязательственные правоотношения возникают между обладателем аккаунта и обладателем прав на электронную площадку, в рамках которой аккаунт зарегистрирован, а также между обладателем аккаунта и иными пользователями. Дифференциация правового статуса «обладатель» и «пользователь» обусловлена характером абсолютной или относительной правовой связи. С позиции относительного правоотношения субъект, которому предоставлено право на использование цифровой платформы через его аккаунт, — это пользователь³⁶. В ключе абсолютного правоотношения специфика субъективного гражданского права на аккаунт в соцсети определяется правомочиями лица как обладателя соответствующего цифрового объекта (наличие доступа к аккаунту и информации, содержащейся в нем); использование (извлечение полезного эффекта); а также определение юридической судьбы аккаунта (обладатель вправе удалить аккаунт, совершить иные «распорядительные» акты — предоставить в пользование другим лицам, произвести отчуждение и т.д.).

Правомочие пользования, предоставленное в пользование, отчуждение аккаунта приобретают свойства правовых средств достижения целей. Центральным элементом права использования аккаунта выступает возможность размещения информации, не запрещенной законом и правилами пользовательского соглашения. Например, обладатель вправе разместить в аккаунте персональные данные, произведения творчества и т.д.

В качестве дополнительных инструментов, связанных с достижением коммерческих целей субъекта, можно назвать право на ограничение доступа к аккаунту и, например, размещение «платной подписки».

Обладатель аккаунта вправе применить и специальные договорно-правовые инструменты, направленные на развитие аккаунта (применение таргетированной рекламы, комплекс услуг SMM по продвижению аккаунта, предоставление аккаунта как рекламной площадки и т.п.).

И если рассматривать аккаунт как «товар», годный к включению в гражданский оборот, то в отношении него обладатель может произвести, в частности, следующие юридически значимые действия: отчуждение «раскрученных» аккаунтов с большой аудиторией или предоставление в пользование.

Признак системности как свойство объекта гражданских прав показывает интеграцию объекта в систему гражданского права на различных уровнях. Взаимодействие объекта с системой гражданского права проявляется на следующих уровнях: нормативном (когда элементы правоотношений по поводу объекта имеют связь с элементами системы гражданского права как отрасли права); на функциональном (нормы гражданского права напрямую не регулируют отношение, однако существо правоотношений предопределяет применение к ним гражданско-правовых принципов, конструкций и содержащихся в них частноправовых инструментов).

Нормативно-функциональная связь аккаунта в соцсети с элементами системы гражданского права проявляется в следующих аспектах:

1. *Гражданская правосубъектность обладателя аккаунта*, содержание которой индивидуализируется в пользовательском соглашении³⁷. Права и обязанности обладателя аккаунта носят частноправовой характер и, в

³⁵ Кириллова Е. А., Зульфегарзаде Т. Э., Метелёв С. Е. Указ. соч. С. 250.

³⁶ Пользовательское соглашение социальной сети «ВКонтакте» // URL: <https://vk.com/terms?ysclid=184bjkx6sg941250411>.

³⁷ На практике мало кто из граждан изучает условия пользовательских соглашений. Как правило, соглашения содержат широкий перечень ограничений прав субъекта. Например, пользовательское соглашение популярной среди подростков сети Likee предусматривает, что пользовательский контент, связанный с сервисами Likee, предоставляется Likeme и его сублицензиатам, а также предоставляются бесплатные, постоянные, неотъемлемые, неисключительные и полностью сублицензируемые права и позволение, без каких-либо территориальных или временных ограничений и без каких-либо согласований и/или компенсаций, на использование, копирование, изменение, публикацию, перевод, редактирование, распоряжение, создание производных работ, распространение, выполнение и публичное отображе-

сущности, являются инструментом удовлетворения частных неимущественных и имущественных интересов субъектов.

2. *Приобретение права на аккаунт по гражданско-правовым основаниям.* Право самого создателя аккаунта носит производный характер, поскольку вытекает из пользовательского соглашения. При этом возможно и дальнейшее включение аккаунта в гражданский оборот. Например, развивается целый сегмент электронной торговли в сфере купли-продажи «премиум игровых аккаунтов»³⁸. В этом случае коммерческая ценность аккаунта выражена в улучшениях, произведенных с объектами игры. Передача прав пользования личным аккаунтом в «классических» социальных сетях теоретически возможна (возмездно/безвозмездно), но возникает вопрос соблюдения интересов третьих лиц. Так как аккаунт носит персонифицированный характер, остальные пользователи должны быть уверены в том, что взаимодействуют именно с тем лицом, которое указано в наименовании аккаунта. В качестве основного правового инструмента защиты интересов неопределенного круга лиц (иных пользователей социальной сети) пользовательские соглашения предусматривают, что ответственность за предоставление соответствующего доступа несет лицо, указанное в пользовательском соглашении³⁹.

3. *Гражданско-правовая сущность действий по использованию аккаунта, производству «распорядительных» действий и применение инструментов гражданского права.* Наполнение аккаунта определенным контентом (содержанием) — выражение субъективного частного права обладателя, совершаемого по его собственному усмотрению с учетом некоторых ограничений. Все действия обладателя условно сводятся к двум типам: создание новой информации либо размещение сведений, уже созданных ранее. Здесь границы субъективного

права обладателя аккаунта упираются в необходимость соблюдения прав и законных интересов третьих лиц (например, при размещении результатов интеллектуальной деятельности в цифровой форме), а также учета общественных и публичных интересов.

На уровне относительных обязательственных правоотношений применение гражданско-правовых средств договорного права выражается в следующем. Для увеличения ценности аккаунта пользователи используют комплекс сделок, гражданско-правовые конструкции которых носят смешанный характер. По утверждению О. С. Гринь, квалификация гражданско-правовых договоров, заключаемых по поводу объектов цифровых прав и иных объектов цифровой среды, опирается на специфику соответствующих объектов⁴⁰. В развитие данного тезиса отметим, что характер конструкций гражданско-правовых договоров обусловлен и целями субъектов. Например, пользователь может заключать дополнительные соглашения с обладателем цифровой площадки о применении инструментов таргетированной рекламы. Или же пользователь обращается к третьим лицам для получения услуг, направленных на наполнение аккаунта определенной информацией (контентом).

4. *Гражданско-правовой режим результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации,* если таковые возникают либо используются обладателем аккаунта или третьими лицами. Отдельные аспекты оборота соответствующих объектов определяются в пользовательском соглашении. Основы же гражданско-правового режима объектов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации построены на нормах гражданского права.

5. *Гражданско-правовые последствия использования аккаунта,* варьируемые от специ-

ние контента и/или включение данного пользовательского контента в существующие или будущие формы работы, средства массовой информации (см.: URL: <https://likee.video/agreement?ysclid=188f4845ww944024146> (дата обращения: 19.09.2022)).

³⁸ См.: Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127–150 ; Волчек Е. Жизнеспособность игровых аккаунтов и виртуальных игровых объектов в деле о банкротстве // URL: https://zakon.ru/blog/2020/4/9/zhiznesposobnost_igrovyyh_akkauntov_i_virtualnyh_igrovyyh_obektov_v_dele_o_bankrotstve?ysclid=184ccf4erb708603491 (дата обращения: 19.09.2022).

³⁹ См., например: п. 4 пользовательского соглашения приложения Likee // URL: <https://likee.video/agreement?ysclid=188f4845ww944024146> (дата обращения: 19.09.2022).

⁴⁰ Гринь О. С. Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав // Lex russica. 2020. Т. 73. № 10. С. 22.

фики действий субъекта. Например, «обучающие» аккаунты связываются с последствиями обеспечения неимущественных и имущественных интересов «потребителей» соответствующей информации.

6. *Гражданско-правовые способы защиты прав на аккаунт и на охрану информации, содержащейся в нем.* Гражданско-правовая защита прав обладателя аккаунта опирается на трехзвенную систему: 1) общие способы защиты гражданских прав согласно ст. 12 ГК РФ⁴¹; 2) способы защиты информации, составляющей содержание аккаунта (межотраслевой инструментарий гражданско-правового, информационного законодательства); 3) специальные способы защиты, предусмотренные статьей 1250 ГК РФ⁴² в отношении результатов интеллектуальной деятельности.

В числе первичных способов защиты гражданских и иных связанных с ними прав обладателя аккаунта выступает самозащита. Обладатель вправе по своему усмотрению определить перечень технических мер, направленных на сохранение конфиденциальности информации (установить пароли доступа и т.д.); публично заявить, что любая информация, размещенная в аккаунте, может использоваться третьими лицами только с согласия обладателя; ограничить доступ к аккаунту и т.д. Но при этом надо понимать, что опубликование сведений в аккаунте означает юридический факт трансформации правового режима информации (информация ограниченного доступа преобразуется в информацию общедоступную).

Особенность гражданско-правовых способов защиты прав обладателя аккаунта определяется информационной природой соответствующего цифрового актива (т.е. применяются межотраслевые правовые инструменты, предусмотренные информационным законодательством), а также специальными способами охраны результатов интеллектуальной деятельности. Так, в качестве специальных информационно-технических средств защиты применяется предоставляемый цифровой площадкой набор инструментов (защита от спама, защита от оскорблений в комментариях, от блокирования аккаунта и т.д.).

Правовые средства защиты, реализуемые в охранительных правоотношениях, связанных с аккаунтами, опираются на специфику нарушенного права (законного интереса) и охраняемого блага. Например, только что зарегистрированный аккаунт не имеет коммерческой ценности, но если аккаунт имеет большое число подписчиков, пользуется популярностью, то здесь актуализируются аспекты, связанные со злоупотреблением правом. Например, «присвоение» чужих данных для идентификации аккаунта, создание ложных страничек в соцсети с использованием имени (личного бренда) известной персоны.

7. *Гражданско-правовая ответственность обуславливается характером правонарушения, а также иными обстоятельствами.* Реализация мер гражданско-правовой ответственности дифференцируется. Например, если обладатель аккаунта нарушил права на результаты интеллектуальной деятельности, то к нему применяются санкции в соответствии с условиями пользовательского соглашения и нормой ст. 1250 ГК РФ.

В то же время в части ответственности есть своя специфика. Имущественные последствия блокирования аккаунта, в сущности, представляют собой определенные санкции для субъекта, неблагоприятные для его гражданско-правовой активности и зачастую влекущие для него имущественные ущербы. В данной связи уместно привести аналогию с такой публично-правовой формой ответственности, как приостановление или прекращение деятельности. Таким образом, блокирование аккаунта выступает как специальная мера ответственности за виновные противоправные действия пользователя.

И главное, что хотелось бы отметить в контексте исследования интеграции аккаунтов в систему гражданского права, это то, что отношения по поводу функционирования аккаунта в социальной сети опираются на систему принципов частного права. Существование объекта в цифровой среде ни в коем случае не умаляет применения основополагающих принципов добросовестности, запрета на злоупотребление правом, недопустимости вмешательства в частные дела, автономии воли и др.

⁴¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁴² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

Е. Д. Суворов, проводя исследование правоотношений, осложненных цифровым элементом, доказывает применение принципов гражданского права, показывая при этом проявление дифференциации принципов на различных стадиях существования обязательств⁴³. Более того, именно принципы выступают правовыми ориентирами для правореализационной деятельности субъектов в соцсети, а в разрезе правоприменительной деятельности — средствами разрешения конфликтов по поводу нетипичных объектов гражданских прав, если отсутствует нормативное регулирование.

Поскольку исследуемый объект существует в цифровой среде и связан с информационными правоотношениями, то правовое регулирование гражданско-правовых отношений с его обращением также опирается на систему принципов информационного права⁴⁴. Эти принципы определяются балансом частных, общественных и публичных интересов субъектов, связанных с информацией.

Как известно, в марте 2022 г. Роскомнадзор исключил Instagram и Facebook, принадлежащие организации Meta (экстремистская организация, запрещенная на территории РФ) из реестра соцсетей⁴⁵. В данном правовом пространстве, очевидно, проявляется приоритет принципа защиты публичных интересов при регулировании отношений в сфере социальных сетей. Санкции были применены целостно «ко всей социальной сети», без дифференцированного подхода в отношении пользователей. При этом не учитывались интересы малого и среднего предпринимательства, для которого заблокированные социальные сети были основной торговой площадкой, не говоря уже о последствиях для блогеров-миллионников, вложивших в развитие аккаунтов значительные финансовые, интеллектуальные, иные ресурсы. Корень проблемы видится не только в политических условиях последнего времени, но и в отсутствии международно-правовых регуляторов в части охраны имущественных и неимущественных интересов пользователей трансграничных социальных сетей.

С одной стороны, интересы обладателя аккаунта ограничены условиями пользовательского соглашения и публично-правовыми требованиями. С другой стороны, один конкретный аккаунт как единица вносит вклад в функционирование всей социальной сети, производя ни с чем не сравнимый социальный и коммерческий ресурс. Суммарное множество всех пользователей создает динамику гражданского оборота и в рамках соответствующей платформы, и за ее пределами. Одним из проявлений данной взаимосвязи является формирование так называемых больших пользовательских данных — *Big Data*⁴⁶. Но ведь, если взглянуть на закономерности развития наиболее популярных социальных сетей, то очевидными становятся выводы о том, что именно сами пользователи делают сеть «социальной», создавая небывалый по социальному и экономическому масштабу «информационный продукт». Отсюда вполне разумными (но пока утопичными) выглядят размышления о том, что новая матрица существования социальных сетей должна выстраиваться на принципах возмездности, что на практике будет означать стимулирование и коммерциализацию активности пользователей. Подобный подход уже воспринят в популярной сети, в которой размещается видеоконтент: пользователи развивают свой аккаунт, формируя контент, а платформа выплачивает им гонорар, размер которого зависит от достигнутых результатов. Философско-правовые вопросы при этом возникают в части ценностно-содержательной функции аккаунтов. Конечно, в идеале социальные сети должны быть площадками развития личности, приносящими морально-нравственные качества и идеи.

Итак, аккаунт в социальной сети представляет собой сложный многосоставной объект гражданских прав с информационной составляющей, в котором переплетаются и элементы цифровых прав, и элементы прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а также иные элементы системы гражданского права.

⁴³ Суворов Е. Д. Указ. соч.

⁴⁴ Минбалеев А. В. Принципы информационного права // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2015. Т. 15. № 1. С. 79–84.

⁴⁵ Официальный сайт Роскомнадзора. URL: https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74180.htm?ysclid=l8adzxy980236961180&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru.

⁴⁶ Аюшеева И. З. Указ. соч. С. 38.

В. А. Лапач пишет, что «смысл категории объектов гражданских прав заключается в установлении для них определенного гражданско-правового режима, то есть возможности или невозможности совершения с ними определенных действий, влекущих известный юридический (гражданско-правовой) результат»⁴⁷.

Уникальность такого объекта, как аккаунт в социальной сети, предполагает выстраивание многофункционального гражданско-правового режима, содержание которого определяется характером целей субъектов, а также необходимостью поддержания баланса частных, общественных и публичных интересов.

Вряд ли целесообразно нормативно закреплять все виды цифровых объектов в перечне объектов гражданских прав: законодательство просто не поспевает за темпами развития цифровой реальности. Для целей регуляции аккаунта в социальной сети пока нет необходимости во включении его в число объектов гражданских прав. В то же время практическую важность приобретает вопрос применения правового инструментария, которым наделяются субъекты частноправовых отношений.

Для обладателей аккаунтов наиболее гибкими правовыми средствами обеспечения комплекса имущественных и личных неимущественных интересов и достижения целей, связанных с функционированием аккаунта, выступают договорные регуляторы⁴⁸. В силу специфики цифровой среды большинство договоров носит непоименованный, смешанный характер, сочетая элементы различных гражданско-правовых договорных конструкций.

Во избежание правовой неопределенности для целей надлежащей юридической квалификации правового режима аккаунта и прав на него в семейно-правовых, наследственных, трудовых и иных отношениях обладателям аккаун-

тов следует использовать договоры, содержащие условия, касающиеся:

- 1) правовой принадлежности аккаунтов;
- 2) содержания права на информацию;
- 3) предоставления доступа к аккаунту;
- 4) мер гражданско-правовой ответственности;
- 5) правового режима исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, формируемые (публикуемые, передаваемые и т.д.) в связи с ведением аккаунта;
- 6) иных условий, которые субъекты посчитают значимыми для включения в договор.

Недалеки те времена, когда аккаунт в социальной сети станет способом идентификации, персонификации гражданина, а также основным средством осуществления предпринимательских и других гражданско-правовых отношений, способом получения государственных, образовательных, социальных, иных услуг, пространством с собственной цифровой валютой. В условиях конкуренции социальных сетей каждая из них борется за пользователей, предоставляя те или иные опции и стимулы. Цифровая трансформация потребует новых правовых средств (в том числе международно-правовых) воздействия на среду, связанную с функционированием аккаунтов в соцсетях. Правовой инструментарий должен опираться, с одной стороны, на механизмы саморегулирования, а с другой стороны, на правовые ограничения с целью поддержания баланса частных, общественных и публичных интересов. С позиции частного права эффективность правовых средств воздействия на цифровую среду будет определяться степенью реализации возможностей пользователей и свободы их усмотрения, защищенностью и правовой гарантированностью имущественных и личных неимущественных интересов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. — М., 1940. — 192 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 2. — М. : Юридическая литература, 1981. — 354 с.

⁴⁷ Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. С. 111.

⁴⁸ О регуляторах в праве см.: Чельшев М. Ю. Регуляторы в гражданско-правовой сфере: сущность правового явления // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2013. Т. 155, кн. 4. С. 189–195 ; Михайлов А. В. Регуляторы в сфере действия предпринимательского права // Там же. 2015. Т. 157, кн. 6. С. 133–141.

3. Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чикильдина А. Ю. Объекты гражданских прав: новые векторы исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. — Серия 5, Юриспруденция. — 2013. — № 4 (21). — С. 8–14.
4. Ахмадуллина А. Ф. Инсайдерская информация как объект гражданских прав // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2016. — Т. 158. — № 2. — С. 359–371.
5. Аюшеева И. З. Цифровые объекты гражданских прав // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 7. — С. 32–43.
6. Белов В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота : сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. — М. : Статут, 2007. — С. 6–77.
7. Виниченко Ю. В. Оборотоспособность и правовой режим объектов гражданских прав: соотношение понятий // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2013. — № 6. — С. 116–120.
8. Волчек Е. Жизнеспособность игровых аккаунтов и виртуальных игровых объектов в деле о банкротстве // URL: https://zakon.ru/blog/2020/4/9/zhiznesposobnost_igrovyyh_akkauntov_i_virtualnyh_igrovyyh_obektov_v_dele_o_bankrotstve?ysclid=184ccf4erb708603491 (дата обращения: 19.09.2022).
9. Гримм Д. Д. К учению об объектах гражданских прав // Вестник права. Журнал Санкт-Петербургского юридического общества. — 1905. — Кн. 7. — С. 157–196 ; — Кн. 8. — С. 103–123.
10. Гринь Е. С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 2. — С. 128–134.
11. Гринь О. С. Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 10. — С. 21–31.
12. Дерюгина Т. В., Иншакова А. О. Оборотоспособность и правовой режим объектов гражданских прав: соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 6. — С. 31–34.
13. Дремлюга Р. И. Виртуальная реальность: общие проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 9. — С. 39–49.
14. Дюраскье Б. Т., Кейн Ш. Ф. Виртуальные миры, реальные проблемы // Правоведение. — 2013. — № 2 (307). — С. 115–134.
15. Иоффе О. С. Спорные вопросы учения о гражданском правоотношении // Избранные труды по гражданскому праву. — М. : Статут, 2000. — 777 с.
16. Кириллова Е. А., Зульфазгарзаде Т. Э., Метелёв С. Е. Институт цифровых прав в гражданском праве России // Правоприменение. — 2022. — Т. 6. — № 1. — С. 245–256.
17. Кирсанова Е. Е. Аккаунт как объект гражданских прав // Вестник арбитражной практики. — 2020. — № 2. — С. 44–48.
18. Кирсанова Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2021. — 27 с.
19. Киселев Г. В. Правовые проблемы наследования игровых аккаунтов в многопользовательских онлайн-играх // Право и бизнес. — 2021. — № 3. — С. 44–47.
20. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. — 542 с.
21. Минбалеев А. В. Принципы информационного права // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». — 2015. — Т. 15. — № 1. — С. 79–84.
22. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права : учебник. — М. : Проспект, 2001. — 656 с.
23. Михайлов А. В. Регуляторы в сфере действия предпринимательского права // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2015. — Т. 157, кн. 6. — С. 133–141.
24. Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательствах. — М. : Юридическая литература, 1950. — 412 с.
25. Панарина М. М. Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // Наследственное право. — 2018. — № 3. — С. 29–30.
26. Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. — 2014. — № 1. — С. 127–150.
27. Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. — М. : Принт, 2020. — 304 с.
28. Сапун В. А., Турбова Я. В. Инструментальная теория права и правовые средства как элементы юридической техники // Ленинградский юридический журнал. — 2010. — № 3 (21). — С. 177–188.

29. Сенчищев В. И. Объект гражданского правоотношения // Актуальные проблемы гражданского права : сборник статей / под ред. М. И. Брагинского ; Исследовательский центр частного права. Российская школа частного права. — М. : Статут, 1998. — 464 с.
30. Суворов Е. Д. Применение принципов договорного права к договорным отношениям, осложненным цифровым элементом // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 1. — С. 109–121.
31. Филиппова С. Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. — М. : Статут, 2011. — 320 с.
32. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. — М. : Юридическая литература, 1974. — 351 с.
33. Чеговадзе Л. А. Структура и состояние гражданского правоотношения : монография. — М. : Статут, 2004. — 542 с.
34. Чельшев М. Ю. Регуляторы в гражданско-правовой сфере: сущность правового явления // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2013. — Т. 155, кн. 4. — С. 189–195.
35. Чельшев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. — Казань, 2009. — 511 с.
36. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Введение. Общая часть. Особенная часть — Тула : Автограф, 2001. — 720 с.
37. Шихамиров И. С. Интернет-аккаунт как объект гражданских прав: практика обращения и перспективы использования категории «аккаунт», «учетная запись» // Цифровая наука. — 2021. — № 6-2. — С. 72–89.

Материал поступил в редакцию 21 сентября 2022 г.

REFERENCES

1. Agarkov M.M. Obyazatelstvo po sovetskomu grazhdanskomu pravu [Obligation in the Soviet Civil Law]. Moscow, 1940. 192 p.
2. Alekseev SS. Obshchaya teoriya prava: v 2 t. [General theory of law: in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow: Legal literature Publ., 1981. (In Russ.).
3. Anisimov AP, Ryzhenkov AYa, Chikildina AYu. Obekty grazhdanskikh prav: novye vektory issledovaniya [Objects of civil rights: New vectors for research]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Yurisprudentsiya [Science Journal of Volgograd State University. Series 5, Jurisprudence]*. 2013;4(21):8-14. (In Russ.).
4. Akhmadullina AF. Insayderskaya informatsiya kak obekt grazhdanskikh prav [Insider information as an object of civil rights]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki» [Scientific Notes of Kazan University. Series «Humanities»]*. 2016;158(2):359-371. (In Russ.).
5. Ayusheeva IZ. Tsifrovye obekty grazhdanskikh prav [Digital Objects of Civil Rights]. *Lex Russica*. 2021;74(7):32-43. (In Russ.).
6. Belov VA. Obekt subektivnogo grazhdanskogo prava, obekt grazhdanskogo pravootnosheniya i obekt grazhdanskogo oborota: sodержanie i sootnoshenie ponyatiy [The object of subjective civil law, the object of civil legal relations and the object of civil turnover: The content and correlation of concepts]. In: Rozhkov MA, editor. *Obekty grazhdanskogo oborota: sbornik statey [Objects of Civil Commerce. Collection of papers]*. Moscow: Statut Publ.; 2007. Pp. 6–77. (In Russ.).
7. Vinichenko YuV. Oborotosposobnost i pravovoy rezhim obektov grazhdanskikh prav: sootnoshenie ponyatiy [Turnover and legal regime of objects of civil rights: Relation of concepts]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii*. 2013;6:116-120. (In Russ.).
8. Volchek E. Zhiznesposobnost igrovyykh akkauntov i virtualnykh igrovyykh obektov v dele o bankrotstve [The viability of gaming accounts and virtual gaming objects in the bankruptcy case]. Available from: https://zakon.ru/blog/2020/4/9/zhiznesposobnost_igrovyyh_akkauntov_i_virtualnykh_igrovyyh_obektov_v_dele_o_bankrotstve?ysclid=184ccf4erb708603491 [cited September 19, 2022]. (In Russ.).
9. Grimm DD. K ucheniyu ob obektakh grazhdanskikh prav [To the doctrine of the objects of civil rights]. *Vestnik prava. Zhurnal Sankt-Peterburgskogo yuridicheskogo obshchestva [Journal of Law: Journal of the Legal Society at the Imperial St. Petersburg University]*. 1905;7:157-196/(8):103-123. (In Russ.).

10. Grin ES. Nasledovanie akkauntov v sotsialnykh setyakh: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt [Inheriting Social Media Accounts: Russian and Foreign Experience]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(2):128-134. (In Russ.).
11. Grin OS. Obyazatelstvennyye otnosheniya po povodu tsifrovyykh obektov grazhdanskikh prav [Legally Binding Relationships with Regard to Digital Objects of Civil Rights]. *Lex Russica*. 2020;73(10):21-31. (In Russ.).
12. Deryugina TV, Inshakova AO. Oborotosposobnost i pravovoy rezhim obektov grazhdanskikh prav: sootnoshenie ponyatiy [Turnover and legal regime of objects of civil rights: Relation of concepts]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: Experience, analysis, practice]*. 2019;6:31-34. (In Russ.).
13. Dremlyuga RI. Virtualnaya realnost: obshchie problemy pravovogo regulirovaniya [Virtual Reality: Common Problems of Legal Regulation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;15(9):39-49. (In Russ.).
14. Duranske BT, Kane SF. Virtualnye miry, realnye problemy [Virtual worlds, real issues]. *Pravovedenie [Jurisprudence]*. 2013;2(307):115-134. (In Russ.).
15. Ioffe OS. Spornyye voprosy ucheniya o grazhdanskom pravootnoshenii. Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu [Controversial issues of the doctrine of civil law. Selected works on civil law]. Moscow: Statut Publ.; 2000. (In Russ.).
16. Kirillova EA, Zulfagarzade TE, Metelev SE. Institut tsifrovyykh prav v grazhdanskom prave Rossii [Institute of Digital Rights in Russian Civil Law]. *Pravoprimenenie [Law Enforcement Review]*. 2022;6(1):245-256. (In Russ.).
17. Kirsanova EE. Akkaunt kak obekt grazhdanskikh prav [Account as an object of civil rights]. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*. 2020;2:44-48. (In Russ.).
18. Kirsanova EE. Pravovoe regulirovanie oborota prav na rezultaty intellektualnoy deyatel'nosti v tsifrovoy ekonomike: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Legal regulation of the circulation of rights to the results of intellectual activity in the digital economy. Author's abstract of the Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2021. (In Russ.).
19. Kiselev GV. Pravovyye problemy nasledovaniya igrovyykh akkauntov v mnogopolzovatel'skikh onlayn-igrakh [Legal problems of inheritance of gaming accounts in multiplayer online games]. *Pravo i biznes [Law and business]*. 2021;3:44-47. (In Russ.).
20. Lapach VA. Sistema obektov grazhdanskikh prav: teoriya i sudebnaya praktika [The system of objects of civil rights: Theory and judicial practice]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Press Publ.; 2002. (In Russ.).
21. Minbaleev AV. Printsipy informatsionnogo prava [Principles of information law]. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Pravo» [Bulletin of the South Ural State University. Series «Law»]*. 2015;15(1):79-84. (In Russ.).
22. Marchenko MN. Problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnyy [Problems of the theory of state and law: A textbook]. Moscow: Prospekt; 2001. (In Russ.).
23. Mikhaylov AV. Regulyatory v sfere deystviya predprinimatelskogo prava [Regulators in the field of business law]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnyye nauki» [Scientific Notes of Kazan University. Series «Humanities»]*. 2015;157(6):133-141. (In Russ.).
24. Novitskiy IB, Lunts LA. Obshcheye uchenie ob obyazatelstvakh [The general doctrine of obligations]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1950. (In Russ.).
25. Panarina MM. Nasledovanie akkaunta v sotsialnykh setyakh i voprosy tsifrovogo nasledovaniya: pravovoe issledovanie [Inheritance of an account in social networks and issues of digital inheritance: Legal research]. *Nasledstvennoye pravo [Inheritance law]*. 2018;3:29-30. (In Russ.).
26. Savelev AI. Pravovaya priroda virtualnykh obektov, priobretaemykh za realnyye dengi v mnogopolzovatel'skikh igrakh [The legal nature of virtual objects purchased for real money in multiplayer games]. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2014;1:127-150. (In Russ.).
27. Sannikova LV, Kharitonova YuS. Tsifrovyye aktivyy: pravovoy analiz: monografiya [Digital assets: Legal analysis. A monograph]. Moscow: Print Publ.; 2020. (In Russ.).
28. Sapun VA, Turbova YaV. Instrumentalnaya priroda prava i pravovyye sredstva kak elementy yuridicheskoy tekhniki [The instrumental nature of law and legal means as elements of legal technique]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal [Leningrad Law Journal]*. 2010;3(21):177-188. (In Russ.).
29. Senchishchev VI. Obekt grazhdanskogo pravootnosheniya [The object of a civil legal relationship]. In: Braginskiy MI, editor. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava: sbornik statey [Current problems of civil law: Collection of articles]*. Issledovatel'skiy tsentr chastnogo prava. Rossiyskaya shkola chastnogo prava [Private Law Research Center. Russian School of Private Law]. Moscow: Statut Publ.; 1998. (In Russ.).

30. Suvorov ED. Primenenie printsipov dogovornogo prava k dogovornym otnosheniyam, oslozhnennym tsifrovym elementom [Application of the Principles of Contract Law to Contractual Relations complicated by a Digital Element]. *Lex Russica*. 2022;75(1):109-121. (In Russ.).
31. Filippova SYu. Chastnopravovye sredstva organizatsii i dostizheniya pravovykh tseley [Private legal means of organizing and achieving legal goals]. Moscow: Statut Publ.; 2011. (In Russ.).
32. Khalfina RO. Obshchee uchenie o pravootnoshenii [The general doctrine of the legal relationship]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1974. (In Russ.).
33. Chegovadze LA. Struktura i sostoyanie grazhdanskogo pravootnosheniya: monografiya [Structure and state of civil legal relations: A monograph]. Moscow: Statut Publ.; 2004. (In Russ.).
34. Chelyshev MYu. Regulyatory v grazhdansko-pravovoy sfere: sushchnost pravovogo yavleniya [Regulators in the civil law sphere: The essence of a legal phenomenon]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki» [Scientific Notes of Kazan University. Series «Humanities»]*. 2013;155(4):189-195. (In Russ.).
35. Chelyshev MYu. Sistema mezhotraslevykh svyazey grazhdanskogo prava: tsivilisticheskoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk [The system of intersectoral relations of civil law: A civilistic study. Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Kazan; 2009. (In Russ.).
36. Shershenevich GF. Kurs grazhdanskogo prava. Vvedenie. Obshchaya chast. Osobennaya chast [A Course on Civil Law. Introduction. General Part. Special part]. Tula: Avtograf Publ.; 2001. (In Russ.).
37. Shikhamirov I. S. Internet-akkaunt kak obekt grazhdanskikh prav: praktika obrashcheniya i perspektivy ispolzovaniya kategorii «akkaunt», «uchetnaya zapis» [Internet account as an object of civil rights: Practice of treatment and prospects for the use of the category «account», «profile»]. *Tsifrovaya nauka [Digital science]*. 2021;6-2:72-89. (In Russ.).

РЕКОМЕНДУЕМЫЕ КНИГИ И РЕЦЕНЗИИ
INDEX LIBRORUM

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.145-153

И. Л. Честнов*

Реалистично о правовом реализме:
рецензия на монографию: Тонков Е. Н., Тонков Д. Е.
Правовой реализм. СПб. : Алетейя, 2022. 464 с.

Аннотация. В рецензии представлены наиболее важные положения монографии Е. Н. Тонкова, Д. Е. Тонкова «Правовой реализм» (СПб.: Алетейя, 2022. 464 с.) и их оценка. Рецензируемая работа интересна не только глубоким историческим освещением зарождения и эволюции правового реализма в США, Скандинавии и России, но и анализом его современного состояния. Правовой реализм, по мысли авторов, сегодня является одним из наиболее актуальных для постсовременной юриспруденции направлением в научной мысли Франции, Италии, США и других стран, включая постсоветскую Россию. Актуальность правового реализма обосновывается не только поиском «третьего пути» в правопонимании (между юридическим позитивизмом и концепцией естественного права), но и преодолением пропасти между догматической теорией права и юридической практикой. В первом разделе содержится подробное описание и разбор основных положений (идей) родоначальников правового реализма США — К. Левеллина и Д. Фрэнка (в том числе с позиций современных их интерпретаторов), а также концептуализация этого течения с позиций сегодняшнего дня. Приводятся отличительные признаки движения (но не школы, на чем справедливо настаивают авторы) правового реализма. Особый интерес представляет анализ и концептуализация проблемы правовой определенности и судебного активизма с позиций американских правовых реалистов, излагаемых на страницах монографии.

Во втором разделе монографии анализируются основные положения скандинавского правового реализма — наследие А. Хэгерстрема, В. Лундштедта, К. Оливекроны и А. Росса. Пожалуй, наибольший интерес у многих читателей вызовет содержание третьего раздела монографии, посвященного российскому правовому реализму. Изучение относительно недавнего исторического прошлого нашей страны чрезвычайно важно для юриста, по мнению авторов, потому, что современное состояние правопорядка во многом определяется этим прошлым. Анализ доктрины как источника права, множественности правовых систем, включая индивидуальные нормативные системы и неизбежность конфликтов между ними, — одно из лучших мест в рецензируемой монографии. Анализу современных постклассических концепций правового реализма Б. Лейтера, Б. Таманахи, М. Тропера, Б. Бикса и других посвящен четвертый раздел монографии, который, несомненно, вызовет значительный интерес у читателя, как и замечательная монография в целом.

Ключевые слова: реализм; правовой реализм; история правового реализма; современный правовой реализм; теория права; правовой реализм США; скандинавский правовой реализм; Российский правовой реализм; социология права; постсовременная юриспруденция; источник права; доктрина как источник права; судебский активизм.

Для цитирования: Честнов И. Л. Реалистично о правовом реализме: рецензия на монографию: Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм. СПб. : Алетейя, 2022. 464 с. // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 12. — С. 145–153. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.145-153.

© Честнов И. Л., 2022

* Честнов Илья Львович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
Литейный просп., д. 44, г. Санкт-Петербург, Россия, 191104
ichestnov@gmail.com

On Legal Realism in a Realistic Manner. Monograph Review. Tonkov EN, Tonkov DE. Legal Realism (St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2022. 464 p.)

Ilya L. Chestnov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor, Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Law Institute (branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Liteinyy prosp., d. 44, Saint Petersburg, Russia, 191014
ichestnov@gmail.com

Abstract. The review presents the most important provisions of the monograph by E.N. Tonkov and D.E. Tonkov under the title «Legal Realism» (St. Petersburg: Aleteya Publ., 2022. 464 p.) and their assessment. The reviewed work is interesting not only for its in-depth historical coverage of the origin and evolution of legal realism in the USA, Scandinavia and Russia, but also for the analysis of its current state. Legal realism, according to the authors, is one of the most relevant directions for post-modern jurisprudence in the scientific thought of France, Italy, the USA and other countries, including post-Soviet Russia. The relevance of legal realism is justified not only by the search for a «third way» in the legal understanding (between legal positivism and the concept of natural law), but also by bridging the gap between the dogmatic theory of law and legal practice. The first section contains a detailed description and analysis of the main provisions (ideas) of the founders of legal realism in the USA — K. Llewellyn and D. Frank (including from the positions of their modern interpreters), as well as the conceptualization of this trend from the standpoint of today. The distinctive features of the movement (but not the school, which the authors rightly insist on) of legal realism are given. Of particular interest is the analysis and conceptualization of the problem of legal certainty and judicial activism from the standpoint of American legal realists, presented on the pages of the monograph.

The second section of the monograph analyzes the main provisions of Scandinavian legal realism — the legacy of A. Hagerstrom, V. Lundstedt, K. Olivecrona and A. Ross. Perhaps, the content of the third section of the monograph devoted to Russian legal realism will arouse the greatest interest among many readers. The study of the relatively recent historical past of our country is extremely important for a lawyer, according to the authors, because the current state of law and order is largely determined by this past. The analysis of the doctrine as a source of law, the multiplicity of legal systems, including individual regulatory systems and the inevitability of conflicts between them, is one of the best places in the reviewed monograph. The fourth section of the monograph is devoted to the analysis of modern postclassical concepts of legal realism presented by B. Leiter, B. Tamanakhi, M. Troper, B. Bix and others, which will undoubtedly arouse considerable interest in the reader, as well as a wonderful monograph as a whole.

Keywords: realism; legal realism; history of legal realism; modern legal realism; theory of law; legal realism of the USA; Scandinavian legal realism; Russian legal realism; sociology of law; postmodern jurisprudence; source of law; doctrine as a source of law; judicial activism.

Cite as: Chestnov IL. Realistichno o pravovom realizme: retsenziya na monografiyu: Tonkov E. N., Tonkov D. E. [On Legal Realism in a Realistic Manner. Monograph Review. Tonkov EN, Tonkov DE. Legal Realism (St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2022. 464 p.)]. *Lex russica*. 2022;75(12):145-153. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.145-153. (In Russ., abstract in Eng.).

Правовой реализм — одно из наиболее интересных направлений в теории права. И это не ушедшее в прошлое правопонимание начала — середины XX в., ставшее достоянием историков учений о праве и государстве, но активно развивающаяся научно-исследовательская программа в современной юриспруденции. Именно этому — как истории, так и современности правового реализма — посвящена недавно опубликованная монография исследователей из Санкт-Петербурга Е. Н. Тонкова и Д. Е. Тонкова. Поднимаемые в ней темы и проблемы, уверен, заслуживают внимания со стороны тех,

кому небезразличны перспективы развития отечественной теории права. Более того, их актуальность и оригинальность свидетельствуют о том, что они нуждаются в серьезном и глубоком обсуждении нашего научного сообщества юристов.

Правовой реализм, по убеждению авторов монографии, — это перспективный «третий» путь, пролегающий между юридическим позитивизмом и юснатурализмом, двумя основными противоборствующими подходами к осмыслению права на протяжении последних двух веков. Более того, именно «реалистиче-

ский подход» позволяет преодолеть кризис современной теории права, который коренится, по справедливому заключению Е. Н. Тонкова и Д. Е. Тонкова, в отрыве от практических юридических проблем, и наметить вариант «практически ориентированной юриспруденции». Будучи посредником между ««книжным правом» и практическими проблемами человека», правовой реализм преодолевает «препятствие общественному развитию в лице юридического формализма и утверждает понимание права как социально-психологического феномена» (с. 10). Мне уже доводилось высказывать свою точку зрения по данной теме¹, сейчас же замечу, что и популяризация правового реализма авторами, и их самостоятельные идеи на этот счет вносят важный вклад в преодоление пропасти между догмами классической теории права и юридической практикой.

Рецензируемая книга интересна тем, что в ней подробно и обстоятельно изложена история правового реализма. Этому посвящены раздел 1 («Американский правовой реализм»), раздел 2 («Скандинавский правовой реализм») и раздел 3 («Российский правовой реализм»). Однако авторы не просто излагают теории К. Левеллина, Д. Фрэнка, А. Хегерстрема, В. Лундштедта, А. Росса, Л. И. Петражицкого и других, менее известных представителей этих направлений, но и показывают значение их идей для современной юридической теории (теории права и отраслевых юридических дисциплин). В разделе 4 («Другие варианты правового реализма») читатель найдет хороший обзор теорий таких современных авторов, как Х. Доган, Б. Лейтер, Б. Таманаха, Э. Фиттипальди, М. Троппер, Б. Бикс и др. При этом важно, что авторы предлагают собственное видение проблем современной юриспруденции сквозь призму методологии правового реализма, высказывая чрезвычайно актуальные соображения.

В предисловии авторы заявляют, что правовой реализм необходимо отличать от «реа-

лизма в философии и социологии, так как юридическая трактовка реализма ближе к искусствоведческому значению термина, который применяется для обозначения жизни такой, как она есть, то есть без идеализации и приукрашивания» (с. 9–10). По этому поводу хотелось бы заметить, что философский подход, с моей точки зрения, не совсем корректно противопоставлять юридическому (тем более, что философию права сегодня, например, западные авторы трактуют предельно широко: авторитетный и цитируемый теоретик права С. Шапиро использует «термины “юриспруденция” и “философия права” как синонимы»²). Философия выступает онтологическим, гносеологическим, методологическим и аксиологическим основанием исследований права. Одновременно следует помнить, что сегодня реализм в постклассической философии значительно отличается от «классического реализма», постулирующего «реальное» существование коллективных образований — целостностей типа общества, государств и др., противопоставляемого в истории философии номинализму, исходящему из «реальности» отдельных единичностей — индивидов. В неклассической социальной философии реально то, что воспринимается как реальное, — так можно перефразировать важное положение американского социолога У. Томаса, высказанное в начале XX в. и обозначенное Р. Мертоном как «теорема Томаса»³. При этом достаточно популярны сегодня в западной философии идеи «спекулятивного реализма» мне представляются малопродуктивными для анализа правовой реальности, в отличие от идеи социальной феноменологии или «натуралистической философии права» Б. Лейтера. «Реальность жизни» — это не сами по себе вещи, люди, действия людей и их последствия, представленные эмпирически, а социальные значения, интериоризируемые в личностные смыслы, которыми наделяются вещи, люди,

¹ Честнов И. Л. Практическая, человекоцентристская юриспруденция — выход из тупика догматизации права // Энциклопедия права или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: материалы Седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсисянца / отв. ред. В. Г. Графский. М.: Норма, 2013. С. 46–57; Он же. Практический поворот в современной философии права // Российский журнал правовых исследований. 2017. Т. 4. № 1. С. 69–77.

² Шапиро С. Законность / пер. с англ. С. Коваль; под науч. ред. А. Павлова. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. С. 36.

Философия права, с его точки зрения, изучает «природу права в целом», раскрывая необходимые свойства права (Там же. С. 45, 48).

³ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. С. 605.

действия, последствия. Они и образуют господствующие социальные представления⁴, которые лежат в основе юридического означивания некоторых социальных явлений и процессов, в основе сконструированной и постоянно воспроизводимой практиками людей — носителей статусов субъектов права — правовой реальности. Такая трактовка правовой реальности, как представляется, и есть реалистичное представление в духе постсовременного правового реализма.

В первом разделе, с моей точки зрения, наибольший интерес представляет не только подробнейшее описание и разбор основных положений родоначальников правового реализма США (в том числе с позиций современных их интерпретаторов), но и концептуализация этого течения с позиций сегодняшнего дня. Отличительными признаками движения (но не школы, на чем справедливо настаивают авторы) правового реализма для К. Левеллина и Д. Фрэнка обозначены следующие:

- 1) представление о праве как о подвижном явлении, движущемся явлении, как о явлении, создаваемом судами;
- 2) представление о праве как о средстве, служащем социальным целям, а не как о цели самой по себе;
- 3) представление об обществе как о подвижном явлении, причем способном к движению с большей скоростью, чем право;
- 4) временное отграничение сущего от должного в исследовательских целях;
- 5) недоверие к традиционным правовым нормам и воззрениям в той части, в которой они нацелены на описание того, чем занимаются суды или иные официальные лица;
- 6) вместе с недоверием к традиционным правовым нормам (их описательной стороне) негативно оцениваются «нормы-предписания, нормы-формулировки» (*prescriptive rule-formulations*) с точки зрения их роли в принятии судебных решений;
- 7) целесообразность классификации казусов и правовых ситуаций на более узкие категории, нежели в традиционной теории права;

8) правовое положение должно оцениваться с точки зрения последствий его применения (с. 27–28).

Авторы вслед за Д. Фрэнком дают достаточную обстоятельную классификацию представителей правового реализма США на «нормоскептиков» (*rule skeptics*) и «фактоскептиков» (*fact skeptics*) (с. 29–32). В монографии подробно описывается важная для сегодняшнего дня проблема преподавания юриспруденции, критика сложившейся системы («гранд-стиль» (с. 55–58)) и предложения К. Левеллина и Д. Фрэнка по реформированию юридического образования, ориентированного на практику (с. 38–48).

Чрезвычайно важным представляется обсуждение отцом и сыном Тонковыми проблемы *правовой определенности*, в том числе в связи с проблемой «судебного активизма». Правовая определенность/неопределенность — одна из наиболее актуальных проблем в постклассической юридической науке⁵. Анализ этой темы с позиций исторической ретроспективы позволяет авторам перекинуть мостик в день сегодняшний и продемонстрировать важность изучения наследия основоположников правового реализма. Так, в монографии приводится позиция Д. Фрэнка о том, что «судебные заключения являются лишь *ex post facto* обоснованными, он называет их “цензурированными высказываниями” (*censored expositions*) — решениями, принятыми по множеству причин, часто имеющих мало общего с доктриной. <...> Факты дела не “находятся”, а “создаются” в процессе судебного разбирательства и переговоров сторон. Апелляционные решения налагают иллюзорную определенность на “обнаруженные” факты дела и не дают никакого представления о процессах, посредством которых данные факты действительно оказались в материалах дела» (с. 43 и след.).

Иллюзия правовой определенности — важнейшего принципа верховенства права — у К. Левеллина, как показывают авторы, связана с его доктриной «нормоскептицизма». Правовые реалисты — нормоскептики «не отрицали, что судебские решения достаточно единооб-

⁴ Кем и как конструируются и принимаются такие социальные представления и как они становятся господствующими — это отдельный вопрос, достойный специального рассмотрения. Это вопрос социологии знания, которая «имеет дело... с процессами, с помощью которых *любая* система “знания” становится социально признанной в качестве “реальности”» (Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания / пер. Е. Д. Руткевич. М. : Медиум, 1995. С. 12).

⁵ См.: Неопределенность права: философское осмысление и юридическое значение : монография / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. М. : Проспект, 2022. 296 с.

разны, чтобы сделать понятное предсказание возможным. Но они настаивали на том, что основная часть этого единообразия не может быть объяснена влиянием существующих норм, появившихся в прошлом» (с. 58–59). «Базовым правовым мифом» называл Д. Фрэнк «широко распространенное представление о том, что право является или может быть достаточно стабильным и определенным» (с. 68). В заключении к разделу 1 авторы заявляют, что правовые реалисты США не были сторонниками неопределенности права. «Более того, они считали, что правовая определенность в значительной мере существует благодаря единообразию внеправовых ценностей, которые обуславливают судебные решения.

Не сто́ит забывать желания реалистов сделать судебное вынесение решений более рациональным, более осознанным и более справедливым, что в некоторой степени сглаживает обвинение их критиков в зависимости судебных решений от произвольного выбора их обоснования. Согласно американским правовым реалистам, никто никогда не может быть абсолютно уверен, почему судья или кто-либо другой достиг конкретного решения: человеческие мотивы слишком неуловимы. Тем не менее решения судей, которые готовы обсуждать, например, политические (в широком смысле) причины их принятия, предполагают быть более предсказуемыми, чем решения, достигнутые судьями, которые сопротивляются обсуждению подобных причин» (с. 89–90).

Во втором разделе монографии анализируются основные положения скандинавского правового реализма. Если о правовом реализме США в отечественной теории права существует достаточно обширная литература, то относительно скандинавского правового реализма такого сказать нельзя. Поэтому обращение к наследию А. Хэгерстрема, В. Лундштедта, К. Оливекроны и А. Росса — важный вклад авторов в развитие учений о праве и государстве XX в. При этом в работе проанализированы также идеи «второго поколения» скандинавского правового реализма (возникшего после Второй мировой войны и представленного прежде всего А. Россом) и показаны их различия: «Первое поколение открыто пропагандировало определенные политические реформы, а представители второго поколения придерживались более инструментальных взглядов на юридическую науку. В то время как целью первого поколения было произвести революцию в области юрис-

пруденции, превратив право в средство политических и социальных реформ, для второго поколения стало насущной задачей снизить радикализм и сгладить острые углы своих предшественников после серьезных общемировых политических изменений 1930–1940-х гг.» (с. 95).

Одним из важнейших положений скандинавского правового реализма, на чем настаивают авторы монографии, является отрицание ими (в частности, А. Хэгерстромом) «метафизических элементов из юриспруденции», ориентация юриспруденции на эмпирическую методологию. «Скандинавские реалисты подчеркивали необходимость эмпирического подхода к праву через изучение полученных путем опыта и наблюдения фактов». Тем самым естественное право отрицалось на том основании, что оно находится вне сферы науки. При этом юридический позитивизм пронизан, по их мнению, естественно-правовыми концепциями. Как утверждал А. Хэгерстрем, «названные концепции не адекватны фактической реальности и являются метафизическими, иллюзорными идеями, состоящими из суеверий, мифов, фикций и магии» (с. 101).

А. Хэгерстрем, основоположник скандинавского правового реализма, подверг резкой критике базовое положение классической юридической теории — теорию воли (с. 127–133) и вытекающую из нее концепцию прав и обязанностей, которые квалифицировались им как «следствие магических верований и метафизических представлений; они, по его мнению, являются лишь “чувствами”, так как невозможно найти в действительности соответствующие правам и обязанностям факты» (с. 114). Современные правовые институты, по мнению шведского реалиста, «представляют собой подтверждение верований в сверхъестественный мир прав и обязанностей и в магическую силу слов, которые вызывают изменения в этом мире, хотя, безусловно, и не в той же мере, что в древние времена» (с. 121).

Близкие идеи высказывал В. Лундштедт. Он именовал теории, в которых присутствуют «нефактические сущности», «сверхъестественными», отрицал их научность и подчеркивал их идеологичность. Он стремился показать метафизичность всех концепций правовой идеологии. По его убеждению, многие понятия или конструкции догматики права, такие как права, обязанности, правоотношения, проступок, вина, ответственность, норма права, являются

метафизическими и идеологическими, и могут использоваться только «ярлыки», обозначающие эмпирическую правовую реальность (с. 142). Это же относится и к справедливости в праве (с. 143). «Демифологизация», наполнение эмпирическим содержанием такого рода юридических конструкций — важная задача правового реализма.

Интересно и поучительно отношение теоретиков скандинавского правового реализма к правам человека (с. 161–173), а также политическим идеям скандинавской социал-демократии (с. 174–182).

Пожалуй, наибольший интерес у многих читателей вызовет содержание **третьего раздела** монографии, посвященного российскому правовому реализму⁶. Изучение относительно недавнего исторического прошлого нашей страны чрезвычайно важно для юриста, по мнению авторов, потому, что современное состояние правового порядка во многом определяется этим прошлым. В частности, как отмечается в работе, «причины несовпадения “права в жизни” с “правом в книгах” рационально объясняет концепция российского правового реализма, предоставляя методологические инструменты для прогнозирования дальнейшей эволюции правового порядка» (с. 195).

Опираясь на известную идею Л. И. Петражицкого о множественности «видов позитивного права» (с. 201), авторы обстоятельно анализируют источники права: «юридическую доктрину, юридическую практику, моральные воззрения, локальные акты муниципальных образований, корпоративные нормы, деловые обыкновения, правосознание, договоры нормативного содержания, принципы права, нормы международного права, интуитивное право (индивидуальную нормативную систему), науку (не только юридическую), нормы политических партий, нормы освободительных движений, нормы преступных сообществ, разум» (с. 203 и след.).

Значительный интерес представляет широкая трактовка доктрины в российском праве. По мнению авторов, она «занимает особое положение, при анализе исследуемого феномена нельзя ограничиваться значениями “учение” или “совокупность идей, разделяемых учены-

ми”. Необходимо учитывать не только формально-юридические дискурсы, но и внедрение в правовой порядок социально значимых, экономически и политически выгодных идей... Особенности российского правового уклада представляются населению через доктринальные труды юристов, на свой лад интерпретирующих сущее и должное в праве. <...> В качестве правовой доктрины можно рассматривать “господствующие представления о праве”, производные от воли суверена, подтвержденные доминирующими тенденциями юридической практики. Явно выраженная правовая доктрина государства становится одним из источников права, который следует учитывать при прогнозировании развития как частных, так и публично-правовых ситуаций» (с. 203–205).

Реализм подхода авторов к постсоветскому праву проявляется в обосновании множественности правовых порядков, реально сложившихся и функционирующих в правовой системе нашего общества (с. 215, 265–290). Отсюда важный вывод, что «право следует рассматривать как результат и способ реального взаимодействия людей, порождающего субъективные права и обязанности. <...> Человек — актер права, он в состоянии формировать условия своей будущей жизни, способен активно воздействовать на природу и других людей, рассматривая окружающую действительность с точки зрения своих интересов» (с. 216–217).

Отдельного специального обсуждения заслуживает концепция «индивидуальной нормативной системы», формулируемой авторами монографии в качестве важного (если не важнейшего) источника права (с. 230–264). «Индивидуальная нормативная система является основой для принятия юридически значимых решений каждым человеком. С социально-психологической точки зрения это комплекс правил поведения, вырабатываемых человеком в процессе взаимодействия с окружающими людьми по мере усвоения общепринятых норм: групповой морали, религии, правовой традиции, юридической практики и т.д. Нормативная система формируется каждым человеком с момента рождения посредством признания уже существующих норм, их модификации и создания новых... Индивидуальная норма,

⁶ Концепт «российский правовой реализм» введен в научный оборот и активно разрабатывается Е. Н. Тонковым с 2012 г. Само по себе обоснование российского правового реализма в качестве самостоятельного феномена наравне с американским и скандинавским правовым реализмом — важный вклад авторов в развитие постсовременной юридической науки.

устанавливаемая субъектом в качестве правила для своего поведения и, возможно, поведения других лиц, отражает уже существующую действительность, которая, в свою очередь, влияет на формирование будущих правоотношений с участием субъекта. Рассмотренная в этой перспективе законодательная деятельность есть установление новой правовой закономерности, то есть экстраполяция индивидуальной нормативной системы суверена (субъектов, действующих от имени суверена) на нормативные системы других лиц властными способами» (с. 230–231).

Принимая и признавая важность «усвоения общепринятых норм», проблемы, связанные с конфликтами «индивидуальных нормативных систем» (с. 237–248), полагаю, что авторская терминология, имеющая, несомненно, право на существование, может быть скорректирована. Все дело в том, что как не существует «индивидуального языка» (как это доказал Л. Витгенштейн), так и невозможна «по определению» индивидуальная нормативная система, но имеет место процесс интериоризации (усвоения) норм права в правосознание индивида, в его установки, навыки, стереотипы мышления и поведения. Впрочем, терминология не так уж и важна. Гораздо значимее совершенно верное указание авторов на роль человеческого измерения правовой реальности. «Над юридическими фактами истории стоят интересы конкретных людей, объективированные через нормативную систему государства. Постиндустриальное общество демонстрирует нам, как антиномия демократии и тирании прошлого века трансформировалась в конвергенцию демократии и тирании, породив усредненный глобализованный политический режим. В пространстве конкурирующих нормативных систем действительными становятся только те команды, которые человек дает себе. Норма — это в первую очередь предписание для себя. Норма другого субъекта обязательна только для него самого, если у окружающих нет внутреннего основания соблюдать ее. Законы и права не существуют в материальной природе, закон и право — это придуманные людьми связи, а любое новое правило отражает в первую очередь позицию его создателя. Законодательная деятельность есть установление новой правовой закономерности, то есть экстраполяция личных норм законодателя на нормативные системы других лиц властными способами. Создание новой нормы — это определенное во времени,

пространстве и по кругу лиц юридико-техническое действие, являющееся оформлением воли автора» (с. 239).

Правовой реализм, отстаиваемый Е. Н. Тонковым и Д. Е. Тонковым, наиболее наглядно проявляется в их трактовке норм права и их действию. Со ссылкой на Е. В. Булыгина и К. Альчуррона — авторов знаменитой книги «Нормативные системы» — норма права трактуется как «выражение (т.е. языковое высказывание), которое соотносит случай с решением» (с. 279). Анализ множественности и иерархичности нормативных систем, существующих в любом обществе, в постсовременном обществе, позволяет авторам прийти к выводу, что сегодня «нормативная система, созданная правоприменителем», выходит на первое место, «ибо от качества его правосознания, представлений о разумности и рациональности, от его интуитивных представлений о праве зависит соотношение интерпретируемого (оцениваемого) случая и решения» (с. 281). Такая роль правоприменения во многом связана с авторским подходом к праву: «Право — это открытая система норм, саморегулирующаяся и изменяющаяся с течением времени. Право не является продуктом исключительно государства и не совпадает с законом, оно формируется из нескольких источников, в том числе: традиций; юридических практик; религиозных установлений; политических доктрин; нормативных актов публичной власти; международных договоров; уставов корпораций; обычаев сообществ и т.д. Право имманентно культуре соответствующего этноса, эволюционирующего во времени и в пространстве, оно есть результат и способ взаимодействия людей, порождающего субъективные права и обязанности. Право — это система норм, в формировании которых прямым волеизъявлением или молчаливым согласием принимает участие все население рассматриваемого социума» (с. 290).

Действие права, по мысли авторов, не существует вне его интерпретации. «Право познается через юридические практики; действующие правовые закономерности можно выявить только эмпирическим путем. Право не существует само по себе, оно актуализируется посредством целенаправленной деятельности людей и нуждается в непрерывной интерпретации. Разные субъекты связывают с правом неодинаковые явления и статусы социальной действительности. Окружающий мир может распознаваться человеком только

через его чувственные акты. Право воспринимается в первую очередь интуитивно, как психо-социальное явление, и лишь потом его многоуровневость раскрывается критическим сознанием... Современный правопорядок формируется официальными интерпретаторами посредством толкования права в правоприменительных актах» (с. 298).

Принципиальная важность правоприменения, включающего толкование фактов и норм права, как убедительно показано в работе, состоит в том, что текст закона сам по себе не может служить руководством к конкретному действию субъекта правоприменения. Это связано с тем, что последний должен проинтерпретировать не только текст закона, но и имеющиеся в деле факты, а также дать их квалификацию (с. 302). Более того, по мысли авторов, «можно сделать вывод о том, что ни в тексте законодателя, ни в деятельности правоприменителя не существует объективного значения. Реальное значение правовой нормы определяется только толкованием; можно сказать, что до толкования текст имеет много значений, он может быть истолкован даже противоположным образом, что нередко встречается в юридической практике, Объектом толкования становится не теоретическая норма, содержащая абстрактное предписание, а имеющаяся информация о предписании, факты исполнения / неисполнения воли правителя, правоотношения, опосредующие возникновение юридических фактов» (с. 301). Общий вывод авторов таков: «Не норма закона, а акт толкования при право-

применении является основанием непосредственного возникновения, утраты или изменения прав человека. Правоприменительный акт содержит как общую волю законодателя, так и казуальную волю правоприменителя; в нем создаются аргументативные конструкции, обосновывающие необходимость изменения прав и обязанностей участников юридической процедуры» (с. 306).

Четвертый раздел монографии посвящен другим современным вариантам правового реализма. В нем содержится интереснейшая информация об основных положениях концепций таких авторитетных западных теоретиков, как М. Тропер, Б. Лейтер, Б. Таманаха, Б. Бикс и др. Остается только сожалеть, что их идеи изложены весьма фрагментарно, и надеяться, что в последующих публикациях они получат более развернутое освещение, подобающее их вкладу в мировую юриспруденцию.

Подводя итог обзору интереснейшей работы, соглашусь с авторами в том, что правовой реализм — это «новая правовая концепция социологического направления, объединяющая достоинства современных вариантов естественного права и позитивизма. <...> Междисциплинарность правового реализма позволяет преодолеть схоластическое теоретизирование и правовое конструирование нормативных текстов, не соответствующих реальной практике» (с. 412). Уверен, что читатель получит интеллектуальное удовольствие от знакомства с этим чрезвычайно актуальным для постсовременной юриспруденции текстом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания / пер. Е. Д. Руткевич. — М. : Медиум, 1995. — 323 с.
2. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. — М. : АСТ, 2006. — 873 с.
3. Неопределенность права: философское осмысление и юридическое значение : монография / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. — М. : Проспект, 2022. — 296 с.
4. Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм. — СПб. : Алетейя, 2022. — 464 с.
5. Честнов И. Л. Практическая, человекоцентристская юриспруденция — выход из тупика догматизации права // Энциклопедия права или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания : материалы Седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсесянца / отв. ред. В. Г. Графский. — М. : Норма, 2013. — С. 46–57.
6. Честнов И. Л. Практический поворот в современной философии права // Российский журнал правовых исследований. — 2017. — Т. 4. — № 1. — С. 69–77.
7. Шапиро С. Законность / пер. с англ. С. Коваль ; под науч. ред. А. Павлова. — М. : Издательство Института Гайдара, 2021. — 720 с.

Материал поступил в редакцию 30 сентября 2022 г.

REFERENCES

1. Berger P, Lukman T. Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti: Traktat po sotsiologii znaniya [The social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Transl. by Rutkevich ED. Moscow: Medium Publ.; 1995. (In Russ.).
2. Merton R. Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura [Social theory and social structure]. Moscow: AST Publ.; 2006. (In Russ.).
3. Rybakob OYu, editor. Neopredelennost prava: filosofskoe osmyslenie i yuridicheskoe znachenie: monografiya [The uncertainty of law: Philosophical understanding and legal significance. A monograph]. Moscow: Prospekt Publ; 2022. (In Russ.).
4. Tonkov EN, Tonkov DE. Pravovoy realizm [Legal realism]. St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2022. (In Russ.).
5. Chestnov IL. Prakticheskaya, chelovekotsentristskaya yurisprudentsiya — vykhod iz tupika dogmatizatsii prava [Practical, human centered jurisprudence: a way out of the impasse of dogmatization of law]. In: Grafkiy VG, editor. Entsiklopediya prava ili integralnaya yurisprudentsiya? Problemy izucheniya i prepodavaniya: materialy Sedmykh filosofsko-pravovykh chteniy pamyati akad. V. S. Nersesyantsa [Encyclopedia of Law or integral jurisprudence? Problems of studying and teaching. Proceedings of the 7th Philosophical and Legal Readings in memory of Academician V. S. Nersesyants]. Moscow: Norma; 2013. Pp. 46–57. (In Russ.).
6. Chestnov IL. Prakticheskiy povorot v sovremennoy filosofii prava [A practical turn in the modern philosophy of law]. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy [Russian Journal of Legal Studies]*. 2017;4(1):69-77. (In Russ.).
7. Shapiro S. Zakonnost [Legality]. Translated from English by S. Koval; A. Pavlov, editor. Moscow: Gaydar Institute Publishing House; 2021. (In Russ.).

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

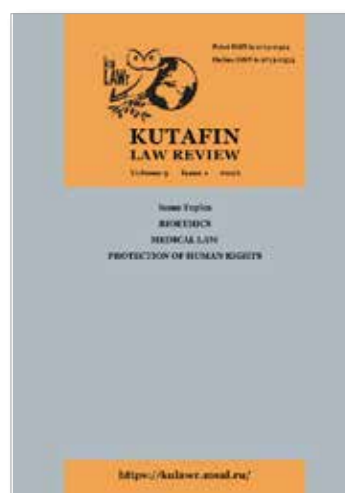
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008